

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

198

СРЕДНЕВЕКОВАЯ АРХЕОЛОГИЯ
ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

Издаются с 1939 г.

198

СРЕДНЕВЕКОВАЯ АРХЕОЛОГИЯ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

Ответственный редактор
доктор исторических наук
И. Т. КРУГЛИКОВА

МОСКВА «НАУКА» 1989

Редакционная коллегия:

О. С. ГАДЗЯЦКАЯ (ответственный секретарь),
Н. Н. ГУРИНА, А. Н. КИРПИЧНИКОВ (зам. ответственного редактора),
Ю. А. КРАСНОВ, В. В. КРОПОТКИН,
И. Т. КРУГЛИКОВА (ответственный редактор),
В. П. ЛЮБИН, В. М. МАССОН, Н. Я. МЕРПЕРТ, Р. М. МУНЧАЕВ,
В. В. СЕДОВ (зам. ответственного редактора),
Д. Б. ШЕЛОВ

Рецензенты:

кандидаты исторических наук Т. Н. НИКОЛЬСКАЯ, Г. Н. ПРОНИН

Средневековая археология Восточной Европы.— М.: Наука, 1989.— 128 с., ил.— (Крат. сообщ. Ин-та археологии. Вып. 198). ISBN 5-02-009459-5

В выпуске рассматриваются общие и частные вопросы средневековой археологии Восточной Европы. Исследуются процессы формирования восточнославянской народности, особенности социальной структуры южнокуршских земель, проблемы хронологии и др. Публикуются новые материалы, в том числе берестяная грамота.

Для археологов и историков.

С 0504000000-164
042(02)-89 -188-89-Кн. 1

ISBN 5-02-009459-5

© Издательство «Наука», 1989

И. Т. КРУГЛИКОВА

К СЕМИДЕСЯТИЛЕТИЮ
ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ АН СССР *

18 апреля 1919 г. В. И. Ленин подписал декрет о создании Российской академии истории материальной культуры (РАИМК). Она была создана на базе Археологической комиссии, существовавшей с 1859 г. и преобразованной в 1918 г. в Российскую государственную археологическую комиссию (РГАК), устав которой был утвержден А. В. Луначарским. Председателем РГАК был избран Н. Я. Марр. Его же назначили председателем комиссии, которой поручили подготовить вопрос об учреждении Академии археологических знаний.

Чрезвычайное собрание РГАК 17 марта 1919 г. обсудило и приняло проект «Положения о Российской академии археологических знаний в составе объединения преобразуемой в нее Археологической комиссии и сродных по научным задачам учреждений и ассоциаций», а также проект «Декрета о преобразовании Российской государственной археологической комиссии в Российскую государственную академию археологических знаний и учреждений ее объединения». В окончательном варианте декрета, принятого на заседании Малого Совета Совнаркома и подписанного В. И. Лениным, говорилось об учреждении РАИМК¹. Председателем РАИМК был избран Н. Я. Марр, возглавлявший Академию до 1934 г. Среди членов РАИМК первого состава были выдающиеся ученые В. В. Бартольд, А. А. Васильев, С. А. Жебелев, Н. П. Кондаков, В. В. Латышев, А. А. Миллер, А. А. Спицын, Б. А. Тураев, Б. В. Фармаковский, А. В. Шмидт и др.² При Академии имелись научно-вспомогательные учреждения — библиотека, архив, склады древностей и изданий, типография.

В Москве находилась секция Академии. В ней была комиссия по археологии, в которой работали А. С. Башкиров, Б. Н. Граков, А. В. Збруева, О. А. Кривцова-Гракова и др.

РАИМК входила в систему Наркомпроса РСФСР, который и переименовал ее в январе 1926 г. в Государственную академию истории материальной культуры (ГАИМК).

В конце 20-х и начале 30-х годов гуманитарные науки в СССР переживали сложный процесс освоения марксистско-ленинской методологии исследования. Начиная критический пересмотр старой буржуазной методики. Первые шаги на пути овладения археологами марксистской методологией связаны с московской группой студентов и аспирантов РАНИОН, в состав которой входили ученики В. А. Городцова А. В. Арциховский, А. Я. Брюсов, С. В. Киселев, А. П. Смирнов и др.³ Их доклады на социологической секции Института археологии и искусствознания РАНИОН в 1925—1926 и 1929 гг. имели большое значение для развития советской археологии.

Освоение нового сопровождалось ожесточенной борьбой мнений как

в Москве, так и в Ленинграде. Это нашло отражение в печати. В ежемесячном археологическом журнале «Сообщения ГАИМК», который начал издаваться в Ленинграде в 1931 г.⁴, публикуются резкие критические статьи. Особенно острой критике подвергался В. А. Городцов, а также А. Я. Брюсов, М. Е. Фосс, А. В. Арциховский, С. В. Киселев, А. С. Башкиров. Так, например, С. Н. Быковский, активно выступавший против буржуазной методологии, обвинял В. А. Городцова в применении «формально-сравнительного метода, глубоко враждебного марксизму», и в незнании яфетической теории Н. Я. Марра, что в то время считалось серьезным недостатком. В отрицательном отношении к яфетидологии он обвинял также А. Я. Брюсова и М. Е. Фосса⁵. Буржуазным археологом, сторонником миграционной теории называл В. А. Городцова Е. Ю. Кричевский⁶. В. И. Равдоникас писал, что московская школа археологов стоит «на основе формально-типологической методологии и не желает подходить к археологическим памятникам как к источникам для изучения социально-экономической жизни общества». Он обвинял ведущих московских археологов в антимарксистской методологии⁷.

В свою очередь и книги В. И. Равдоникаса подвергались не менее резкой критике со стороны А. В. Арциховского, И. И. Смирнова, Е. Ю. Кричевского и др.⁸ Книгу В. И. Равдоникаса о норманнах считали чуждой марксистским установкам и обвиняли автора в том, что он придерживается реакционной «торговой теории происхождения государства и общества», что в работах 1925 г. он стоит на реакционных позициях чистого формализма, миграционной теории, великодержавного шовинизма, географизма и т. д., а в работе о «социологической периодизации палеолита» допускает ошибки «механистического характера»⁹.

Острые дискуссии развернулись вокруг приемов датировки вещественных памятников, а также по вопросу о том, является ли археология самостоятельной или вспомогательной исторической наукой.

Стремление ликвидировать отрыв археологии от исторической науки привело к включению в ГАИМК в 1930 г. известных ученых-историков Б. Д. Грекова, В. В. Струве, С. И. Ковалева, А. Ю. Якубовского и др.¹⁰ В 1931 г. по докладу С. И. Ковалева развернулась дискуссия о применимости понятия общественно-экономической формации к бесклассовому обществу, и С. И. Ковалев был обвинен в попытке «реvisions марксистско-ленинского учения о социально-экономических формациях»¹¹.

Судя по большому количеству острых критических рецензий и теоретических статей, стремление постичь новую методологию и разоблачить ошибки старой школы нашло широкий отклик у археологов. Однако далеко не все критические замечания, выдаваемые за критику марксистских позиций, принесли пользу развитию археологической науки. Увлечение социологическими спорами, преклонение перед яфетической теорией Н. Я. Марра, полное отрицание роли миграций, метода типологических сравнений и ряд других положений привели многих исследователей к отрыву от конкретной археологии.

Господство социологии и гонения, которым подвергались инакомыслящие, заставили А. В. Арциховского, С. В. Киселева, А. П. Смирнова признать свои положения ошибочными. Они объяснили их увлечением механистической концепцией Н. И. Бухарина, считавшего первичным элементом средства производства, и влиянием богдановской концепции в виде теории организаторства¹². А. Я. Брюсов, присоединяясь к статье А. В. Арциховского, С. В. Киселева и А. П. Смирнова, так-

же отмежевался от классификационных схем В. А. Городцова и признан ошибочным применение им теории миграций¹³.

Появление в Москве значительной группы молодых высококвалифицированных археологов и желание сконцентрировать силы археологов в рамках ГАИМК привело к организации в Москве отделения ГАИМК на базе бывшего сектора археологии Государственного института археологии и искусствознания¹⁴. В составе Московского отделения ГАИМК было четыре сектора: материального производства доклассового общества, рабовладельческого общества, феодального общества, капитализма и генезиса социалистического производства. В 1934 г. в составе ГАИМК были учреждены четыре института: истории доклассового общества, истории рабовладельческого общества, истории феодального общества и исторической технологии. Большую роль в этом сыграло постановление правительства 1934 г. об исторической науке.

Во второй половине 30-х годов интерес к методолого-теоретическим исследованиям упал, начали заниматься конкретной археологией. Развернулись полевые исследования, особенно в связи с новостройками первых пятилеток, началась активная публикация материалов археологических исследований.

В 30-е годы, когда в результате сталинских репрессий были уничтожены или отправлены в ссылку многие представители советской интеллигенции, поредели и ряды археологов. Репрессиям подверглись К. Э. Гриневич, М. П. Грязнов, Б. С. Жуков, Б. А. Куфтин, Б. А. Латынин, А. А. Миллер, С. И. Руденко, П. С. Рыков и др. Позднее они были реабилитированы, но не всем удалось вновь приступить к работе.

В 1937 г. ГАИМК и МОГАИМК реорганизованы в Институт истории материальной культуры (ИИМК) АН СССР, который стал всеобщим археологическим центром. В Ленинграде среди его подразделений был создан комитет полевых исследований и охраны памятников. В 1938 г. директором ИИМК стал М. И. Артамонов.

В период Великой Отечественной войны многие археологи ушли на фронт. Некоторые из них пали смертью храбрых¹⁵. Те же, кто эвакуировался в Ашхабад, Ташкент и Елабугу, продолжали работу и проводили небольшие полевые исследования. Сотрудники ИИМК участвовали в экспедициях, определявших ущерб, нанесенный советским музеям, архитектурным памятникам и археологическим объектам фашистскими захватчиками¹⁶.

В 1945 г. ИИМК был переведен в Москву. Его директором стал академик Б. Д. Греков. В Ленинграде было создано отделение института (ЛОИИМК).

Еще в 1936 г. Институт антропологии, археологии и этнографии АН СССР начал выпускать не периодическое издание «Советская археология». С 1940 г. оно становится изданием ИИМК. Во главе редколлегии стояли ведущие советские ученые И. И. Мещанинов, М. И. Артамонов, Б. Д. Греков, В. И. Равдоникас, Б. А. Рыбаков. На базе этого издания в 1957 г. был основан ежеквартальный журнал «Советская археология». Его ответственным редактором стал А. В. Арциховский, а с 1979 г. — Б. А. Рыбаков.

С 1939 г. стали публиковаться «Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях ИИМК» (КСИИМК). Ответственными редакторами были С. Н. Бибииков, Б. Д. Греков, А. Д. Удальцов, Т. С. Пазсек. К своему 50-летию сборник КСИА (ранее КСИИМК) насчитывает более 200 выпусков. За последние годы сборники стали тематическими и отражают работу всех подразделений ИА. Статьи и

материалы, публикуемые в сборниках КСИА, широко используются как советскими, так и иностранными учеными.

Большую положительную роль в развитии советской археологии сыграло издание «Материалы и исследования по археологии СССР» (МИА). В 1940—1941 гг. опубликовано шесть выпусков, а после Великой Отечественной войны (до 1972 г.) — еще 181.

Большое значение для развертывания археологической работы после окончания Великой Отечественной войны имело созданное в апреле 1945 г. в Москве Всесоюзное археологическое совещание, которое подвело итоги и наметило перспективы развития советской археологии. В это время широко развертывается и экспедиционная деятельность института¹⁷.

В 1946 г. директором ИИМК становится А. В. Мишулин, а затем — А. Д. Удальцов. Изменяется и структура ИИМК. В Москве образован сектор полевых исследований и камеральной обработки. При этом секторе учрежден комитет полевых исследований, в который вошли А. В. Арциховский, В. Д. Блаватский, М. В. Воеводский, Н. Н. Воронин, Б. Н. Граков, Т. С. Пассек, А. П. Смирнов. В обязанности комитета входили выдача открытых листов на право археологических раскопок и разведок на территории РСФСР, рассмотрение и утверждение отчетов.

В 1951 г. в самостоятельное подразделение был выделен сектор полевых исследований, преобразованный в 1952 г. в отдел полевых исследований во главе с А. В. Арциховским. В 1956 г. его заменил А. Я. Брюсов, позднее — Л. А. Евтюхова, Д. Б. Шелов и В. В. Седов. В Ленинградском отделении института группа полевых исследований образована в 1959 г. во главе с М. П. Грязновым.

В ЛОИИМК в конце 1951 г. была создана лаборатория археологической технологии во главе с С. И. Руденко. Основное место в ее работе занимали экспериментальные исследования первобытной техники под руководством С. А. Семенова, а также дендрохронология и металлография. В 1955 г. там же создается радиоуглеродная лаборатория¹⁸, в задачу которой входит датировка образцов из археологических памятников по C_{14} .

В Москве с 1949 г. была организована во главе с В. И. Цалкиным группа, изучающая остеологические остатки, с 1954 г. — агробиологическая группа во главе с А. В. Кирьяновым, с 1955 г. — группа по пылецевому анализу во главе с Г. Н. Лисицыной. Позднее были созданы группы дендрохронологии, археоманетизма, металлографии, спектроскопии и петрографии. Все эти группы в 1967 г. объединены в Лабораторию естественнонаучных методов, руководителем которой стал Б. А. Колчин, позднее — Е. Н. Черных.

С 1956 г. директором ИИМК стал Б. А. Рыбаков.

С целью ликвидировать параллелизм в работе отделений Москвы и Ленинграда в 1958 г. была установлена новая структура института: в Москве — секторы неолита и бронзы, скифо-сарматской археологии, античной археологии, славяно-русской археологии, лаборатория камеральной обработки материала, отдел полевых исследований, отдел архивных исследований; в Ленинграде — секторы палеолита, археологии Средней Азии и Кавказа, группа античной археологии, группа славяно-русской археологии, лаборатория археологической технологии, библиотека и архив.

С 1960 г. ИИМК, который с 1959 г. именуется Институтом археологии АН СССР (ИА), приступил к изданию «Свода археологических источников» — монументального труда, цель которого состоит в приведе-

нии археологических материалов в единую стройную систему. Сейчас уже опубликовано более 70 выпусков.

Велика издательская деятельность ИА. Лучшие из работ его сотрудников отмечены правительственными наградами. Так, труды Н. Н. Воронина, Е. И. Крупнова, Б. А. Рыбакова, Б. А. Колчина удостоены Ленинской премии. Работы Г. К. Вагнера, М. П. Грязнова, С. В. Киселева, А. П. Окладникова, Т. С. Пассек, Б. Б. Пиотровского, С. А. Плетневой, Б. А. Рыбакова, В. В. Седова, С. А. Семенова, А. Ю. Якубовского, а также коллективные труды «Культура древней Руси» и «Труды Новгородской экспедиции» удостоены Государственной премии.

С 1966 г. ИА начал издавать ежегодник «Археологические открытия», где публиковались краткие информации об археологических раскопках на территории СССР, а также о работах советских археологических экспедиций за рубежом.

За успехи в развитии археологической науки и подготовку высококвалифицированных кадров ИА награжден в 1969 г. орденом Трудового Красного Знамени. Археологическими исследованиями охвачена большая территория страны. Проводятся научные сессии, посвященные итогам археологических исследований.

Укрепляются научные связи с зарубежными странами. Сотрудники ИА участвуют в международных научных конференциях и симпозиумах. Организуются зарубежные археологические экспедиции. В 1958—1960 гг. группа археологов-антиковедов во главе с В. Д. Блаватским участвует совместно с Тиранским университетом в раскопках на территории Албании. В 1961—1962 гг. в Египте работает Нубийская экспедиция во главе с Б. Б. Пиотровским. С 1961 г. работает Советско-Болгарская экспедиция. В 1969 г. возобновляет работу Советско-Монгольская экспедиция, которая начала свои исследования в 1948—1949 гг. под руководством С. В. Киселева. С 1969 г. начинают функционировать Иракская и Советско-Афганская экспедиции, с 1975 г.— Советско-Венгерская экспедиция. С 1978 г. проводятся раскопки на острове Шпицберген. Позднее прибавились экспедиции в Социалистическую республику Вьетнам, в Народную Демократическую республику Йемен, а с 1988 г. начинают свои работы Сирийская экспедиция. Сотрудники института принимают участие в археологических раскопках на территории Алжира, Колумбии и Кубы.

Институт активно участвует в регистрации археологических памятников. В 1972 г. в ИА образованы два новых сектора: археологических сводов и новостроечных хозяйственных экспедиций, а в ЛОИА — группа новостроечных и хозяйственных экспедиций. Там же на базе группы славяно-русской археологии возник сектор славяно-финской археологии.

С 1973 г. ИА приступил к подготовке 20-томного издания «Археология СССР». До 1988 г. вышло в свет восемь томов.

В последние годы произошли некоторые изменения в структуре ИА. В Москве создано новое подразделение — сектор (теперь отдел) теории и методики археологии. На базе соответствующих подразделений образованы отделы: неолита и бронзы, скифо-сарматской археологии, античной археологии (при нем функционируют Севастопольская археологическая база и мемориальный кабинет В. Д. Блаватского), славяно-русской археологии, отдел полевых исследований, отдел археологической службы с двумя секторами — охранных раскопок и сводов.

В 1988 г. директором ИА избран академик В. П. Алексеев. Академик Б. А. Рыбаков стал почетным директором.

В период гласности и демократии растет активность коллектива сотрудников ИА. Избран новый состав ученых советов в Москве и Ленинграде. Все руководители подразделений ИА теперь избираются на собраниях коллективов отделов и утверждаются учеными советами. При ИА функционируют специализированные советы по защите докторских (в Москве) и кандидатских (в Ленинграде) диссертаций, работают методологические и теоретические семинары.

Следует, однако, заметить, что в последнее время заметно упал интерес к теоретическим проблемам, мало научных конференций, научных дискуссий, критических рецензий. Недостаточна координация научных работ сотрудников ИА с археологическими учреждениями других союзных республик. Нет монументальных публикаций многолетних археологических раскопок. Ничто не заменило прекратившееся издание МИА. Почти прекратились публикации сводов археологических источников. Недостаточно развернута популяризация археологических открытий. Слабо развывается работа по созданию банка археологических данных.

Справедливости ради надо сказать, что ИА сейчас находится в стадии перестройки.

Перспективы работы института, согласно программе, намеченной директором ИА академиком В. П. Алексеевым, по возможности отражают перспективы мирового развития археологической науки. А основная тенденция мирового развития археологии в современную эпоху состоит во все более широком использовании естественнонаучных, в том числе и биологических, и историко-этнологических, методов. Комплексная программа «Древние общества: Взаимодействие со средой, культура и история», предполагающая как развитие конкретных исследовательских работ в институте, так и координацию соответствующих исследований по стране, нацелена именно на выполнение этих задач — применение все более мощных методов получения дополнительной информации при раскопках археологических памятников в поле и разработку эффективных и надежных способов археологической реконструкции в лаборатории, включая восстановление древних производств и социальной структуры, анализ идеологических представлений, решение этногенетических вопросов, трактовку палеоэкологических проблем.

* См. статьи о предшествующих юбилейных датах Института археологии: *Киселев С. В.* 25 лет советской археологии // Двадцать пять лет исторической науке в СССР. М.; Л., 1942; 25 лет советской археологии // КСИИМК. М., 1946. Вып. 13. С. 171; *Удальцов А. Д.* Тридцать лет Институту истории материальной культуры // Изв. АН СССР. Сер. ист. и филос. 1949. Т. 6, № 3; *Монгайт А. Л.* Работы советских археологов за 40 лет // Вестник истории мировой культуры. М., 1957. № 5; К пятидесятилетию советской археологии // КСИА. М., 1969. Вып. 118; Институту археологии 60 лет // КСИА. М., 1980. Вып. 163; *Рыбаков Б. А.* Советская археология за 60 лет // ВИ. 1968. № 1.

¹ *Пескарева К. М.* К истории создания Российской академии истории материальной культуры // КСИА. М., 1980. Вып. 163. С. 26.

² *Борисковский П. И.* Первые тридцать

лет Института археологии АН СССР // КСИА. М., 1980. Вып. 163. С. 5.

³ *Генинг В. Ф.* Очерки по истории советской археологии. Киев, 1982. С. 100.

⁴ В 1933 г. СГАИМК переименованы в «Проблемы истории материальной культуры» (ПИМК), а с 1934 г. — в «Проблемы истории докапиталистических обществ» (ПИДО).

⁵ *Быковский С. Н.* Какие цели преследуются некоторыми археологическими исследованиями? // СГАИМК. 1931. № 4/5. С. 20, 21.

⁶ *Кричевский Е. Ю.* Буржуазная археология в советском музее // СГАИМК. 1931. № 9/10. С. 64.

⁷ *Равдоникас В. И.* О работе Д. Н. Эдинга «Сарское городище» // СГАИМК. 1931. № 4/5. С. 60, 61; *Он же.* О применении метода диалектического материализма к истории докапиталистического общества // СГАИМК. 1931. № 9/10. С. 5—31.

- ⁸ Арциховский А. В. [Рецензия]// СГАИМК. 1931. № 7. С. 30.— Рец. на кн.: *Raudonikas W. I. Die Normannen der Wikingerzeit und das Ladogagebiet.* Stockholm, 1930.
- ⁹ Кричевский Е. Ю., Смирнов И. И. Больше марксистско-ленинской четкости в истории доклассового общества// СГАИМК. 1931. № 11/12. С. 30; Смирнов И. И. Возможна ли «марксистская история материальной культуры»?// СГАИМК. 1932. № 1/2. С. 30—42; Арциховский А. В., Киселев С. В., Смирнов А. П. Возникновение, развитие и исчезновение марксистской археологии// СГАИМК. 1932. № 1/2. С. 47.
- ¹⁰ Мавродин В. В. Первые историки в Государственной академии истории материальной культуры//КСИА. М., 1980. Вып. 163. С. 32.
- ¹¹ Смирнов И. И. Против попытки ревизии марксистско-ленинского учения о социально-экономических формациях// СГАИМК. 1931. № 8. С. 4.
- ¹² Арциховский А. В., Киселев С. В., Смирнов А. П. Возникновение, развитие и исчезновение... С. 47.
- ¹³ Брюсов А. Я. Письмо в редакцию// СГАИМК. 1932. № 1/2. С. 76.
- ¹⁴ Мишулин А. К открытию отделения ГАИМК в Москве//СГАИМК. 1932. № 3/4. С. 72.
- ¹⁵ Светлой памяти П. А. Дмитриева, Н. П. Кривокурцева, А. П. Круглова, М. В. Талицкого и Н. А. Прокошева ИИМК им. Н. Я. Марра АН СССР посвятили выпуск Кратких сообщений. См.: КСИИМК. М., 1946. Вып. 12.
- ¹⁶ Институт истории материальной культуры им. Н. Я. Марра в дни Великой Отечественной войны (1943 г.)// КСИИМК. М., 1946. Вып. 12. С. 153—161; Итоги и перспективы развития советской археологии//Материалы для делегатов Всесоюзного археологического совещания. М., 1945. С. 143—158.
- ¹⁷ Археологические экспедиции Государственной академии истории материальной культуры и Института археологии АН СССР 1919—1956 гг.: Указатель. М., 1962; Краснов Ю. А. Археологическая служба Института археологии АН СССР на новостройках//КСИА. М., 1980. Вып. 163. С. 58.
- ¹⁸ Колчин Б. А., Шер Я. А. Некоторые итоги применения естественных методов в археологии//КСИА. М., 1969. Вып. 118. С. 84.

СТАТЬИ

В. В. СЕДОВ

ФОРМИРОВАНИЕ ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКОЙ НАРОДНОСТИ

История восточного славянства начинается с того времени, когда из общеславянского языка стал выделяться и постепенно оформился самостоятельный восточнославянский (древнерусский) язык. Начало формирования восточнославянской народности и ее языка, согласно данным лингвистики, относится к IX—X вв. На протяжении последующих столетий в восточнославянском языке происходили процессы эволюции, свойственные только территории древней Руси¹.

Проблема образования восточного славянства интересовала исследователей давно. До накопления археологических материалов в науке господствовало мнение о том, что на какой-то ограниченной территории после распада общеславянского языка существовала единая племенная группировка, обычно именуемая общерусской, внутри которой и была выработана лингвистическая и этнографическая общность восточного славянства.

Так, согласно представлениям А. А. Шахматова, «колыбелью русского племени» были анты, которые, спасаясь от аваров в VI в., поселились на Волыни и Киевщине, и эта земля была «русской прародиной». Отсюда восточные славяне начали расселяться по всей Русской равнине, а их широкое расселение привело к членению древнерусского языка на диалектные зоны — северную, восточную и южную².

В 50-х годах XX в. Б. А. Рыбаков высказал предположение, что ядром восточнославянской народности было Среднее Поднепровье (исторические Киевская, Черниговская и Северская земли), где в VI—VII вв. существовал союз под главенством одного из славянских племен — русов. Позднее к формированию древнерусской народности подключились другие славянские племена Восточной Европы и часть славянизированных финских племен³.

Согласно гипотезе П. Н. Третьякова, формирование восточного славянства было результатом внутрорегионального взаимодействия славян, расселившихся в землях Верхнего Поднепровья, с местным восточнобалтским населением, которое оказалось славянизированным. Из Верхнеднепровского региона восточные славяне расселились в северном, северо-восточном и южном направлениях и, таким образом, образовали население древней Руси⁴.

Лингвист Ф. П. Филин в одной из последних своих статей высказал догадку о том, что в основе восточного славянства были племена зарубинецкой культуры. Однако это представляется невероятным и по хронологическим мотивам, и особенно в связи с тем, что значительная

часть раннесредневековых древностей, ставших основой культуры восточных славян, не восходит к зарубинецким древностям.

Новейшие археологические и лингвистические исследования, в том числе анализ культуры раннесредневековых славян, заставляют отказаться от мысли о «русской прародине», от поисков истоков восточнославянской народности внутри праславянского мира. Археологические данные отчетливо свидетельствуют, что материальная и духовная культура славян уже в римское время была далеко не монолитной. А в начале средневековой поры славянские племенные группировки в культурном отношении различались между собой весьма серьезно⁵. Лексические материалы показывают, что праславянский язык к началу средневековья членился на целый ряд диалектов⁶, что очевидно и по другим языковым данным.

Русская равнина, на обширных пространствах которой сформировалась восточнославянская народность, была освоена славянским населением неодновременно, несколькими миграционными потоками, шедшими из разнокультурных регионов праславянского мира⁷.

Так, Волянь и правобережная часть Среднего Поднепровья в V—VII вв. были восточной окраиной большой диалектно-племенной группировки славян, характеризуемой прежде всего лепной керамикой пражско-корчакского облика. Территория расселения ее простирается широкой полосой от верхнего и среднего течения Эльбы на западе через земли верхней Вислы до Киевщины на востоке. Эта этнографическая группировка славян состояла из нескольких весьма близких по облику культуры племен. На Воляни и правобережной части Киевского Поднепровья это были дулебы русских летописей. В процессе их дальнейшего расселения сложились воляняне, поляне, древляне и дреговичи. В культуре каждого из этих племен формируются слабо заметные особенности, проявляемые в деталях курганной обрядности. Вместе с тем сохраняется единообразие одежды и украшений. Всем этим племенам свойственны перстнеобразные полутораоборотные височные кольца, скромность в украшениях, отсутствие нагрудных украшений, малочисленность браслетов и перстней.

Другая культурно-племенная группировка праславян отчетливо выделяется в лесостепной зоне, между нижним Дунаем и Северским Донцом. В V—VII вв. она характеризуется пеньковской керамикой, исключительно полуземляночными жилищами и бескурганными (биритуальными?) захоронениями. Этноним этой праславянской группировки известен. Это анты, неоднократно упоминаемые в трудах византийских авторов VI—VII вв. и в сочинении готского историка Иордана. Начало формирования антов как отдельной праславянской племенной группировки восходит к римскому времени, когда на части территории, принадлежащей ираноязычному населению Северного Причерноморья, расселяются славяне. Результатом двух-трехвекового симбиоза славян с потомками скифо-сарматского населения и явилось сложение антской диалектно-племенной группировки⁸.

Анты и их потомки активно участвовали в заселении Балканского полуострова. Но значительная часть их вошла в состав формирующейся восточнославянской народности. Из антской племенной группировки вышли известные по летописям хорваты, тиверцы, уличи и, по всей вероятности, радимичи и вятичи.

Весьма отчетливо выделяется и третья племенная группировка славян V—VII вв., заселявшая части Русской равнины. Локализуется она в бассейнах рек, впадающих в озера Псковское и Ильмень. Наиболее яркими атрибутами культуры этой группировки являются длинные

курганы, самые ранние погребения которых относятся к V в. Поскольку славяне, расселившиеся на территории древней Новгородской земли, в какой-то мере смешались с местным прибалтийско-финским населением, в их памятниках, естественно, обнаруживаются отдельные элементы, свойственные прибалтийско-финской культуре.

Анализ современных псковских говоров и берестяных грамот из новгородских раскопок показывает, что одним из существенных моментов в характеристике древненовгородского диалекта, т. е. говоров племен — носителей культуры длинных курганов V—VII вв. и их потомков, является отсутствие второй палатализации. На этом основании можно утверждать, что славянская группировка, расселившаяся в Новгородской земле, в языковом отношении какое-то время развивалась обособленно от остального славянского мира. Древненовгородский диалект характеризуется и рядом морфологических и синтаксических особенностей. Этот диалект был еще диалектом общеславянского языка, предшествуя по времени образованию восточнославянского языка⁹.

Непосредственно из племен культуры ранних (псковских) длинных курганов эволюционировали кривичи псковские. Потомками тех же племен были также кривичи смоленские и полочане, которые формировались в условиях сильного взаимодействия с местным восточнобалтским этносом.

В бассейне оз. Ильмень и в более восточных землях древней Новгородчины, по всей вероятности, в конце VII или в VIII в. расселилась еще одна культурно-племенная группировка славян, основными памятниками которой являются сопки. Это была вторая волна славянского освоения северо-западных земель, захватившая и часть ареала культуры ранних длинных курганов. Это были словене ильменские, о которых русский летописец писал: «Седоша около Илмеря, и прозвашася своим имянем и сделаша град и нарекоша Новъгород»¹⁰.

Вопрос о том, откуда и какими путями расселились славяне по территории древней Новгородской земли, остается открытым. Можно только со всей определенностью утверждать, что миграция шла не из днепровских областей. Скорее всего как первая, так и вторая волны славянского расселения направлялись откуда-то с юго-запада — может быть, из Повисленья или районов Висло-Одерского междуречья.

Таким образом, в основе восточного славянства оказываются четыре разнокультурные племенные группировки праславян. Не исключено, что со временем выявятся и пятая праславянская группировка, участвовавшая в генезисе восточнославянской народности. Ситуация формирования последней усложняется еще и тем, что славяне, расселившиеся на Русской равнине, застали здесь восточнобалтское и финноязычное население, смешались с ним, постепенно ассимилировав аборигенов. При этом культура и говоры славянского населения в разной степени подверглись некоторым видоизменениям под воздействием субстрата.

Следовательно, формирование восточного славянства не было результатом расселения однородной праславянской массы из какого-то сравнительно небольшого региона — «русской прародины», а протекало в условиях интеграции разнокультурных диалектно-племенных группировок славян при участии неславянского этноса.

Такая интеграция началась в IX—X вв. с образованием Древнерусского государства с центром в Киеве, политически объединившего все земли славян, расселившихся в Восточной Европе. Государственная власть, организующая походы дружины, войска, которые собирались из различных земель Руси, расширение сбора дани, распространение

ние княжеской администрации и суда, строительство крепостей и т. п. активно способствовали консолидации населения в единое целое.

Весьма существенно, что процессы формирования государственности и народности на Руси протекали в условиях бурного развития экономики. Уже начальный период сложения восточного славянства (IX—X вв.) характеризуется активным развитием торговли и судоходства. Волховско-Днепровская магистраль с многочисленными разветвлениями связала разнокультурное население Руси. Она становится и военно-политической артерией, служившей целям укрепления и консолидации древнерусской государственности.

На этой водной магистрали сосредоточивается русское дружинное сословие. Исследования дружинных могильников Гнездова, Шестовиц, Киева и других свидетельствуют, что русская дружина объединила в своих рядах разноплеменное население и способствовала нивелировке различных этнических традиций. Дружина стала первым надплеменным сословием, сформировавшимся на разноплеменной основе. Это — первый шаг в объединении неоднородного славянского населения Восточной Европы в единую народность.

Такими же неоднородными по племенной структуре стали и города, а еще раньше — протогорода. Исследования Новгорода, Киева, Суздаля, Пскова, Изборска и других городов показали, что городское население древней Руси в основном формировалось из разных племен. Городское население в целом было новообразованием, в котором постепенно нивелировались прежние племенные и культурные различия.

Скандинавские источники называют древнюю Русь «страной городов». Действительно, общее количество городов на территории домонгольской Руси исчислялось сотнями. С ростом числа городов, их развитием вырастает новая общественная и культурная сила — горожане. Они вместе с военно-дружинным сословием и стали движущей силой в создании единой материальной культуры на всей территории древней Руси, в формировании восточнославянской народности и языка.

Целостность культуры древней Руси обусловлена прежде всего бурным развитием городского ремесла, его достаточно высоким уровнем. Уже распространение гончарного круга и глиняной посуды, изготовленной с его помощью, привело к определенному единству керамического материала всего восточного славянства — одинаковому ассортименту изделий, однотипной орнаментации их и однонаправленности эволюции.

О формировании единства древнерусской городской культуры говорят и изделия железообрабатывающего ремесла, однотипность кузнечных технологических приемов. Особенно ярко общность культуры восточного славянства проявляется в изделиях ювелирного и бронзолитейного ремесел. На всей территории Руси — от Ладоги до северопричерноморских степей — в XII—XIII вв. получают распространение одинаковые украшения. Почти каждому восточнославянскому племенному образованию были свойственны специфические украшения женского костюма. Феодальная деревня бережно сохраняла этнографические особенности, которые сложились в предшествующее время, в догосударственную эпоху племенных союзов. Городская культура с первых шагов своего развития разрывает рамки племенной замкнутости. Металлическое убранство костюма горожанок единообразно во всем восточнославянском ареале. Характерное городское украшение — трехбусинные височные кольца, выполненные в разном стиле и различной техникой, — не обнаруживает при картографировании каких-либо региональных различий. Бронзовые и серебряные браслеты и перстни из

древнерусских городов принадлежат к многим типам, но одинаковым на всей территории древней Руси. Во всех городах Руси встречаются стеклянные браслеты, ставшие излюбленным украшением горожанок. Ювелирные изделия, выполненные в сложной технике (чернь, зернь, скань, эмаль), получили распространение опять-таки по всей Русской земле. Древнерусские города были тесно связаны между собой торговыми узами. В многочисленные малые города из крупных постоянно поставлялись стеклянные браслеты и бусы, костяные и самшитовые гребни, бронзовые крестики и дорогие энколпионы, различные украшения, шиферные пряслица и другие товары.

Города стали местами, где создавалась древнерусская архитектура, развивалось каменное строительство.

Города оказывали заметное культурное воздействие на сельскую округу, содействовали развитию деревенского ремесла. Постепенно единая городская культура древней Руси в той или иной степени проникала в толщу сельских масс.

Города не только были носителями и распространителями древнерусской материальной культуры, но и оказывали существенное воздействие на развитие духовной жизни всего восточного славянства. В формировании восточнославянской народности и ее языка большая роль принадлежала христианской религии и письменности. Очень скоро после «крещения» Руси понятия «русский» и «христианин» стали отождествляться. Христианская церковь — организация, способствовавшая усилению русской государственности, многогранно влиявшая на развитие единой культуры восточного славянства, сыгравшая положительную роль в развитии просвещения, создании важнейших литературных ценностей и произведений искусства и архитектуры. Несомненна роль церкви и в приобщении Руси к культурным богатствам Византии. Все это активно способствовало консолидации славянских племен древней Руси в единую народность. Христианская идеология и искусство вместе с распространением письменности и просвещения стали мощным импульсом формирования культурной и языковой монолитности славянского населения Восточной Европы. При этом диалектные различия бесспорно сохранялись главным образом в сельской местности.

Начало образования восточнославянского культурного единства по археологическим данным можно датировать X в. В XI—XII вв. окончательно оформляется единая древнерусская культура. Этими столетиями и нужно датировать формирование восточнославянской народности.

Согласно изысканиям Н. С. Трубецкого, в X—XII вв. славянская речь, несмотря на заметные диалектные различия, переживала общие языковые процессы. Только после завершения такого общеславянского языкового явления, как падение редуцированных гласных, т. е. после X—XII вв., можно говорить об окончательном оформлении отдельных славянских языков⁴¹, в том числе и восточнославянского. Эту точку зрения поддержали многие лингвисты. Начиная с XI в. различия внутри общеславянского языка, отмечают исследователи, увеличиваются настолько, что можно уже говорить о существовании восточнославянского языка⁴². Таким образом получается, что праславянский язык продолжал развиваться вплоть до XII в. включительно, а восточнославянский начал оформляться в IX—X вв. и в XI—XII вв. существовал как самостоятельный язык. В этом не следует видеть какое-то противоречие. Если восточнославянский язык сформировался в результате интеграции нескольких диалектов общеславянского, то так оно и должно быть. Приведенная точка зрения о сложении восточнославянской на-

родности не обособлена. Формирование восточнославянского языкового единства в условиях нивелировки нескольких диалектов славянских племенных группировок, проживавших на Русской равнине, допускает лингвист Г. А. Хабургаев, правда, не раскрывая этих условий¹³.

Арабские источники употребляют этнонимы славяне и русы. Согласно изысканиям А. П. Новосельцева, во второй половине X в. русами восточные авторы называли восточных славян, входивших в состав Древнерусского государства, а славянами — весь раннесредневековый славянский мир. Для более раннего времени (IX — начало X в.) разграничение этих терминов сложно и часто непонятно¹⁴. Очевидно, восточные славяне — русы (на первых порах — военно-дружинное сословие и жители городов) — начали осознать свое единство уже в начальной стадии формирования восточнославянской народности и языка.

О происхождении термина «Русь» в научной литературе написано много, но вопрос этот нельзя считать решенным. Наиболее вероятным представляется, что этот термин первоначально применялся только к части Среднего Поднепровья — устойчивому территориальному образованию «Русская земля», как она очерчена для IX в. А. Н. Насоновым по летописным данным¹⁵. После того как новгородский князь Олег закрепился в Киеве, объединив славянские земли Восточной Европы в единое государство, термин «Русь» постепенно распространился на всю территорию Древнерусского государства. Может быть, этому в какой-то мере способствовало и то, что близким термином Riotsi именовало финское население скандинавов, которые проникали в восточнославянские земли в качестве купцов и воинов и сыграли известную роль в развитии международной торговли в Восточной Европе.

Этноним Русь стал самоназванием восточного славянства. В этом значении он известен автору Повести временных лет.

¹ *Филин Ф. П.* Образование языка восточных славян. М.; Л., 1962. С. 226—290.

² *Шахматов А. А.* К вопросу об образовании русских наречий и русских народностей // Журнал Министерства народного просвещения. СПб., 1899. Т. 4. С. 324—384; *Он же.* Введение в курс истории русского языка. Пг., 1916.

³ *Рыбаков Б. А.* Проблема образования древнерусской народности // Вопросы истории. 1952. № 9. С. 40—63; *Он же.* Древние русы // СА. М.; Л., 1953. Т. 17.

⁴ *Третьяков П. Н.* У истоков древнерусской народности. Л., 1970.

⁵ *Седов В. В.* Происхождение и ранняя история славян. М., 1979. С. 53—143.

⁶ *Трубачев О. Н.* О составе праславянского словаря // Советское языкознание: V Международный съезд славистов: Докл. советской делегации. М., 1963. С. 159—196.

⁷ Вопросы истории славян, расселившихся во второй половине I тысячелетия н. э. по Русской равнине, рассмотрены мною в кн.: *Седов В. В.* Восточные славяне в VI—XIII вв. Сер. Археология СССР. М., 1982.

⁸ *Седов В. В.* Анты // Проблемы советской археологии. М., 1978. С. 164—173; *Он же.* Славяне и иранцы в древности // История, культура, этнография и фоль-

клор славянских народов: VIII Международный съезд славистов: Докл. советской делегации. М., 1978. С. 227—240.

⁹ *Зализняк А. А.* К исторической фонетике древненовгородского диалекта // Балто-славянские исследования, 1981. М., 1982. С. 61—80; *Он же.* Наблюдения над берестяными грамотами // История русского языка в древнейший период. М., 1984. С. 36—153.

¹⁰ Повесть временных лет. М.; Л., 1950. Ч. 1. С. 11.

¹¹ *Troubetzkoy N.* Essai sur la chronologie de certains faits phonetiques du slave commun // Revue des études slaves. Paris, 1922. Т. 2, N 3/4.

¹² *Вайян А.* Руководство по старославянскому языку. М., 1952. С. 18; *Топоров В. Н.* Некоторые соображения относительно изучения истории праславянского языка // Славянское языкознание. М., 1959. С. 19, 20.

¹³ *Хабургаев Г. А.* Становление русского языка. М., 1980. С. 70—115.

¹⁴ *Новосельцев А. П.* «Худуд-ал-алам» как источник о странах и народах Восточной Европы // История СССР. 1986. № 5. С. 99—103.

¹⁵ *Насонов А. Н.* «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства. М., 1951. С. 32, 33.

ЛОКАЛИЗАЦИЯ ПУНКТОВ УСТАВА СВЯТОСЛАВА ОЛЬГОВИЧА 1136/37 г. И СТАНОВЛЕНИЕ ПОГОСТОВ В ПРИОНЕЖЬЕ И ЗАВОЛОЧЬЕ

Структурообразующими элементами сельского расселения на Русском Севере в средневековье являлись погосты — округа (в широком смысле) и административно-фискальные, общинные, культовые центры этих округов (в узком значении термина). С исследованием института погостов связан целый комплекс проблем истории региона, таких как включение его в состав государственной территории Руси, колонизация, развитие форм налогообложения и др. Основным источником по истории ранних погостов на Севере служит Уставная грамота новгородского князя Святослава Ольговича 1136/37 г. Документ содержит постановление, меняющее исчисление прежней изменчивой десятины на твердо фиксированную и гарантированную князем сумму в 100 гривен новых кун. Эта сумма должна была выдаваться новгородскому епископу «домажиричем» из сборов на 27 погостах в «Онеге» и Заволочье. Список их с раскладкой размеров платежей приложен к тексту Устава. К этой грамоте в XIII в. (но не позднее 1260-х годов) были сделаны две приписки, начинающиеся словами «А се обонезьскыи ряд...» и «А се бежичьскыи ряд...», содержащие списки погостов в Приладожье и в Бежицах и определяющие размеры взимаемой с них десятины¹.

Итоги более чем столетнего изучения текста Устава подведены в капитальной работе А. Н. Насонова и дополнены им результатами собственных кропотливых изысканий и сопоставлений пунктов документа с погостами и поселениями, известными по более поздним актам, писцовым книгам, спискам населенных мест XIX в. Большая часть из перечисленных 27 местностей была локализована на обширных территориях от южного побережья Онежского озера до восточного Подвinya².

Не ставя вопроса о более позднем характере приписок об Обонежском и Бежицком рядах³, А. Н. Насонов опирался на наблюдение, что «погосты грамоты Святослава не заходят на территорию „Обонежского ряда“, а служат как бы ее продолжением»⁴. В «Онеге», дважды упомянутой в основном тексте Устава, он видел территорию, примыкающую к Онежскому озеру, и связывал «домажирича из Онега» с названием д. Доможирово в низовьях р. Оять. Соответственно исследователь полагал, что 100 гривен десятины собирались с «Обонежского ряда», в Приладожье⁵. Ошибочность аргументации А. Н. Насонова, принятой также Я. Н. Шаповым⁶, была показана В. Л. Яниным, подсчитавшим, что десятина с пунктов основного текста грамоты и составляет в сумме 100 гривен новых кун, а следовательно, в нем имеется в виду только территория перечисленных 27 погостов⁷. При этом, если принимать за доказательство проведенную А. Н. Насоновым аналогию домажирича — Доможирово, становится непонятным место проживания ответственного за сбор судебных пошлин должностного лица на Ояти в Приладожье, примерно на полпути между княжеской резиденцией и подведомственными погостами⁸.

На Русском Севере название «Онега» носят два крупных водных объекта — озеро в Карелии и река в Архангельской обл. С учетом отмеченных поправок к схеме А. Н. Насонова связь «Онегин» Устава

именно с Онежским озером становится небесспорной. Предложенная исследователем карта не лишена противоречий, но прежде чем говорить о них, рассмотрим подробнее аргументацию А. Н. Насонова при картографировании четырех из 27 погостов грамоты у Онежского озера и археологические данные относительно возможности помещения этих пунктов в указанных местах.

Едва ли возможно априорно определить археологические признаки северных погостов первой половины XII в. При достаточно широком и общем употреблении термина «погост» в летописях и актах можно полагать, что даже в одно и то же время на разных территориях за ним стояли нетождественные реалии, и потому признаки, предложенные для определения погоста в одном районе, невозможно автоматически переносить на другой. Если же исходить из ограниченного (по сравнению с погостами времени писцовых книг) набора функций ранних погостов, видимо, сводившихся на первых порах к фискальным (податным и судебным), и прибалтийско-финского звучания имен большинства старшин этих пунктов в разбираемом памятнике, то можно предположить, что первоначально северные погосты мало чем отличались от окружавших их поселений. При этом несомненно, что в силу своей функциональной роли места расположения погостов ориентировались на сложившуюся систему местного населения, о которой свидетельствуют археологические памятники.

Пункт «на Спиркове» локализован А. Н. Насоновым по сходству названий с одной из деревень XIX в. в верхнем течении р. Свирь, на территории Остречинского погоста XV в. Возможность существования здесь погоста уже в XII столетии весьма сомнительна, поскольку на Свири памятники X—XI вв. расположены исключительно в нижнем и среднем течении, а ее по преимуществу низменное верхнее течение (выше совр. г. Подпорожье), по-видимому, оставалось незаселенным.

«Тудоров погост» Устава по созвучию отмечен на Тудозере, близ юго-восточной оконечности Онежского озера. В ходе проведенной в 1978 г. С. В. Ошибкиной и Н. А. Макаровым разведки в районе Тудозера была собрана керамика, которую, судя по приведенным в отчете профилям, нельзя отнести ко времени ранее XIV в., но при этом есть сведения о находке на Тудозере и лепной керамики⁹.

«Волдутов погост» и «у Вавдита» помещены на Водлозере: первый — по созвучию с названием озера, второй — по аналогии с д. Вавдиполе. На Водлозере располагается наибольшее из известных в Прионежье скопление из 11 памятников X—XI вв., что подтверждает возможность существования здесь в первой половине XII в. погостов. Однако при разведке А. П. Журавлева в 1982 г.¹⁰ и М. Г. Косменко в 1984 г.¹¹ на юго-восточном берегу озера в районе быв. д. Вавдиполе раннесредневековые памятники не обнаружены¹².

Таким образом, археологические данные по расселению X—XI вв. указывают на маловероятность существования в первой половине XII в. погоста в верховьях Свири, но оставляют возможность для их локализации на Тудозере и Водлозере.

Противоречивость карты расположения погостов Устава Святослава Ольговича, предложенной А. Н. Насоновым, выясняется при сопоставлении порядка их перечисления в тексте с географической привязкой отдельных пунктов. Открывающий список Волдутов погост помещен исследователем на Водлозере, следующий за ним Тудоров погост — на Тудозере. Далее два пункта приурочены к району Холмогор в низовьях Северной Двины. Пункт «на Спиркове» возвращает нас в Прионежье, в верхнее течение Свири. Из трех следующих погостов по

крайней мере один («в Пинезе») достоверно привязан к впадающей в Двину несколько выше устья Пинеге. Затем пять расположены в низовьях Северной Двины и на ее притоке р. Вага с подпритоками, а «у Вавдита» — вновь на Водлозере, в Прионежье. Следующий за ним пункт «на Вели» снова достоверно локализован на одноименной реке — притоке Ваги, «у Векшензе» — на р. Векшенге, правом притоке впадающей в Двину р. Сухона, «в Тоиме» — на р. Нижняя Тойма (правый приток Северной Двины в ее среднем течении). Последние пять упомянутых мест помещены на р. Онега, а завершает список упоминание Тудора, справедливо сопоставленное с локализованным ранее Тудоровым погостом у Онежского озера. Нетрудно заметить, что при перечислении погостов в Заволочье документ достаточно последовательно придерживается течения Северной Двины с ее притоками и подпритоками и р. Онега, а пункты, локализованные А. Н. Насоновым в бассейне Онежского озера, разрывают в целом логично построенный список¹³, вклиниваясь в него без какой-либо системы¹⁴.

Названия большей части из 27 мест, перечисленных в Уставе Святослава Ольговича, представляют собой личные имена, прозвища и образованные от них ойконимы, а также привязки к мелким местным ориентирам. В их числе — все четыре погоста, помещенные в Прионежье. Локализация этих пунктов на карте в любом случае должна быть признана лишь гипотетической. Поэтому при определении границ территории, десятина от вир и продаж с которой была предоставлена новгородским князем епископу, методически более правильной будет опора в первую очередь на погосты при названных реках, локализующиеся бесспорно, и на внутреннюю логику самого документа. Из 27 пунктов точная географическая привязка дана в тексте для девяти. Все они располагаются на Онеге и Северной Двине с их притоками (рис.)

Из этого пока еще не следует, что в «Онеге», которой начинается список, следует видеть обязательно р. Онега. В этом случае встречаем то затруднение, что погосты по указанной реке оказываются помещенными и в начале, и в конце перечня, будучи разорваны перечислением северодвинских. Это затруднение отчасти снимается тем, что такую же непоследовательность видим и в росписи поступлений с твердо привязанных к рекам погостов бассейна Северной Двины, где порядок построен по схеме: нижнее течение Двины — Вага — Сухона — среднее течение Двины.

В самом тексте Устава есть еще одно указание на то, что описание погостов в нем начинается от р. Онега, а не от Онежского озера. Завершающие перечень три погоста, начиная от «на Волоце в Моши», определенно расположены в бассейне р. Онега. За ними следует заключительная фраза «у Тудора сорочек», что указывает на связь Тудора с последними погостами списка. Но в таком случае с р. Онега оказывается связан и упомянутый в списке вторым Тудоров погост. Остается начало списка: «в Онеге на Волдутове погосте...» Если вслед за А. Н. Насоновым поместить Волдутов погост по созвучию на Водлозере, то он окажется совершенно оторванным от остальных поименованных пунктов.

Ключ к пониманию внутренней логики перечня погостов в документе, как кажется, могут дать результаты проведенного Б. А. Рыбаковым исследования механизма древнерусского полюдьа: описывающее круг «полюдье, производившееся ежегодно, посещало из года в год одни и те же становища, к которым местные князья свозили обусловленную дань, т. е. „везли повоз“... Без предварительного „повоза“, орга-

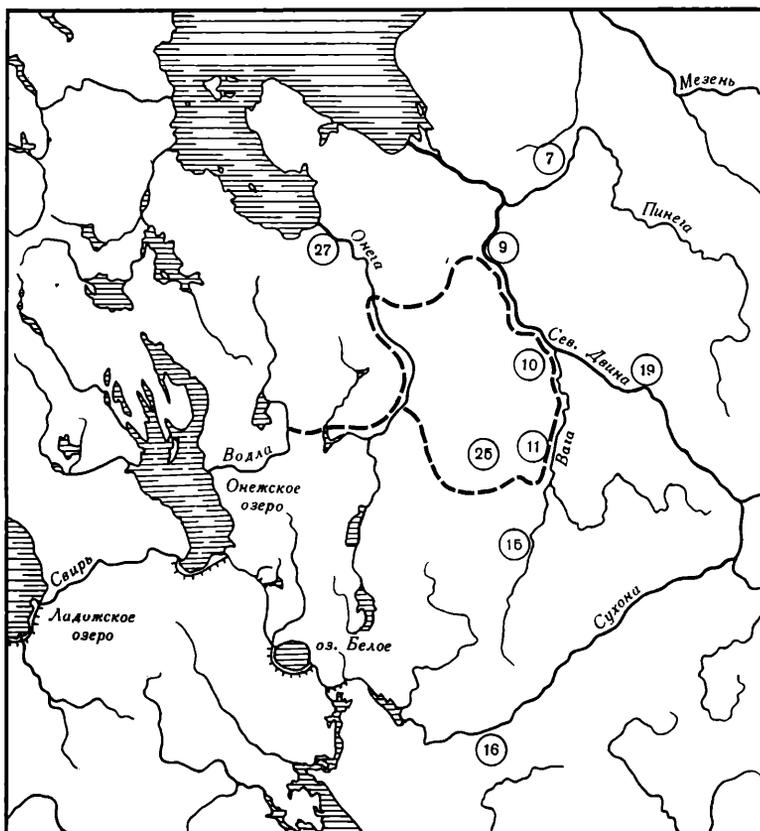

Рис. Погосты Устава Святослава Ольговича, локализующиеся по названным в тексте рекам

Цифры соответствуют порядку перечисления пунктов в тексте: 7 — «в Пинезе»; 9 — «устье Емце»; 10 — «устье Вага»; 11 — «у Пуите»; 15 — «у Вели»; 16 — «у Векшензе»; 19 — «в Тоиме»; 25 — «на Волоце в Моши»; 27 — «на море»; пунктиром обозначен предполагаемый маршрут княжеского вирника в Заволочье

низованного местной племенной знатю, трудно представить себе такой большой и громоздкий механизм, как полюдье¹⁵. Учитывая чрезвычайную обширность пространства, по которому были разбросаны погосты Устава, даже без учета местностей в Прионежье, нечто подобное можно предположить для этой территории и в первой половине XII в. Княжеское должностное лицо, «домажирич», проезжает в Заволочье примерно по следующему круговому маршруту: р. Онега — через волок на р. Емца — р. Северная Двина — р. Вага — через волок на р. Моша — р. Онега, и собирает на погостах подати, поступившие с тяготевших к ним округов и свезенные туда же из более отдаленных мест (при перечислении нарушающих строгость передвижения по намеченному пути) местными чудскими старейшинами, названными по имени — Вихтуем, Чудином, Лигуем и т. д.

Из всего сказанного вытекает, что все погосты основного текста Устава князя Святослава Ольговича 1136/37 г. располагались в Заволочье; ни один из них не может быть локализован в бассейне Онежского озера¹⁶.

Сделанный вывод не означает, что территория вокруг Онежского озера в XII в. оставалась в стороне от процессов распространения

древнерусской государственной территории и дани, охвативших север Восточной Европы от Приладожья до восточных притоков Северной Двины. Археологические материалы X—XI вв. из Прионежья недвусмысленно свидетельствуют о сильном древнерусском влиянии на местное население. Можно считать доказанным, что распространение древнерусского влияния в Заволочье шло двумя путями: через Белозеро на Сухону—Двину и через Онежское озеро—р. Водла на Кенозеро и р. Онега¹⁷. Поскольку перечень погостов начинается с р. Онега, можно полагать, что для сбора податей в Заволочье из Новгорода в первой половине XII в. ездили по Водле и через известный Кенский волок. Это в свою очередь косвенно свидетельствует о том, что в то время, когда действовала описанная в Уставной грамоте система погостов на Онеге и Северной Двине, подобная ей должна была существовать или строиться и в Прионежье, расположенном на пути в Заволочье. Факт фиксации в документе лишь заволочских погостов указывает, следовательно, лишь на то, что очерчиваемая ими территория и районы вокруг Онежского озера составляли уже в XII в. разные административно-податные округа.

¹ Древнерусские княжеские уставы XI—XV вв. М., 1976. С. 147, 148.

² Насонов А. Н. «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства. М., 1951. С. 99—109. Карта на с. 96, 97.

³ Вопрос о более позднем характере приписки был по существу впервые поставлен лишь в 1952 г. в работе М. Н. Тихомирова и М. В. Щепкиной (Два памятника новгородской письменности. М., 1952. С. 19), хотя В. А. Егоров еще в 1929 г. писал про «постановления „Обонежского ряда“, т. е. договора новгородцев с князем, составляющего позднейшее (1262 г.) добавление к известному Уставу Святослава Ольговича». См.: Егоров В. А. Карельские «люди» в древнем Новгороде//Бюллетень ЛОИКФУН. Л., 1929. Вып. 1. С. 9.

⁴ Насонов А. Н. «Русская земля»... С. 73—75.

⁵ Там же. С. 94. «Домажирич» Устава и д. Доможирово на р. Оять были ранее сопоставлены Б. А. Рыбаковым. См.: Рыбаков Б. А. Деление Новгородской земли на сотни в XIII в.//Ист. зап. М., 1938. Т. 2. С. 142; Он же. Знаки собственности в княжеском хозяйстве Киевской Руси//СА. М.; Л., 1940. Т. 6. С. 241.

⁶ Шапов Я. Н. Княжеские уставы и церковь в древней Руси XI—XIV вв. М., 1972. С. 162, 163.

⁷ Яниц В. Л. Очерки комплексного источниковедения: Средневековый Новгород. М., 1977. С. 85, 86.

⁸ «Домажир», «Домажирич» — имя, известное по берестяным грамотам, летописям и актам XII—XVII вв. А. Н. Насонов считал, что «Домажирич» Устава — это собственное имя, но, по-видимому, более правы те исследователи, которые переводят это слово памятни-

ка его нарицательным значением — домочадец, управляющий, дворецкий, казначей. См.: Тихомиров М. Н., Щепкина М. В. Два памятника... С. 18; Греков Б. Д. Киевская Русь//Избр. тр. М., 1959. Т. 2.

⁹ Ошибкина С. В. Отчет о работах Вятской и Северной археологических экспедиций в 1978 г.//Архив ИА. Р-1. Д. 8615. Л. 54; Макаров Н. А. Археологические данные о характере колонизации Русского Севера в X—XIII вв.//СА. 1986. № 3. Рис. 1, пункт 33. Относительно Тудорова погоста и Тудора Устава Святослава Ольговича см. также: Куза А. В. Новгородская земля//Древнерусские княжества X—XIII вв. М., 1975. С. 158, 190, примеч. 175. О восточноевропейских топонимах на Туд-, Турд-, Тур- см.: Рыздзевская Е. А. К варяжскому вопросу: Местные названия скандинавского происхождения в связи с вопросом о варягах на Руси//Изв. АН СССР. Сер. VII. Отд. обществ. наук. 1934. № 7. Ч. 1. С. 523, 526, 527.

¹⁰ Журавлев А. П. Отчет о работе Водлозерской группы ЛОИА АН СССР в июле-августе 1982 г.//Архив Карельского филиала АН СССР. Ф. 1. Оп. 50. Д. 825.

¹¹ Косменко М. Г. Отчет о работах Водлозерского отряда Карельской археологической экспедиции за 1984 г.//Архив Карельского филиала АН СССР. Ф. 1. Оп. 50. Д. 821.

¹² Мысль о локализации пункта «у Вавдита» в районе д. Вавдиполе на Водлозере принадлежит академику А. М. Шегрену. Писцовая книга Обонежской пятины 1563 г. при описании Водлозерского погоста отмечает у истока р. Вама из Водлозера большое количество пожен («ставят 200 копен»), но никакого поселения с названием на Вавди-

в ней не упоминается. См.: Писцовые книги Обонежской пятины 1496 и 1563 гг. Л., 1930. С. 176, 177; *Витов М. В.* Историко-географические очерки Заонежья. М., 1962. С. 49, 50.

- ¹³ Неслучайный характер перечисления пунктов в Уставной грамоте в известной мере подтверждается обрывком берестяной грамоты № 52, содержащей список поступлений с р. Вага (ярус 13—1268—1281 гг.): «... 40 бѣле в Пуе 1, а в Кокше(нге)... 40 бѣло...» См.: *Арциховский А. В.* Новгородские грамоты на бересте: Из раскопок 1952 г. М., 1954. С. 55, 56. Если отбросить личные имена Устава, то порядок перечисления пунктов в обоих документах окажется одним и тем же, но в берестяной грамоте между Пуей и Кокшенгой пропущен пункт «у Вели».
- ¹⁴ В качестве аргумента в пользу локализации Тудорова, Волдутова погостов и пункта «у Вавдита» в Восточном Прионежье *А. Н. Насонов* («Русская

земля» ... С. 100) указывает на их расположение вдоль пути в Заволочье через Кенский волок, что не совсем верно, так как и Тудозеро, и Волдозеро находятся несколько в стороне от этого пути.

- ¹⁵ *Рыбаков Б. А.* Киевская Русь и русские княжества XII—XIII вв. М., 1982. С. 324, 325.
- ¹⁶ В историографическом плане здесь необходимо упомянуть мнение *А. И. Андреева*, не занимавшегося вопросом о локализации погостов Уставной грамоты специально, но отметившего, что все они расположены в бассейнах Онеги и Северной Двины. См.: *Платонов С. Ф., Андреев А. И.* Новгородская колонизация Севера//Очерки по истории колонизации Севера. Пг., 1922. Вып. 1. С. 32, 33.
- ¹⁷ *Насонов А. Н.* «Русская земля» ... С. 108; *Куза А. В.* Новгородская земля. С. 191, 192.

В. В. ЖУЛКУС

ТЕРРИТОРИЯ И ОСОБЕННОСТИ СОЦИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ ЮЖНОКУРШСКИХ ЗЕМЕЛЬ В IX—XII ВВ.

Отдельные земли и топонимы Литовского поморья впервые упоминаются в источниках XIII в., однако рубежи этих земель довоенным исследователям установить не удалось. Предлагаемые ими границы земель нестабильны: площадь земли Мегува по данным разных авторов варьировалась от 300 до 450 кв. км; земли Пилсотас — от 100 до 800 кв. км; земле Ламата отводилась территория то величиной с окрестности одного замка, то более 800 кв. км¹. В последние десятилетия вопрос о границах приморских земель в исторических работах даже не обсуждался. Это приводит к мысли, что для решения проблемы одних только письменных источников недостаточно. Рубежи земель нами устанавливаются на основе комплексного анализа разных источников и в первую очередь методом картографирования могильников и городищ (рис. 1).

Территория южнокуршской земли Мегува в соответствии с расположением памятников составляла лишь 220—270 кв. км. От соседних земель Мегуву отделяли необжитые лесистые, болотистые или песчаные пространства, только у р. Акмяна-Дане ближайшие памятники земель Мегува и Пилсотас почти смыкаются. О том, что это были издавна разные земли, кроме упоминаемых в источниках XIII в. 11 топонимов Мегувы, свидетельствуют и совершенно разные названия одной и той же реки. Ее верховья и среднее течение носят название Акмяна, а нижнее течение — Дане. Оба этих гидронима известны уже в XIII в.

Поселения Мегувы IX — XII вв., судя по могильникам и городищам, расположены довольно плотно, расстояние между ними составляет 1—5 км. Большинство из них занимает места, удобные для хозяйственной

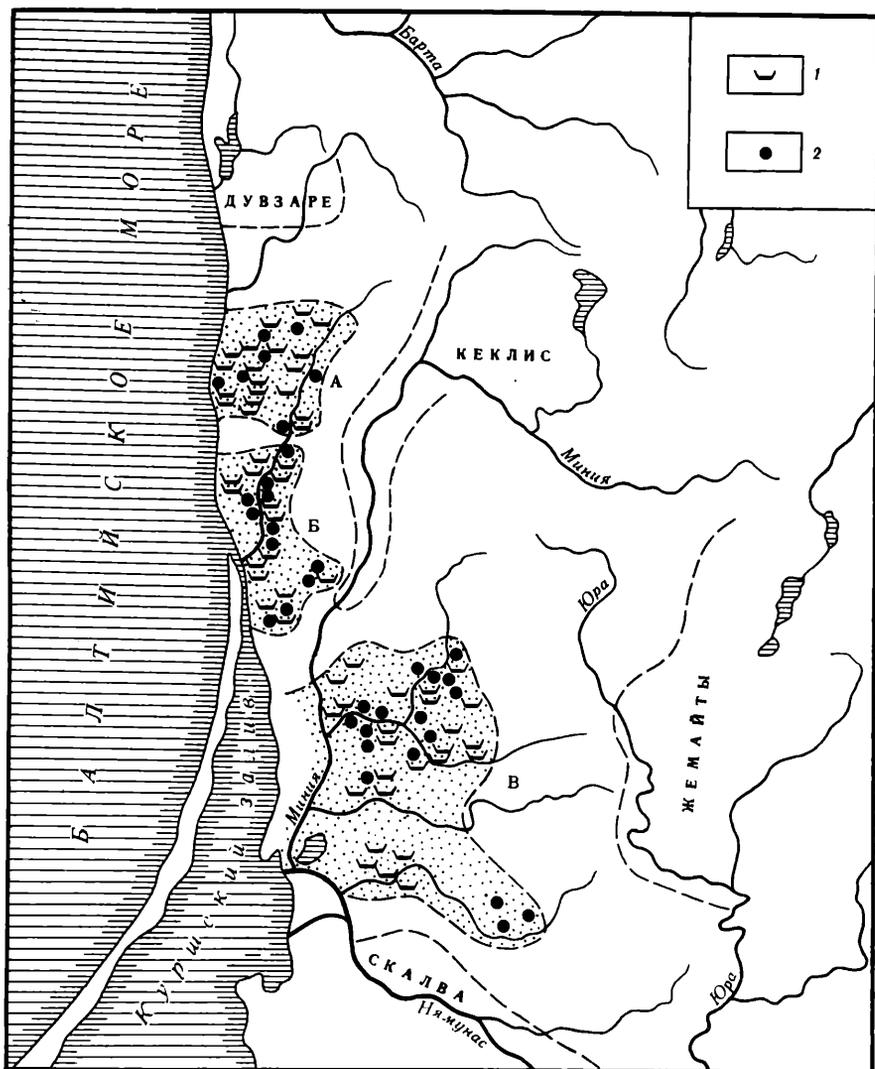

Рис. 1. Территории приморских земель Литвы в IX—XIII вв.

А — земля Меģува; Б — земля Пилсотас; В — земля Ламата; 1 — могильники; 2 — городища

деятельности, прежде всего земледелия. Они цепью тянутся вдоль Акмяны, а в центральной части земли образуют как бы гнезда. Так же обычно располагаются раннесредневековые поселения не только в Литве, но и в соседних землях². В некоторых местах памятники как бы сгущаются — как правило, два, реже — несколько могильников и городище. Их объединяет сходная хронология. Эти скопления указывают на центры раннего средневековья. На территории земли Меģува насчитывается около 20 могильников с погребениями IX—XIII вв. и девять городищ.

Южнее Меģувы лежала юнжурашская земля Пилсотас. Этимология этого слова довольно ясна: pilsāts, pilsēts (курш., латыш.) — это замок, город. В источниках XIII в. выявлено 12 топонимов Пилсоты³. Пределы земли, установленные при помощи картографирования археологических памятников, составляют 150—170 кв. км. Расстояние между ближайши-

ми памятниками земель Пилсотас и Ламата — около 12 км. Западной границей земли Пилсотас служили море и Куршский залив, точнее болота и песчаные низины вдоль морских террас, тянувшиеся полосой шириной 2—3 км вдоль морского берега. Памятников археологии X—XIII вв. в Пилсотской земле известно около 20. Среди них 10 городищ. Поселения концентрировались возле р. Дане и в других удобных местах, где расстояние между ними составляло 1—3 км.

Земля Ламата, этнически стоящая между скальвами и куршами, наименее исследована. Название земли выводится из индоевропейской этимологии и подтверждается данными палеогеографии, указывающими на очень большую заболоченность этой земли⁴. Судя по могильникам и городищам, обжитая площадь Ламаты составляла около 500 кв. км. Территория Ламаты и ее заселенность во многом были обусловлены географическими особенностями края. Палеогеографические исследования объясняют отсутствие раннесредневековых памятников вдоль берега Куршского залива: вследствие продвижения в I тысячелетии н. э. устья р. Миния с севера на юг там остались огромные болотистые пространства⁵. Могильники и городища указывают на то, что в раннем средневековье в Ламате было 35—40 поселений. Памятники расположены в основном гнездами, а расстояние между памятниками в среднем — около 1 км.

Земли Поморья выделяются крохотными территориями даже на фоне сравнительно небольших земель Литвы. Подобные небольшие, территориально, а нередко и политически обособленные, отделенные друг от друга лесами и болотами, области в IX—XI вв. известны и на территории западных славян⁶.

Продолжительная обособленность территорий приморских земель должна была способствовать возникновению между ними некоторых этнических различий. С другой стороны, принадлежность их (кроме Ламаты) одному племени препятствовала явному выражению этих различий.

В землях куршей отмечается разнообразие видов погребений позднего железного века. В северных землях наряду с грунтовыми могильниками известны и курганные погребения, а в южнокуршских землях в VIII—XIII вв. умерших хоронили только в грунтовых могильниках. По данным Э. Мугуревича, в IX—XIII вв. для куршского обряда погребения характерна традиция ориентировки мужских погребений на юго-восток, юго-запад или запад, а женских — на северо-запад⁷. Однако в земле Кеклис, судя по материалам могильников Гинталишке и Лайвйяй, ориентировка погребений иная. В Гинталишке труположения X—XI вв. в основном ориентированы на запад и северо-запад, а трупосожжения XI—XII вв. — на северо-восток⁸. В могильнике Лайвйяй 97% труположений VIII—XI вв. ориентированы на юго-восток⁹. В Кеклис, кроме того, не выражена противоположная ориентировка мужских и женских погребений. В земле Мегува среди труположений VIII—IX вв. явно преобладала северо-западная ориентировка (Паланга¹⁰, Лаздининкай¹¹, Кяулейкяй¹²), сохранившаяся в некоторых могильниках и в X—XIII вв. (Паланга). В X—XII вв. в некоторых могильниках встречается уже западная или южная ориентировка погребений. Во всех упомянутых могильниках ориентировка мужских и женских погребений VIII—XII вв. одинакова. В Пилсотской земле, судя по могильникам Лайстай¹³ и Сленгяй¹⁴, в VIII—X вв. преобладала северо-западная и северо-восточная ориентировка мужских и женских труположений. В X—XII вв. усиливается тенденция хоронить головой на запад. На территории Ламатской земли труположения большей частью ориентированы на се-

веро-запад, северо-восток¹⁵ или север¹⁶. По мере распространения обряда трупосожжения, направление погребальных ям менялось, чаще всего они ориентированы на запад.

Наиболее ранние погребения по обряду трупосожжения отмечены в Ламате, где они появляются в конце VII в. и сравнительно часты в VIII в.¹⁷ Там же, в Ламате, уже в VIII в. бывает западная ориентировка погребений. В Пилсотской земле, как показывает анализ погребений Аукштакемай, Лайстай и Сленгяй, в X в. трупоположения и трупосожжения встречаются в равных соотношениях, а в XI в. обряд кремации главенствует. Погребения с западной ориентировкой в Пилсотас в XI в. преобладают. В могильниках Мегувы трупосожжения появляются в конце VIII — начале IX в. (Паланга). В X в. трупоположения в Мегуве еще преобладают над трупосожжениями, и только в XI в. последних становится больше. В XII в. обряд трупоположения здесь уже не практикуется. Ориентировка погребений на запад и юг в Мегуве зафиксирована для IX — XI вв. В земле Кеклис отдельные трупосожжения появляются на рубеже VIII — IX вв. (Лайвяй), однако новый обряд здесь приживается долго: в X в. трупоположения составляют еще 80—90% (Лайвяй, Гинталишке), и только в XI в. количество трупоположений и трупосожжений сравнивается. Во второй половине XI в. обряд кремации, видимо, уже главенствует, а в XII в. трупоположения встречаются крайне редко. В XI — XII вв. в могилах земли Кеклис есть западная и северо-восточная ориентировка погребений. В землях северных куршей обряд трупосожжений появляется и становится главенствующим несколько позже. Недаром там в X — XIII вв. еще не отмечается существенных изменений в ориентировке погребений¹⁸. В соседних землях Жемайтии обряд кремации применяется только в X — XI вв.¹⁹

Различия в costume жителей Пилсотас и Мегувы мы попытались выявить путем сравнения количества разных видов подковообразных фибул, полагая, что они, являясь и функциональной деталью одежды, и украшением, в значительной мере обуславливали своеобразие костюма. Наибольшее количество таких фибул концентрируется именно в приморских землях.

В Пилсотас, судя по могильнику Сленгяй, в X — XII вв. подковообразные фибулы и зооморфные браслеты встречаются в мужских погребениях и только в наиболее богатых. В погребениях Пилсотас обычно бывает от одной до трех, реже — четырех подковообразных фибул с макообразными, коробчатыми, зооморфными или цилиндрическими головками. В Мегуве наблюдаются такие же закономерности. В могильнике Паланги фибулы с макообразными головками X — XIII вв. найдены опять же только в мужских погребениях и в двух могилах детей (видимо, мужского пола). Лишь в мужских и нескольких детских погребениях найдены и фибулы с зооморфными головками. Только один вид подковообразных фибул X — XIII вв. — со звездчатыми концами — обнаружен как в мужских, так и в женских погребениях. К исключительно мужским украшениям в Мегуве относятся массивные бронзовые браслеты с зооморфными концами.

В соседних землях подковообразные фибулы тоже встречаются, как правило, в мужских погребениях. Особенно много их найдено в могильнике X — XI вв. Гинталишке земли Кеклис. В некоторых трупоположениях воинов обнаружено по семь фибул, расположенных в один ряд²⁰. Это указывает на своеобразие мужского костюма в Гинталишке. Женский костюм Гинталишке, как и других поселений земли Кеклис, тоже несколько выделялся: женщины почти наравне с мужчинами носили браслеты разных видов.

Таким образом, можно утверждать, что в VIII—XIII вв. между отдельными южнокуршскими землями существовали некоторые этнические различия. Они выражаются как в costume, так и в ориентировке труположений VIII—X вв. С приходом обряда кремации, который распространялся с юга и охватил сначала Ламату, потом Пилсотас, Мегуву, Кеклис и северокуршские земли, постепенно менялась и ориентировка погребений. Так как обряд кремации приживался в течение нескольких веков, в разных землях в IX—XII вв. отмечается не только разная ориентировка погребений, но и разные обряды захоронения.

Основным источником познания структуры раннесредневекового общества исследуемого региона служат материалы могильников. Мы основываемся на раскопках могильников земли Мегува, которая и представляет весь регион.

Выделяется три категории погребений: богатые, среднего состояния и бедные, что определяется суммой коэффициентов, отражающих частоту повторяемости предметов в данном могильнике в определенные отрезки времени. По данным могильников земли Мегува (более 700 погребений VIII—XIII вв.) погребения среднего достатка составляли две трети. С X в. доля стала уменьшаться. В VIII—X вв. бедные и богатые погребения составляли около 15%. С X по XII—XIII вв. процент бедных погребений резко возрос, а богатых — заметно уменьшился (рис. 2).

На вопрос, кто же были эти люди, стоявшие на разных ступеньках имущественной иерархии, попытаемся ответить, выделяя погребения земледельцев, воинов, безоружных и купцов. Критерием выявления погребений земледельцев служит характерный могильный инвентарь: серпы, косы, рабочие топоры, миниатюрные орудия, изредка — камни зернотерок. Погребения воинов содержат мечи, боевые ножи, наконечники ножен мечей, боевые топоры, резе — умбоны щитов, шлем. В комплексах, как правило, бывает один или несколько наконечников копий. Они встречаются во многих мужских погребениях, подчас даже очень бедных. Не приходится сомневаться, что в Литве, как и в других краях (например, в древнерусских землях)²¹, право носить оружие распространялось на каждого свободного человека. Выделяя захоронения мужчин без оружия, даже без копья, мы полагаем, что это погребения людей, не имевших права носить оружие, т. е. несвободных. В VIII—XII вв. увеличение доли погребений безоружных мужчин в могильниках земли Мегува очевидно: от 6% в VIII в. до 16% в XII в. Подобная тенденция отмечена и в могильнике Лайввяй земли Кеклис.

Процент погребений с земледельческими орудиями в Мегуве в течение веков возрастал. На графике кривая погребений земледельцев хорошо коррелирует с кривой бедных погребений и с X в. заметно расходится с кривой богатых погребений (рис. 2). Вероятно, с этого времени соци-

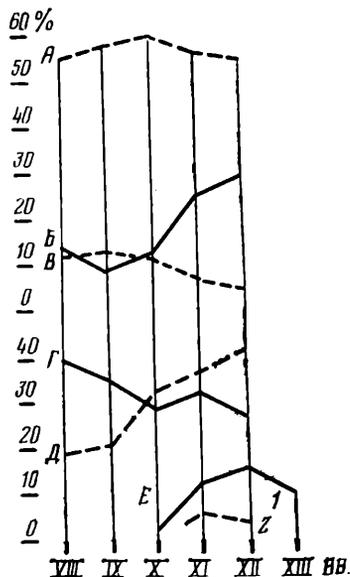

Рис. 2. Графики, отражающие некоторые особенности социальной структуры земли Мегува

A — E — погребения: A — среднего достатка, B — бедные, B — богатые, Г — воинов, Д — мужчин-земледельцев, E — купцов; 1 — Паланга; 2 — Лайдинкай

альная верхушка общины стала отходить от занятия земледелием, оно становилось уделом бедных. Безоружные погребения составляют менее трети всех погребений земледельцев, но и это свидетельствует о вкладе рабского труда в земледелие. На занятие рабов земледелием в Прибалтике указывают письменные источники XIII и XIV вв.²²

Количество погребений воинов (так же, как и богатых) уменьшалось с VIII по X в. (рис. 2). В этом можно усмотреть процесс обезоруживания свободных общинников в условиях концентрации власти в руках немногих. В XI в. число погребений воинов в Мегуве несколько увеличилось, а потом их становится все меньше. Надо полагать, что воины, погребенные в X—XIII в., были уже не вооруженным народом, а дружиной. Появление дружины в приморских землях Литвы, таким образом, датируется X в., расцвет — XI в., а упадок — XII в. Это в целом совпадает с общепринятым мнением о времени появления дружины в литовских²³ и латышских²⁴ землях. У пруссов дружина существовала с IX в., а исчезла в середине XII в.²⁵

В приморских могильниках отчетливо выделяются погребения купцов, атрибутом которых являются весы или гирьки. В Литве они появляются во второй половине — конце X в. и концентрируются в Приморье. Наибольшее число купеческих захоронений обнаружено в Паланге (рис. 2). Первые погребения купцов датируются X в., к XI в. их количество растет и достигает максимума в XII в.

Возникновение классового общества и зачатки государственности в Литве, по мнению одних археологов²⁶, отмечаются уже в IX в., по мнению других²⁷ — в XI—XII вв., а в Латвии — в XII—XIII вв.²⁸

В земле Мегува с X—XI вв. отмечаются резкий рост числа погребений бедных и безоружных (мужчин), резкое уменьшение количества погребений вооруженных мужчин и богатых могил. С XI в. заметен отход богатейших людей общины от занятия земледелием. Все это указывает на развитие в варварском куршском обществе классовых отношений. Основой куршской общины на пороге раннего феодализма являлась малая семья, о чем свидетельствуют поселения рубежа I и II тысячелетий, состоявшие из небольших отдельных домов.

Феодализация общества куршей в XII в. определялась тем, что земледельцы уже в какой-то степени обладали судебной-политической властью над своими крестьянами²⁹. Представителями исполнительной, военной и судебной власти, судя по свидетельствам «Ливонских Правд», в доорденское время являлись старейшины областей³⁰ — отдельных куршских земель.

Можно предположить, что во второй половине XI — начале XII в. могло возникнуть раннефеодальное куршское государство, точнее — конфедерация отдельных земель. Этому предшествовала активизация куршей в политической и экономической областях. Еще в X в. началась экспансия куршей и ламатийцев в земли жемайтов, особенно усилившаяся в XI в. Об этом свидетельствуют находки в жемайтском могильнике Жасинас³¹. Куршские купцы с X в. активно торговали в бассейнах рек Даугава и Гауя и, видимо, были посредниками в импортной торговле с ливами и латгалами³². В XI в. начались плавания куршей в Балтийском море, продолжавшиеся и в XII в. и сопровождавшиеся не столько торговлей, сколько грабежами. Куршские земли и сами неоднократно подвергались нападениям и облагались данью — в IX—X вв. — скандинавами, а в начале XI в. — Русью³³.

Расцвета южнокуршские земли достигли в XI в. (к этому времени относится наибольшее количество погребений). В XII в. начался спад, который отмечается во всех областях материальной культуры. Причины

этого явления не совсем ясны. Ослабление приморских земель Литвы совпало с периодом экономического и социального подъема у соседей. Так, в землях скалвов и Ламата на рубеже XII—XIII вв. отмечаются черты прусской материальной культуры, что объясняется натиском пруссов³⁴. В XII в. земли южных куршей попадают под власть жемайтских племен, которые в конце XII и первой половине XIII в. пытались создать свое государство³⁵. В середине XIII в. все земли Литовского поморья уже были захвачены Ливонским орденом.

- ¹ *Toeppen M.* Historisch comparative Geographie von Preussen. Gotha, 1858. K.; *Bielenstein A.* Die Grenzen des lettischen Volksstammen und der lettischen Sprache in der Gegenwart und im 13. Jahrhundert. SPb., 1892. K.; *Būga K.* Rinkiniai rastai. Vilnius, 1961. T. 3. P. 166; *Zajączkowski S.* Studya nad dziejami Zmudzi wieku XIII. Wilna, 1925. S. 13—18.
- ² *Седов В. В.* Восточные славяне в VI—XIII вв. Сер. Археология СССР. М., 1982. С. 236.
- ³ *Būga K.* Rinkiniai rastai. P. 166, 211, 234; *Kalys A.* Die žemaitischen Mundarten//Tauta ir žodis. Kaunas, 1930. T. 6. Teil 1: Geschichte des žemaitischen Sprachgebiets. S. 183—185.
- ⁴ *Būga K.* Rinkiniai Rastai. P. 210.
- ⁵ *Basalykas A.* Lietuvos TSR fizine geografija. Vilnius, 1965. T. 2. P. 69, 70.
- ⁶ *Leciejewicz L.* Słowianczyzna zachodnia. Wrocław, 1976. S. 57—60.
- ⁷ *Мугуревич Э.* Проблемы формирования латышской народности в средневековье: По данным археологии//ПЭЭИБ. Вильнюс, 1985. С. 56—65.
- ⁸ *Vaitkunskienė L.* Gintališkės kapinynas//Lietuvos archeologija. Vilnius, 1979. T. 1. P. 44—76; *Valaika V.* Gintališkės kapinyno Plungės raj, tyrinėjimai. 1968 ir 1969 m.//Archeologiniai ir etnografiniai tyrinėjimai lietuvoje 1968 ir 1969 m. Vilnius, 1970. P. 89—99.
- ⁹ *Butėnienė E.* Laiviu kapinyno laidosena//MADA. Ser. A. Vilnius, 1964. T. 1(16). P. 83—99.
- ¹⁰ Исследования А. Таутавичюса в 1961, 1962 гг. Отчеты — в Ин-те истории АН ЛитССР (Д. 182, 183).
- ¹¹ Исследования С. Паткаускаса в 1976 г. Отчет — в ИКП (Ф. 5. Д. 1644).
- ¹² *Danilaitė E.* Archeologiniai tyrinėjimai Kiauleikiuose//Iš lietuvių kultūros istorijos. Vilnius, 1961. T. 3. P. 101—124.
- ¹³ *Hoffmann J.* Die spätheidnische Kultur des Memellandes. Königsberg, 1941. S. 158, 159, 166, 172.
- ¹⁴ Исследования В. Жулкаса в 1978 г.— Отчет — в ИКП (Ф. 5. Д. 1976).
- ¹⁵ *Nakaitė L.* Silutes raj. Vilky kapro kaimo «Karų kalno» tyrinėjimai//MADA. Vilnius, 1970. T. 3(34). P. 43—55.
- ¹⁶ LAA. Vilnius, 1977. T. 3. P. 117.
- ¹⁷ *Nagevičius V.* Mūsų pajurio medžiagine kultūra VIII—XIII amž.//Senove. Kaunas, 1935. T. 1. P. 71—74; LAA. T. 3. P. 17.
- ¹⁸ *Мугуревич Э.* Проблемы формирования... С. 56—66.
- ¹⁹ LAA. T. 3. P. 8, 17.
- ²⁰ *Vaitkunskienė L.* Gintališkės kapinynas. P. 44—76.
- ²¹ *Фроянов И. Я.* Киевская Русь. Л., 1980. С. 213, 214.
- ²² *Моора Х. А., Луги Х. М.* К вопросу о генезисе феодальных отношений у народов Прибалтики//Проблемы возникновения феодализма у народов СССР. М., 1969. С. 142—148.
- ²³ *Tautavičius A.* Kada susidare sąlygos Lietuvoje miestams atsirasti?//LTSR architektūros klausimai. 1977. T. 5, sąs 4. P. 23.
- ²⁴ *Мугуревич Э. С.* Восточная Латвия и соседние земли в X—XIII вв. Рига, 1965. С. 77.
- ²⁵ *Кулаков В. И.* Прусы и восточные славяне//Тез. докл. советской делегации на V Международном конгрессе славянской археологии. М., 1985. С. 130.
- ²⁶ *Gimbutienė M.* Baltai priešistoriniai laikais. Vilnius, 1985. P. 145.
- ²⁷ *Tautavičius A.* Kada susidare sąlygos... P. 23.
- ²⁸ Latvijas PSR archeologija. Rīga, 1974. Lpp. 276.
- ²⁹ *Удальцова З. В., Бессмертный Ю. Л., Гуревич А. Я.* Некоторые итоги изучения генезиса феодальнозависимого крестьянства в Европе//История крестьянства в Европе: Эпоха феодализма. М., 1985. Т. 1. С. 556.
- ³⁰ *Назарова Е. Л.* «Ливонские Правды» как исторический источник//Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования, 1979 год. М., 1980. С. 136, 137.
- ³¹ *Вайткунскене Л.* Контакты между балтскими племенами на территории Литвы в X—XII вв.//ПЭЭИБ. Вильнюс, 1985. С. 67—76.
- ³² *Мугуревич Э. С.* Восточная Латвия... С. 96.
- ³³ *Nerman B.* Die Verbindungen zwischen Skandinavien und dem Ostbaltikum in der Jüngerer Eisenzeit. Stockholm, 1929. S. 46, 50, 52—68.
- ³⁴ *Кулаков В. И.* Погребальный обряд пруссов, скалвов и ламатов в VIII—XII вв.//Балто-славянские этнокультурные и археологические древности: Погребальный обряд. М., 1985. С. 53, 54.
- ³⁵ *Tautavičius A.* Žemaičių etnogenėzė: Archeologijos duomenimis//Iš lietuvių etnogenėzė. Vilnius, 1981. P. 31.

В-ОБРАЗНЫЕ РИФЛЕННЫЕ ПРЯЖКИ КАК ХРОНОЛОГИЧЕСКИЙ ИНДИКАТОР СИНХРОНИЗАЦИИ

Дискуссия о хронологии раннесредневековых древностей Евразии, начатая в 1976 г. в Эрмитаже, не окончена и сегодня. Исследователями кавказских, крымских, приуральских и других древностей создаются региональные шкалы относительной хронологии, однако попытка А. К. Амброза объединить их в единую систему вызвала ряд возражений¹. При создании такой системы хронологии и при определении абсолютных дат ее ступеней существенную роль могут играть вещи интеррегиональные. К их числу принадлежат, в частности, В-образные пряжки с рифлением на рамке, представленные в комплексах от Центральной Европы до Приуралья и от Балтики до Черного моря.

В отечественной историографии утвердилось мнение о бытовании этих пряжек в VI в.² или даже в VI—VII вв.³, в зарубежной же они обычно датируются V в.⁴ Возникающее противоречие нуждается в разрешении. Во многих деталях пряжки эти весьма разнообразны и по ряду стилистических признаков на основе европейского материала распадаются на 12 основных групп. Различия достаточно ясно видны на рисунках 1 и 2.

Самые ранние находки происходят из центральноевропейских комплексов 350—450-х годов (ступень D по Эггерсу—Годловскому) и относятся к пряжкам с «мысовым» рифлением типа Витково (группа III). Сюда, помимо находки из могильника Витково в Западном Поморье (рис. 1, 24)⁵, следует отнести пряжку из Баунегаард 12 на Борнхольме (рис. 1, 25)⁶, надежно датированную трехслойным костяным гребнем типа III по З. Томас⁷ — хронологическим индикатором именно ступени D⁸. Аналогичный гребень происходит из комплекса у д. Цигельня быв. Свенцянского уезда Виленской губернии, где была обнаружена пряжка с «зональным» рифлением типа Риттерсдорф-Понизье, образующего группу VIII (рис. 2, 41)⁹.

В это же время появились и пряжки типа Притцир-Полибино (группа V). Характерная находка происходит из погребения 252 могильника Притцир в юго-западном Мекленбурге (рис. 1, 17) и относится к позднему горизонту С могильника, который перестал функционировать в первой половине V в. Эту пряжку Э. Шульдт датировал временем около 350 г.¹⁰

Эти группы пряжек, по всей вероятности, продолжают существовать и дальше, встречаясь в комплексах ступени 2 (450—525 гг.) по К. Бёнеру, как, например, экземпляр из погребения 41 могильника Риттерсдорф (рис. 1, 34)¹¹. О переживании группы Витково до середины V в. свидетельствует «княжеское» погребение кургана 5 в Таурапилсе¹², где были найдены поздний вариант арбалетовидной фибулы, умбон, В-образные рифленая (рис. 2, 17) и гладкая пряжки, фибула горизонта Домбовар¹³ и др. Датировку гладкой В-образной пряжки серединой V в. помогают уточнить пряжки со щитком, орнаментированным в стиле Сёсдал¹⁴, а сочетание хронологических позиций определяет «узкую дату» — 450—475 гг., хотя Й. Вернер датировал этот комплекс временем «около 500 г.»¹⁵.

Таким образом, самые ранние рифленые пряжки с В-образно изо-

гнутой рамкой появились где-то в пределах 350—450-х годов, и пока более точно установить эту дату невозможно.

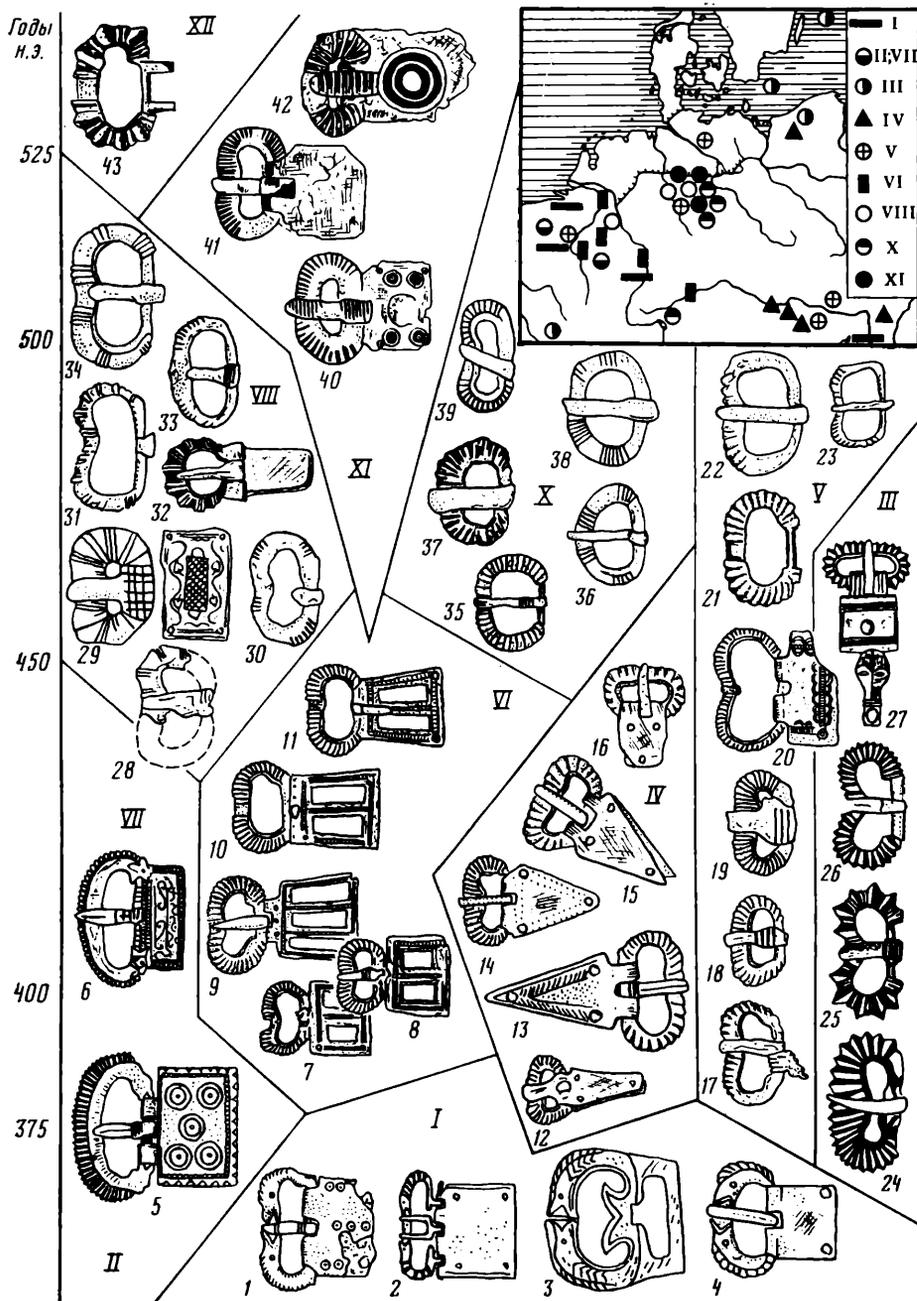
Можно предположить, что исходными формами послужили пряжки, декорированные зооморфными изображениями, где рифлением передавалась грива зверей (группа I). Такие вещи широко бытовали по римскому лимесу и в среде германских федератов. Так, в погребении 152 Интерцизы обнаружена пряжка с рифленой рамкой в виде омеги и двойным язычком (рис. 1, 2), а также «бугелькнопффибелн» достаточно раннего облика¹⁶. Двойные язычки пряжек характерны в Центральной Европе для ступеней В₂/С₁ и С₁, а дужки в виде омеги — для ступеней С₂ и С₃¹⁷. Скорее всего мы имеем дело с комплексом третьей четверти III в., и это самый ранний случай применения рифления на дужке пряжки. Серединой IV в. (не позднее 380 г.) датируется звериноголовая пряжка из Шпейер-Хильдгардштрассе (рис. 1, 1)¹⁸, а также целый ряд других.

К ступени D относится и группа II — пряжки типа Ферманд (рис. 1, 5) и целого ряда других, родственных ему типов¹⁹. В типологическом развитии они дают затем пряжки типа Трир (рис. 1, 6), относящиеся уже к первой половине V в. (группа VII)²⁰. Рифленые В-образные пряжки с сильно стилизованными головками обнаружены и в Восточной Европе, в восточнолитовских курганах у д. Засвирь (рис. 2, 28, 29)²¹. Середина V в. — самая поздняя их дата.

На рубеже IV и V вв. в Европе повляется по крайней мере еще два типа исследуемых пряжек: тип Майнц-Грайфенклауштрассе (группа VI), распространенный исключительно на Рейне и верхнем Дунае и датирующийся временем не позднее середины V в. (рис. 1, 7—11)²², и тип Глувчице (группа IV), включающий рифленые пряжки с треугольным щитком (рис. 1, 12—16)²³. Пряжка этого типа из Дрславице²⁴ обнаружена вместе со стеклянным кубком начала V в.²⁵, а пара пряжек из Чорны²⁶ датирована, помимо двупластинчатых фибул и гуннской диадемы, зеркальцем с центральной петлей типа Чми²⁷.

Во второй четверти V в., по-видимому, после 442 г., вместе с дружинами саксов²⁸ В-образные пряжки групп V и VIII попадают на юг Британии. Этим временем датируется ряд комплексов в долине Темзы (рис. 1, 19, 28—30)²⁹. Некоторые из них на основании язычка имеют утолщение, имитирующее цветную вставку. Аналогичное явление наблюдается и в Восточной Европе — например, на пряжках из Линдоры и Курова, Рекучая и Памусиса (рис. 2, 30, 31, 33, 40)³⁰, что указывает на вероятную синхронность их с английскими, однако вопрос о датирующих возможностях выступов на язычках пряжек требует специального рассмотрения.

Ко времени ступени 2 по К. Бёнеру (450—525 гг.) относятся пряжки типа Наумбург, образующие группу X (рис. 1, 35—39)³¹. Овальные или почти В-образные, с насечками, имитирующими рифление, пряжки этого типа распространены в основном в Центральной Европе. В Восточной Европе упомянем только одну находку из погребения 2 зихского могильника Сопино под Геленджиком (рис. 2, 14)³². Из этого комплекса, помимо подвязной фибулы с пластинчатым приемником и длинного двулезвийного кинжала с боковыми выступами, происходит сероглинная гончарная миска черняховского облика³³. Появление подобных мисок на памятниках типа могильника Пашковский I К. Ф. Смирнов связывает с черняховским влиянием в IV — первой половине V в.³⁴ Но пряжки типа Наумбург пока неизвестны для ступени D, они не старше середины V в. Поэтому здесь скорее можно видеть элементы остатков черняховского населения, выбитого со своих мест при обратном движении гуннов из Европы³⁵.

Рис. 1. Распространение В-образных рифленых пряжек в Центральной Европе

I — исходные типы: 1 — Хильдгардштрассе, 2 — Интерциза, 3 — Мейсон-Бланше, 4 — Сейсе-Сави; **II**, 5 — тип Ферманд; **III** — тип Витково; 24 — Витково, 25 — Баунегард, 26 — Пилини-Менсоль, 27 — Барсхальдерсхед; **IV** — тип Глувчице; 12, 16 — Дрславице, 13 — Дьендъёшапати, 14 — Глувчице, 15 — Чорна; **V** — тип Притцир-Полибино; 17 — Притцир, 18 — Мархегг, 19 — Альфрестон, 20 — Самсон, 21 — Таррак, 22, 23 — Хемминген; **VI** — тип Майнц-Грайфенклауштрассе; 7, 8 — Крефельд-Геллеп, 9 — Бен-Аин, 10 — Эправе, 11 — Майнц-Грайфенклауштрассе; **VII**, 6 — тип Трир; **VIII** — тип Риттерсдорф-Понизье; 28 — Винтебун Гане, 29, 30 — Альфрестон, 31, 33 — Хемминген, 32 — Лунда, 34 — Риттерсдорф; **X** — тип Наумбург; 35 — Эдрод-Шуйокершти, 36 — Дирлеванг, 37 — Эльксleben, 38 — Наумбург, 39 — Эльстербинитц; **XI** — тип Нордфридхоф-Бердугинск; 40 — Нордфридхоф, 41 — Ройден, 42 — Веймар; **XII** — тип Ягрус; 43 — Таррак

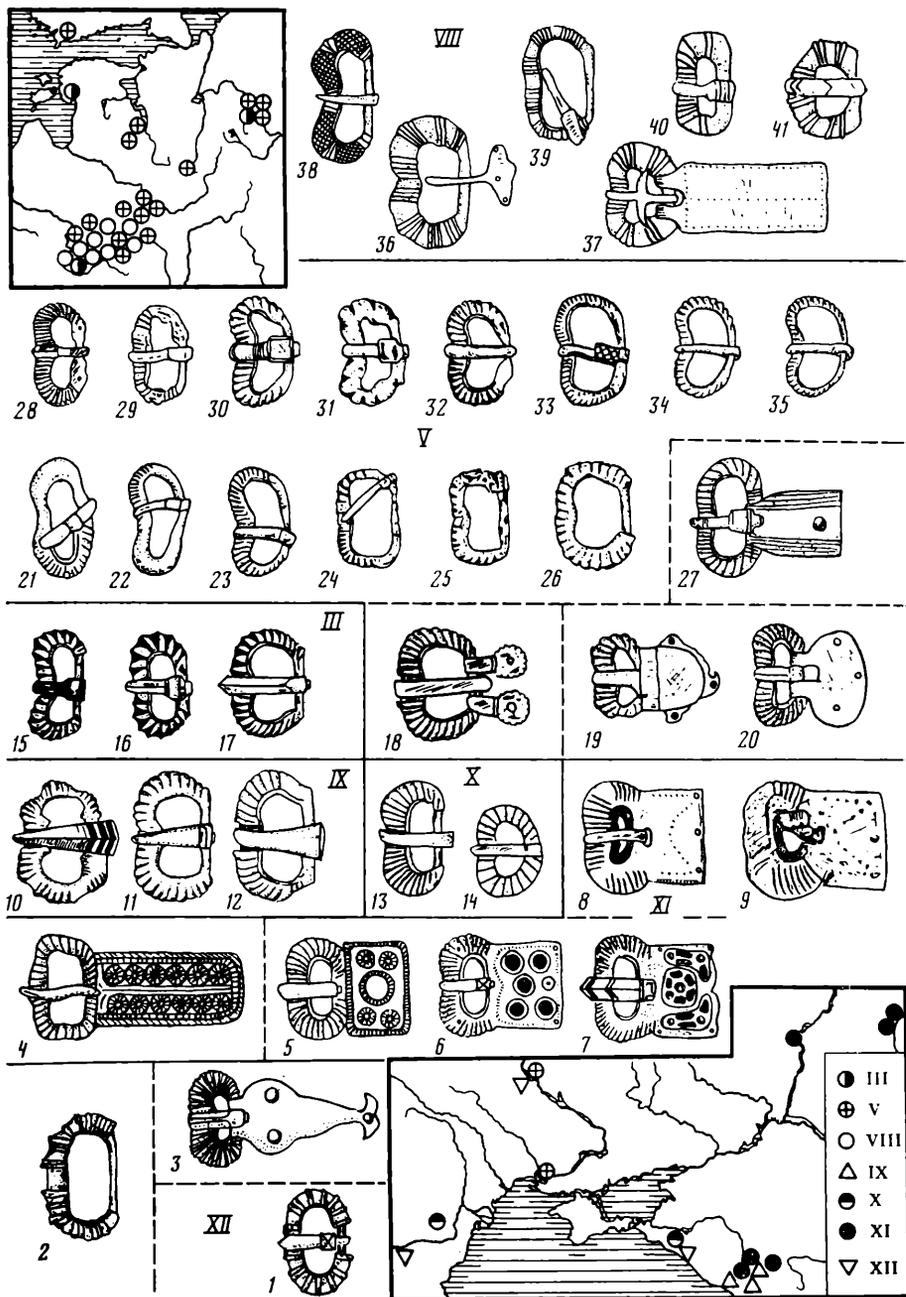

Рис. 2. Распространение В-образных рифленых пряжек в Восточной Европе

III — тип Витково: 15 — Лихула, 16 — Млевский Бор, 17 — Таурапилс; V — тип Притцир-Полибино: 18 — Белозерка, 19 — Вахакуро, 20 — Куроны, 21 — Пуйга, 22—24, 33, 35 — Памусис, 26 — Машули, 26 — Андрусовка, 27 — Рысна-Сааре, 28, 29 — Засвирь, 30 — Линдора, 31 — Курово, 32 — Полибино, 34 — Вижяй; VIII — тип Риттерсдорф-Понизье: 36 — Засвирь, 37 — Свидяны, 38 — Памусис, 39 — Понизье, 40 — Рекучяй, 41 — Цигельня; IX — тип Цебельда: 10 — Цебельда, 11 — Мокрая Балка, 12 — Рутха; X — тип Наумбург: 13 — Траян, 14 — Сопино; XI — тип Нордфридхоф-Бердунтиск: 4 — Шатрищенск, 5 — Бердунтиск, 6 — Мокрая Балка, 7 — Лермонтовская скала, 8, 9 — Шипово; XII — тип Ятрус: 1 — Сахновка, 2 — Ятрус, 3 — Дюрсо

С середины V в. распространяются и пряжки типа Нордфридхоф-Бердунинск (группа XI) с прямоугольным, часто орнаментированным щитком. Первый хронологический горизонт могильника Мокрая Балка на Северном Кавказе, к которому относится погребение с такой пряжкой (рис. 2, 6), датирован Г. Е. Афанасьевым V — первой половиной VI в. по находкам овально- и круглорабочатых пряжек с зооморфными язычками, прогнутых подвязных фибул, а также пряжки с инкрустацией цветным стеклом в форме крестика на щитке³⁶.

Еще одна пряжка группы XI происходит из катакомбы 10 могильника 2 у Лермонтовской скалы (рис. 2, 7)³⁷. Этот комплекс имеет твердую дату, поскольку вещевой инвентарь его (мечи с украшенным перекрестьем, медные котлы, двупластинчатые фибулы, удила, псалии, бусы и пр.) находит аналогии в хорошо датированных комплексах 420—460-х годов³⁸. Началом VI в. следует датировать находку из Бердунинска в Чечено-Ингушетии (рис. 2, 5)³⁹.

В Западной Европе этот тип пряжек продолжал существовать до середины VI в. Погребение 84 могильника Веймар с такой пряжкой (рис. 1, 42)⁴⁰, хотя она и встречена с монетой Зенона (474—491 гг.), можно суммарно отнести ко времени между 525 и 560 гг. (ступень 3а по К. Бёнеру).

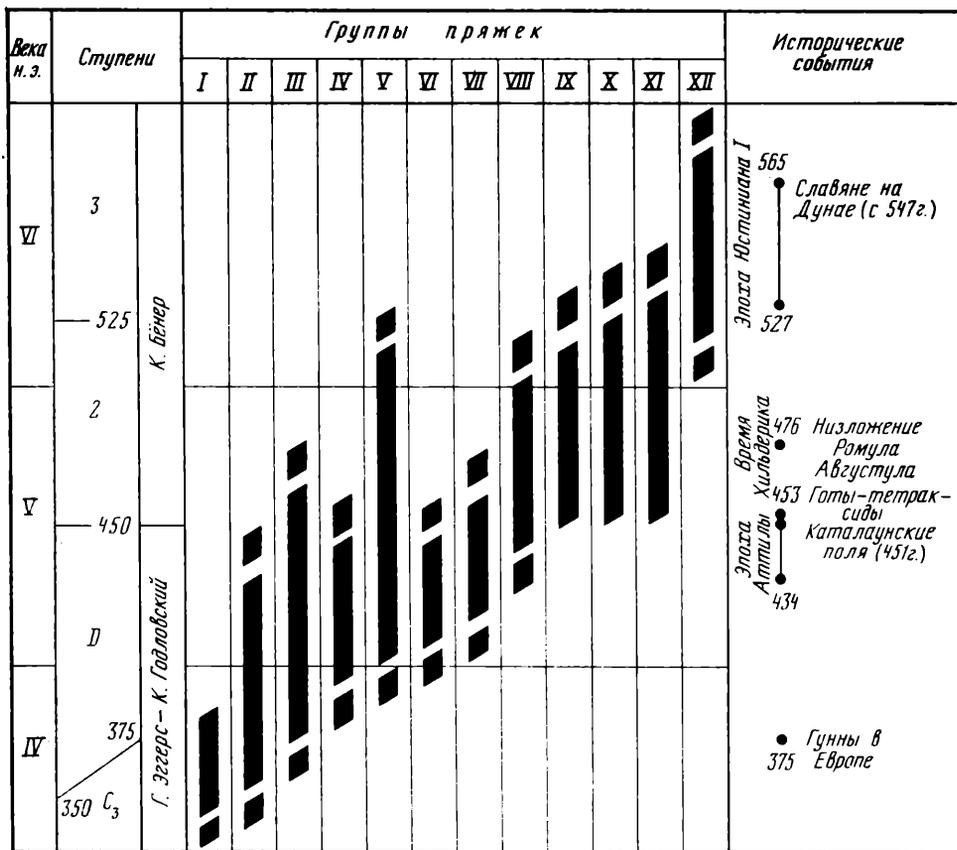
Дериватным вариантом рассматриваемого типа являются пряжки из Шиповских курганов и Саратова (рис. 2, 8, 9)⁴¹. А. К. Амброз датировал шиповские пряжки VII в. по совместной находке обкладки седла того типа, который, по его мнению, появился не ранее VII в.⁴² Однако такие же седла обнаружены в комплексах V в. на р. Дюрсо. И. П. Засецкая, разработавшая детальную типологию этих седел, датировала их этим же временем⁴³. Она выделила и достоверные элементы V в. на украшениях «гуннской эпохи», которые наблюдаются на упомянутых пряжках⁴⁴.

С Кавказа происходят и три массивные позолоченные пряжки, условно объединенные нами в цебельдинский тип (рис. 2, 10—12) и датирующиеся синхронно пряжкам групп X и XI.

Несколько особняком стоят пряжки с «рубчиками» из Юго-Восточной Европы, образующие группу XII. Одна из таких застежек с длинным соколиноголовым щитком обнаружена в погребении 374 могильника Дюрсо, относящемся по находке прогнутой подвязной фибулы к третьему этапу существования могильника, датированному второй третью VI в. (рис. 2, 3)⁴⁵. Другая пряжка с «рубчиками» происходит из византийского лагеря Ятрус (рис. 2, 2), разрушенного славянами в последней трети VI в. Она обнаружена в слое «D2», датированном по находкам пальчатых фибул, монет, орлиноголовых пряжек и пр. временем от Юстиниана I до разрушения лагеря⁴⁶.

На рубеж VI и VII вв. в Западной Европе приходится последний всплеск моды на пряжки с рифлением. Почти повсеместно оно заменяется гравировкой и насечками, при этом происходит постепенная потеря В-образности рамки с усложнением формы и орнаментации щитка⁴⁷. Однако эти украшения относятся уже к иному кругу древностей.

Когда же попадают рифленые пряжки в лесную зону Восточной Европы? На северо-западе ее они представлены тремя интеррегиональными группами (III, V, VIII) и, естественно, могли оказаться здесь в любой момент их бытования — от конца IV до начала VI в. Однако комплекс из Таурапилса, имитации вставок и деградированный вид звериных головок на некоторых экземплярах заставляют склониться к мысли, что это могло произойти не позднее середины V в. Что же касается поздних пряжек, то ни типа Ятрус, не дериватов VI — VII вв. среди них уже не встречается.

Рис. 3. Хронологическое распределение рифленых пряжек по стилистическим группам
 I — исходные типы; II — Ферманд; III — Витково; IV — Глувчице; V — Притцир-Полибино; VI — Майнц-Грайфенклауштрассе; VII — Трир; VIII — Риттерсдорф-Понизье; IX — Цебельда; X — Наумбург; XI — Нордфридхоф-Бердутинск; XII — Ятрус

Таким образом, при синхронизации с европейской хронологической шкалой у нас нет оснований говорить о конце VI или VII в. для рифленых В-образных пряжек. Во второй половине VI в. бытовали лишь пряжки типа Ятрус, остальные прекратили существование раньше, лишь изредка доживая до середины VI в. (рис. 3).

Можно, конечно, предположить, что в Восточной Европе рассматриваемые пряжки были собственным изобретением, появились спонтанно, и даты их не зависят от центральноевропейской хронологии, однако само оформление, их стиль свидетельствуют, что допустить такое трудно. Более реальным представляется другое: появившись в позднеримское время у каких-то групп населения центральноевропейского римского пограничья, рифленые пряжки получили широкое распространение в «эпоху Атили». Разгром гуннской конфедерации в 451 г. и последовавшие за этим массовые перемещения племен в Евразии могли способствовать проникновению рассматриваемых пряжек далеко за пределы Центральной Европы, на Кавказ, в Приуралье и даже в Казахстан⁴⁸. Можно согласиться с Й. Вернером, что для Финляндии и Прибалтики они также элемент чуждый и попадают сюда из Центральной Европы, хотя предполагаемая дата их появления здесь (вторая половина V в.)⁴⁹ и представляется несколько завышенной.

- 1 Проблемы хронологии памятников Евразии в эпоху раннего средневековья. М., 1979 (КСИА. Вып. 158).
- 2 Седов В. В. Восточные славяне в VI—XIII вв. Сер. Археология СССР. М., 1982. Табл. XIX, 21, 22; XLVIII; Аун М. Курганные могильники восточной Эстонии во второй половине I тысячелетия н. э. Таллинн, 1980. С. 87.
- 3 Амброз А. К. Хронология раннесредневековых древностей Восточной Европы V—IX вв.: Автореф. дис. ... докт. ист. наук. М., 1974. С. 32.
- 4 Werner J. Kriegergräber aus der ersten Hälfte des 5. Jahrhundert zwischen Schelde und Weser//Bonner Jahrbuch. Bonn, 1958. Bd 158. S. 376—379; *Idem*. Bemerkungen zum nordwestlichen Siedlungsgebiet der Slawen im 4—6. Jahrhundert// Beiträge zur Ur- und Frühgeschichte. Berlin, 1981. Bd 1. S. 700; *Godtowski K.* The Chronologie of the late Roman and early Migration Periods in Central Europe. Kraków, 1970. P. 58, 59.
- 5 Prahistoria ziem Polskich. Wrocław; Warszawa; Kraków, 1981. T. V. S. 214—216. Tab. XXXI, 10.
- 6 Vedel E. Bornholms oldtidsminder og oldsager. Kjobenhavn, 1886. S. 123, 125, 132. Fig. 269; 294.
- 7 Thomas S. Studien zu den Germanischen Kämmer der römischen Kaiserzeit//Arbeits- und Forschungsberichte zur sächsischen Bodenkmalpflege. Berlin, 1960. Bd 8.
- 8 *Godtowski K.* The Chronologie... Pl. IV, 1; V, 62; XII, 13; XVII, 13; XIX, 20; XX, 19.
- 9 Архив ЛОИА. Ф. АК. Д. 53/1907; *Таутавичюс А. К.* вопросу о хронологии восточнолитовских боевых топоров//От эпохи бронзы до раннего феодализма. Таллинн, 1966. Рис. 1, 4.
- 10 *Schuldt E.* Pritzler: Ein Urnenfriedhof der späten römischen Kaiserzeit in Mecklenburg. Berlin, 1955. S. 71—73. Abb. 358.
- 11 *Böhner K.* Die fränkischen Altertümer des Trierer Landes//Germanische Denkmäler der Völkerwanderungszeit. Berlin, 1958. Bd 1. Taf. 35, 2; *Krüger B.* Die Germanen. Berlin, 1983. Bd 2. S. 407. Abb. 102. К этому времени можно суммарно отнести и пряжки гепидских древностей бассейна Тисы. См.: *Csallány D.* Archäologische Denkmäler der Gepiden im Mitteldonaubecken (454—568). Budapest, 1961. Taf. XVI, 15; CCI, 17; CCXLVIII, 11.
- 12 *Tautavičius A.* Taurapilio «kunigaikščio» kapas//Lietuvos archeologija. Vilnius, 1981. T. 2. P. 28. Pav. 26.
- 13 *Annibaldi G., Werner J.* Ostgotische Grabfunde aus Acquasanta, Prov. Ascoli Piceno (Marche)//Germania. Frankfurt a/M., 1963. Jg 41. S. 356—373.
- 14 Prahistoria... S. 281—285. Ryc. 130; 131.
- 15 *Werner J.* Bemerkungen... S. 700.
- 16 *Meyer E.* Die Bügelknopffibeln//Arbeits- und Forschungsberichte zur sächsischen Bodenkmalpflege. Berlin, 1960. Bd 8; *Шаламон А., Баркоци Л.* Археологические данные к периодизации позднеримской Паннонии (376—476 гг.)//Древности эпохи великого переселения народов V—VIII вв. М., 1982. С. 33. Рис. 2.
- 17 *Godtowski K.* The Chronologie... Pl. I, 43; V, 29; VII, 12; X, 6; XV, 10; XVII, 6.
- 18 *Bernhard H.* Zwei spätromische Grabfunde aus Speyer//Bonner Jahrbuch. Bonn, 1978. Bd 178. S. 273. Abb. 8, 3.
- 19 *Böhme H.* Germanische Grabfunde des 4. bis 5. Jahrhunderts. München, 1974. Fundliste 12—16.
- 20 *Ibid.* S. 333. Taf. 140, 3; *Werner J.* Kriegergräber... S. 390. Taf. 81. Abb. 2, 1.
- 21 *Покровский Ф. В.* К исследованию бассейна Вилии в археологическом отношении//Тр. Х АС. М., 1899. Т. 1. С. 90, 91. Табл. III, 7, 8.
- 22 *Werner J.* Kriegergräber... S. 395. Abb. 13 (К. 2); 19, 2; *Böhme H.* Germanische Grabfunde... S. 83, 280, 287, 288. Taf. 79, 13, 14; 87, 6, 13. Fundliste 16.
- 23 *Werner J.* Beiträge zur Archäologie des Attila-Reiches. München, 1956. Taf. 41, 9; *Godtowski K.* Die Völkerwanderungszeit in Pommern//Archaeologia baltica. Wrocław, 1979. V. 4. S. 63. Abb. 20, g.
- 24 *Werner J.* Beiträge... Taf. 43, 11, 12; *Tejral J.* Morava na sklonku antiky. Praha, 1982. S. 35. Obr. 8, 2, 3. Tab. VIII, 2, 3.
- 25 *Сорокина Н. П.* Стекланные сосуды IV—V вв. и хронология Цебельдинских могильников//КСИА. М., 1979. Вып. 158. С. 57—67.
- 26 *Alföldi A.* Der Untergang der Römerherrschaft in Pannonien. Berlin; Leipzig, 1924. Bd 1. Taf. VIII.
- 27 Датировку диадем см.: *Тиханова М. А., Черняков И. Г.* Новая находка погребения с диадемой в Северо-Западном Причерноморье//СА. 1970. № 3. С. 127; *Засецкая И. П.* Даты Мелитопольского комплекса в свете проблем хронологии гуннской эпохи//Древности Евразии скифо-сарматского времени. М., 1985. С. 67—78. О зеркалах см.: *Werner J.* Beiträge... Taf. 43; 45.
- 28 *Корсунский А. Р., Гюнтер Р.* Упадок и гибель Западной Римской империи и возникновение германских королевств. М., 1984. С. 98—102.
- 29 *Evison V.* The fifth century invasion south of Thames. London, 1965. Fig. 16, d, h, k; 20, g.
- 30 *Аун М.* Курганные могильники... Рис. 18; 20; *Леонтьев А. Е.* Древнерусское поселение верхней Мсты//Археологические исследования Верхневолжья. Калинин, 1983. С. 60. Рис. 3, 9; *Таутавичюс А. К.* вопросу о хронологии... Рис. 1, 7; *Спицын А. А.* Предполагаемые литовские курганы VIII—IX вв.//ЗРАО. СПб., 1896. Нов. сер. Т. 8, вып. 1. С. 105. Рис. 9.

- ³¹ Schmidt B. Die späte Völkerwanderungszeit in Mitteleuropa: Katalog. Berlin, 1970. Bd 1 (Südteil). S. 49, Taf. 43, 2a; Berlin, 1975. Bd 2 (Nord- und Ostteil). Taf. 81, 1b; Christlein R. Das alamannische Gräberfeld von Dirlewang bei Mindelheim. München, 1971. Taf. 14; 19.
- ³² Анфимов Н. В. Зихские памятники Черноморского побережья Кавказа//Северный Кавказ в древности и в средние века. М., 1980. С. 107. Рис. 9, 3, 12; 13, 6.
- ³³ Там же. С. 101. Рис. 6, 3.
- ³⁴ Смирнов К. Ф. Новые данные по сарматской культуре Северного Кавказа//КСИИМК. М., 1950. Вып. 32. С. 125; Он же. О некоторых итогах исследования могильников меотской и сарматской культур Прикубанья и Дагестана//КСИИМК. М., 1951. Вып. 36. С. 159.
- ³⁵ Прокопий из Кесарии. Война с готами. М., 1950. С. 387.
- ³⁶ Афанасьев Г. Е. Хронология могильника Мокрая Балка//КСИА. М., 1979. Вып. 158. С. 45. Рис. 1; Он же. Пряжки катакомбного могильника Мокрая Балка у г. Кисловодска//Северный Кавказ в древности и в средние века. М., 1980. Рис. 1, 25; 2, 16.
- ³⁷ Рунц А. П. Захоронение вождя эпохи раннего средневековья из Кисловодской котловины//СА. 1976. № 3. С. 259. Рис. 3, 9.
- ³⁸ Погребения Лермонтовской скалы синхронизируются с горизонтом Унтерзибенбрунн, с находками стиля Сёсдал (Качинский клад), группы Винаржице в Чехии и Нимберг в Германии. См.: Щукин М. Б. Некоторые проблемы хронологии черняховской культуры и истории ранних славян//Rapports du IIIe Congrès international d'archéologie slave. Bratislava, 1979. Т. 1. Р. 400.
- ³⁹ Виноградов В. Б., Мамаев Х. М. Некоторые вопросы раннесредневековой истории и культуры населения Чечено-Ингушетии//Археология и вопросы этнической истории Северного Кавказа. Грозный, 1979. С. 70. Рис. 4, 51.
- ⁴⁰ Werner J. Münzdatierte austrasische Grabfunde//Germanische Denkmäler der Völkerwanderungszeit. Berlin; Leipzig, 1935. Bd 3. Taf. I, A8.
- ⁴¹ Werner J. Beiträge... Taf. 8, 7; Засецкая И. П. О хронологии и культурной принадлежности памятников южнорусских степей и Казахстана гуннской эпохи//СА. 1978. № 1. С. 68; Ковалевская В. Б. Поясные наборы Евразии IV—IX вв. Пряжки//САИ. М., 1979. Вып. Е1-2. Табл. XX, 8. № 117. Пряжка из Саратовского могильника не опубликована, хранится в местном краеведческом музее. Сообщение И. П. Засецкой.
- ⁴² Амброз А. К. Хронология ... С. 32.
- ⁴³ Засецкая И. П. Даты Мелитопольского комплекса ... Рис. 2.
- ⁴⁴ Засецкая И. П. Боспорские склепы гуннской эпохи как хронологический эталон для датировки памятников восточноевропейских степей//КСИА. М., 1979. Вып. 158. С. 5—17.
- ⁴⁵ Дмитриев А. В. Раннесредневековые фибулы из могильника на р. Дюрсо//Древности эпохи великого переселения народов V—VIII вв. М., 1982. С. 69—106. Рис. 12, 8.
- ⁴⁶ Gomolka-Fuchs G. Jatrus-Krivina: Spätantike Befestigung und Frühmittelalterliche Siedlung an der unteren Donau//Schriften zur Geschichte und Kultur der Antike. Berlin, 1985. Bd 17.
- ⁴⁷ См., например: Böhner K. Die fränkischen Altertümer... S. 185. Abb. 10. Taf. 37, 1; 38, 3f; Schmidt B. Die Späte Völkerwanderungszeit... (Südteil). S. 58. Taf. 54, 1b; Werner J. Münzdatierte... Taf. 12A, 10a, 10b; 14, B11; Idem. Zu den Knochenschellen und Reliquarschnallen des 6. Jahrhunderts//Die Ausgrabungen in St. Ulrich und Afra in Augsburg 1961—1968: Münchner Beiträge zur Vor- und Frühgeschichte. München, 1977. Bd 23. S. 284. Abb. 4. S. 300. Abb. 17. Taf. 90, 2, 4; 92, 2; Idem. Die Gräber aus Krypta-Grabung 1961/1962//Ibid. Taf. 35; 48, 7.
- ⁴⁸ Minajeva T. M. Zwei Kurgane aus der Völkerwanderungszeit bei der Station Sipovo//ESA. Helsinki, 1929. T. 4; Werner J. Beiträge... Taf. 51, 4.
- ⁴⁹ Werner J. Bemerkungen... S. 700, 701.

В. И. КУЛАКОВ

ПОГРЕБЕНИЯ ВОЕНАЧАЛЬНИКОВ ПРУССКОЙ ДРУЖИНЫ

На заключительном этапе существования конфедерации прусских земель (середина XIII в.) письменные источники отметили у пруссов военачальников¹. Близкие по статусу западноевропейским рыцарям (*duces et capitanei*), командовавшие во время войн народным ополчением, они подчинялись высшей администрации — жреческой верхушке²

и представляли собой «вышедшую из среды землевладельцев-крестьян привилегированную группу населения»³.

Обряд погребения прусских военачальников Христбургский договор 1249 г.⁴ и Прусская хроника 1526 г.⁵ описывают в сходных выражениях: умершего хоронили в пышном облачении, с конем, охотничьими собаками, соколом. Правда, сведения Хроники содержат данные об ингумации знатного воина, а договор 1249 г. говорит о кремации. Знатного воина, согласно последнему источнику, сопровождала в иной мир умерщвленная вместе с ним челядь. Эта черта, на первый взгляд, напоминает традиции дружинной верхушки севера и востока Европы в период, соответствующий рубежу между эпохой родовых отношений и временем становления государств⁶. Для выяснения особенностей погребального ритуала как основы для характеристики высшей военной знати пруссов конца I тысячелетия н. э. обратимся прежде всего к погребальным памятникам более раннего времени.

В пределах самбийско-натангской группы западнобалтской культуры «эпохи римского влияния», на позднем этапе ее существования, появляются отдельные «княжеские» погребения. Они характеризуются не только размещением поблизости конского захоронения и оружием в могиле всадника, но и присутствием здесь останков женщины, погребенной в праздничном уборе⁷. Подобные комплексы (типа погребения XXXIV могильника Хрустальное) оставлены представителями родовой аристократии. Монументальные курганы и погребения с парадным оружием, хранившие останки родовых вождей, характерны в V — начале VI в. для всего правобережья нижней Вислы⁸.

Начало разложения рода у пруссов приходится на VI в. Показателем этого процесса служит, например, погребение I могильника Первомайское (быв. Варника) Калининградской обл.⁹ Набор инвентаря соответствует перечисленным выше компонентам более ранних «княжеских» могил. Изготовленная в первом германском зверином стиле обкладка рукояти меча, четверики конского оголовья с плетеным орнаментом, восьмилепестковые фибулы с алмадинами имеют западногерманское происхождение и находят аналогии в материалах последней четверти VI в. Нижней Саксонии¹⁰.

Подобный процесс проходил у прочих балтских племен сходно: например, как у пруссов, так и у древних литовцев на позднем этапе эпохи переселения народов вождями могли стать не представители родовой аристократии, а иноплеменники¹¹. Прежде, при системе устойчивых родовых отношений, это было невозможно. Теперь власть в отделивающейся от рода дружине мог получить любой удачливый в битвах воин, в том числе и выходец из других этнических группировок. Возможность интенсивного контакта с внешним миром у родовой общины возникает только на пороге ее распада¹².

Другим показателем распада общины служит распространение в VI в. коллективных захоронений. Материалы могильника Суворово (быв. Зофен) Калининградской обл.¹³ показывают, что обычай сожжения вдов на могилах мужей, доживший у пруссов до XIII в., возникает на руинах родового строя. С появлением индивидуальной семьи женщины начинают считаться собственностью мужчины¹⁴.

Рубеж VII — VIII вв. был ознаменован новым этапом в развитии погребальной обрядности пруссов. Сложившийся к этому времени ритуал, включающий перенесение остатков совершенного на стороне трупосожжения во временной урне и высыпание их в могилу, где ранее был захоронен конь (инвентарь — одно-два копыя, шпора, нож), пополняется новой чертой: появляются немногочисленные погребения с мечами, со-

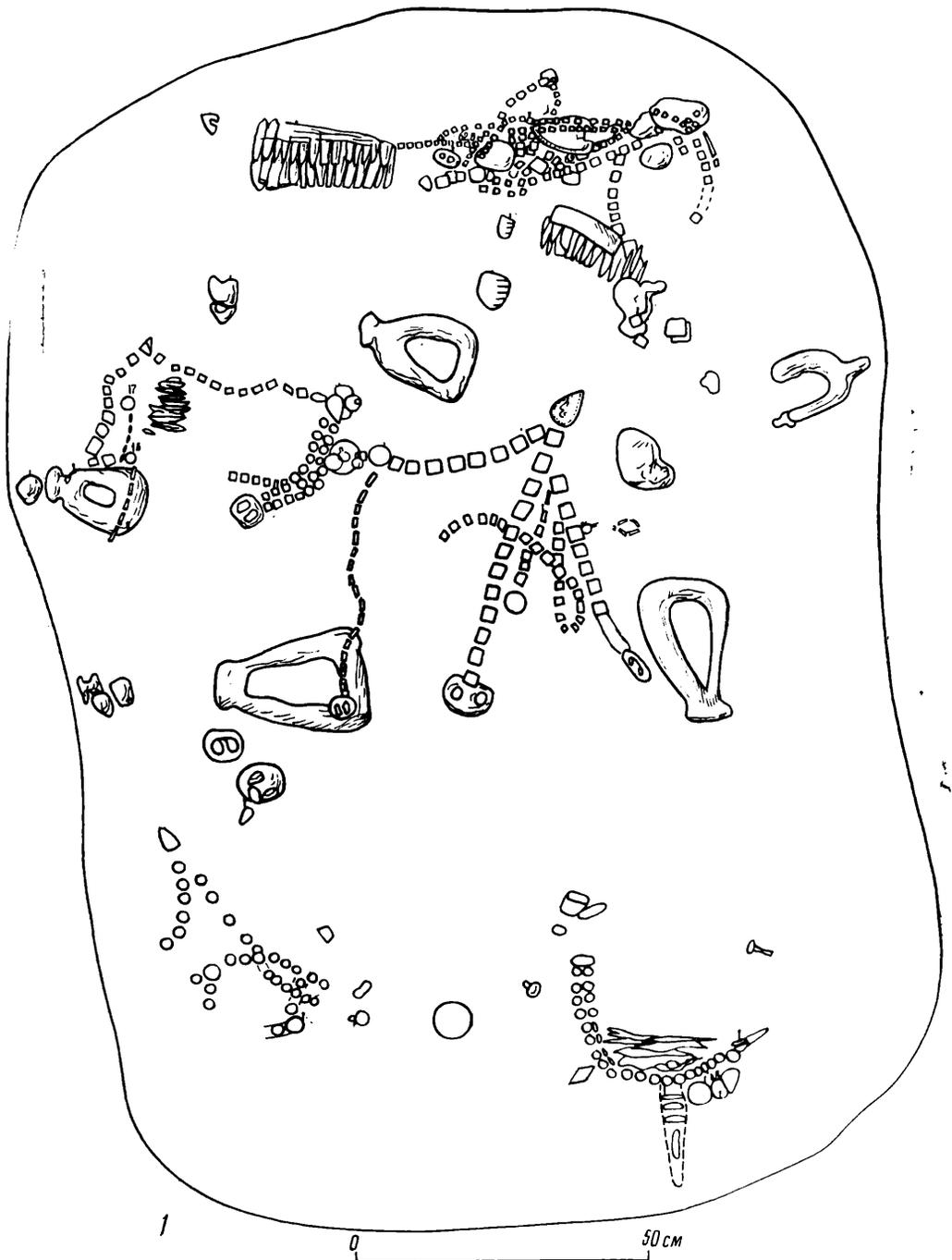
державшие останки двух воинов. Инвентарь их удвоен. В качестве примеров назовем следующие памятники: Погребение 63 могильника Ленче (Эльблонгское воеводство, ПНР)¹⁵. Могильная яма, перекрытая каменной кладкой, содержала однолезвийный меч, две бронзовые шпоры, пряжку, два наконечника ремня, два ножа, две временные урны (в одной из них — янтарная биконическая бусина). Над каменной кладкой обнаружены второй меч и копьё. Кальцинированные кости рассеяны (?) среди инвентаря. Погребение 17 могильника Новинка (там же)¹⁶. Могильная яма овальной формы содержала однолезвийный меч, три копыя, фибулу, поясной набор, остатки ритона, фрагменты двух временных урн, расположенных около кальцинированных костей. Ниже — захоронение коня с удилами и остатками оголовья. Погребение 83 могильника Новинка¹⁷. Могильная яма содержала остатки погребального костра с временной урной и инвентарем, ниже — захоронение коня в полном снаряжении. В находившемся поблизости погребении 85 в яме найдены меч, под ним — два копыя, с запада — третье копьё, временная урна, ритон, две фибулы, гривна, поясной набор.

Захоронение в погребении нескольких воинов подтверждается и находкой в одной могиле двух коней (погребение 55 могильника Новинка)¹⁸.

Дата погребений — рубеж VII — VIII вв. — устанавливается по позднему варианту застёжек типа *Sproßenfibel* из погребений 17 и 83 в Новинке. Аналогичные вещи найдены в погребении 6 могильника Келары вместе с наконечником ремня, характерным для аварских древностей конца VII — начала VIII в.¹⁹

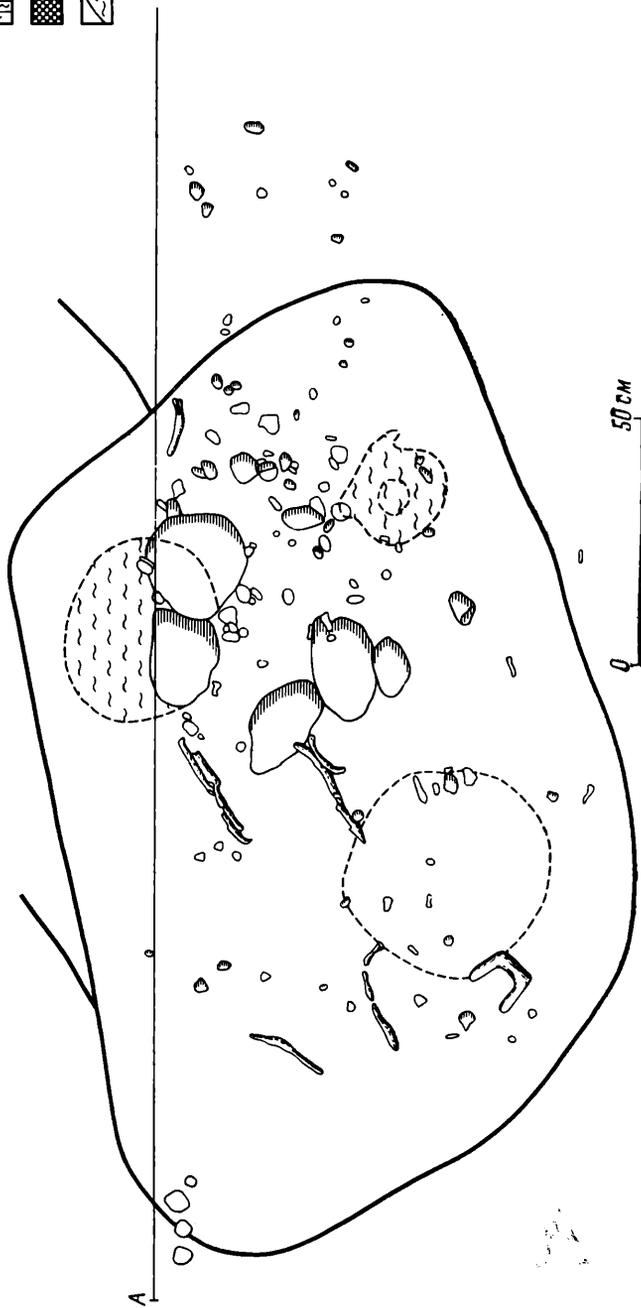
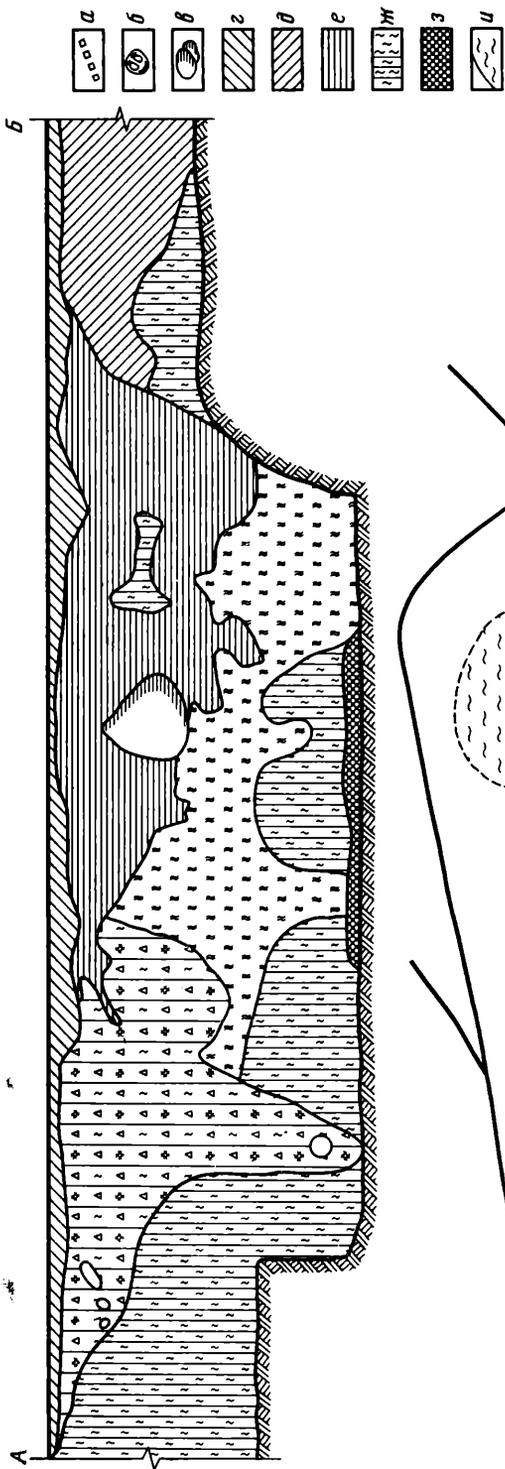
В VIII — IX вв. черты погребального обряда пруссов-дружинников унифицируются. Комплексы, содержащие в нижнем ярусе захоронение коня, сопровождаются небольшим количеством инвентаря (временная урна и конское снаряжение)²⁰. Парные воинские погребения фиксируются в редких случаях по двум-трем костякам коней (погребение 144 могильника Ирзекапинис в Калининградской обл.). В дальнейшем число компонентов инвентаря увеличивается, что облегчает вычленение коллективных воинских погребений. Примерами могут служить следующие памятники: Погребение 91 в Ирзекапинис. Расположено в яме, имевшей в материке размеры 2,05×1,35 м и глубину 0,54 м (рис. 1, 1). В верхнем ярусе найдены обломки временной урны, четыре заклепки, кусок янтаря. Количество кальцинированных костей, частично перекрытых валуном со следами обработки, невелико. В нижнем ярусе найдены черепа и остатки шкур трех коней. Первым был похоронен северный конь. Его череп был потревожен при помещении в яму останков других коней. Северный череп снабжен оголовьем, украшенным серебряными и железными накладками. На щитовидной налобной подвеске изображены два триплета. Оголовья остальных коней украшены серебряными накладками и налобными подвесками с традиционным для прусских дружинников изображением ворона. У останков коней найдены две пары стремян, удила, шпора (рис. 2, 1—13). На дне могильной ямы, как и у большинства описанных ниже, отмечена ямка от кола (глубина до 5 см). Судя по подобным железным накладкам, найденным в Бирке²¹, погребение датируется второй половиной X в.

Погребение 1 могильника Сосновка I (Калининградская обл.)²². В составе инвентаря — два воинских набора (по четыре копыя, одной арбалетовидной фибуле, одному ножу и удилам). Один из наборов включал, кроме того, меч типа Т (по Я. Петерсену) и шпору. Данный комплекс содержал и женское погребение, сопровождавшееся витой гривной, фибулой с цепедержателем, бубенчиками, браслетами. Судя по пламе-

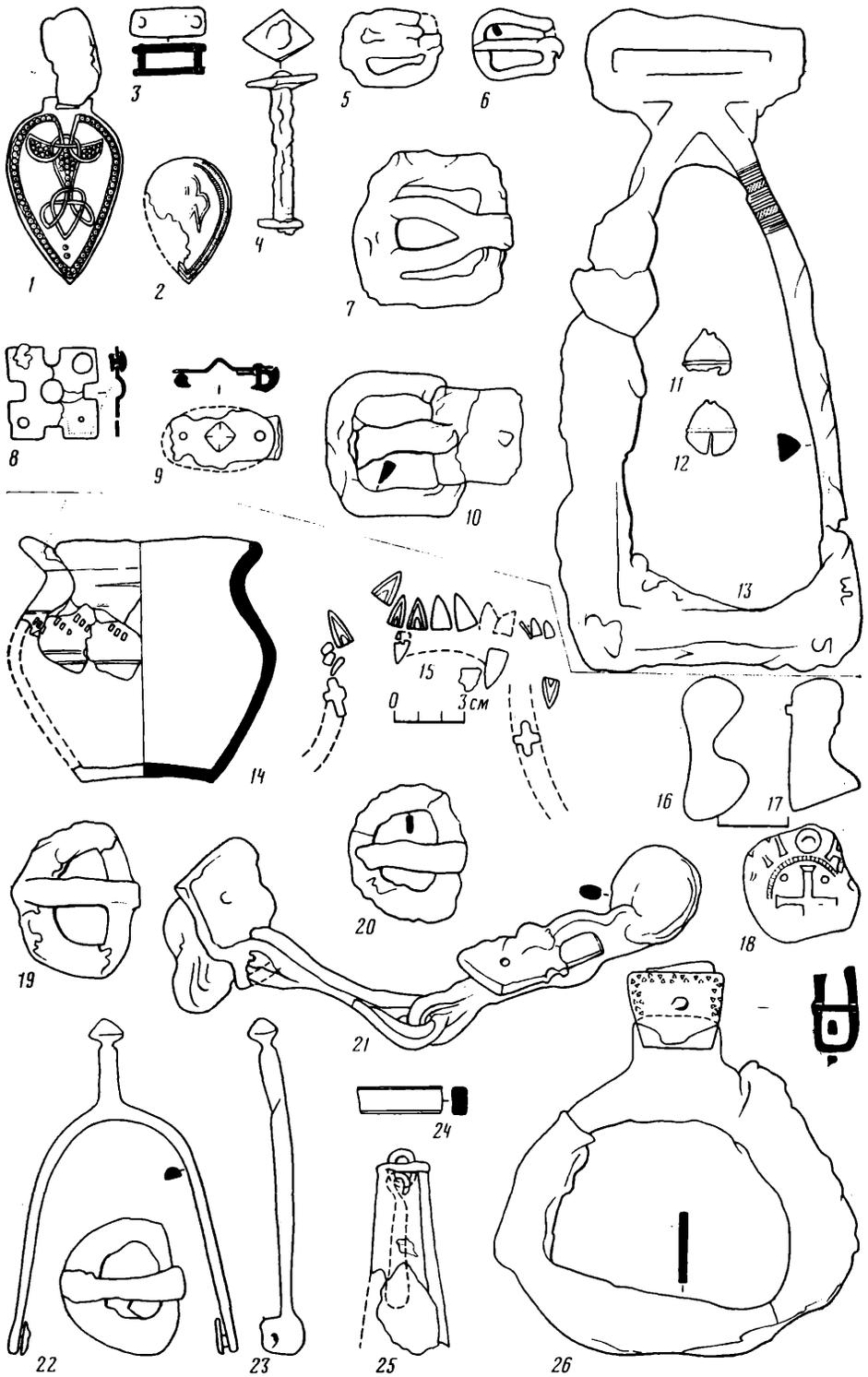

Рис. 1. Могильник Ирзекапинис. Погребения вождей дружины Самбии

1 — план нижнего яруса погребения 91; 2 — план и профиль верхнего яруса погребения 64а; а — остатки ремня конского оголовья с накладками; б — железный предмет; в — камни; г — пахотный слой; д — серый суглинок; е — остатки погребального костра с кальцинированными костями; ж — переотложенный предматериковый суглинок со средним и повышенным содержанием золистозлистых примесей; з — остатки органики (шкура коня); и — скопление золы и кальцинированных костей

2

видному орнаменту на втулках копий²³, погребение относится ко второй половине X в.

Погребение 141 в Ирзекапинис. Расположено в яме, имевшей в материке размеры 1,5×1,5 м и глубину 0,58 м. Корабельные гвозди и заклепки (109), найденные в верхнем ярусе, указывают на сожжения на стороне на ладейных досках. У кальцинированных костей (юго-восточная часть могилы) найдены обрезанный под квадрат денарий Оттона III (983—1002)²⁴, две гирьки, фрагмент точила, две железные подвески в виде «молоточков Тора», фрагменты двух сосудов (рис. 2, 14—16). В южной части верхнего яруса выявлено второе скопление остатков костра с мелкими кальцинированными костями, помещенное в деревянное ведро. В нижнем ярусе первому скоплению костей в плане соответствовало захоронение черепа коня с серебряными накладками оголовья. Второе скопление костей подстилала ремни конской упряжи. Непосредственно на черепе коня выявлена третья группа костей. Среди них найдены кожаные ленты с серебряными накладками — остатки девичьего венчика²⁵. Вычленяется три погребения: основное принадлежит сожженному на ладейных досках человеку (ниже — конь в богатом снаряжении), два других — останки слуги (?), принесенные с костра в ведре, и девушки в богатом уборе. Дата погребений по монете — последнее десятилетие X в.

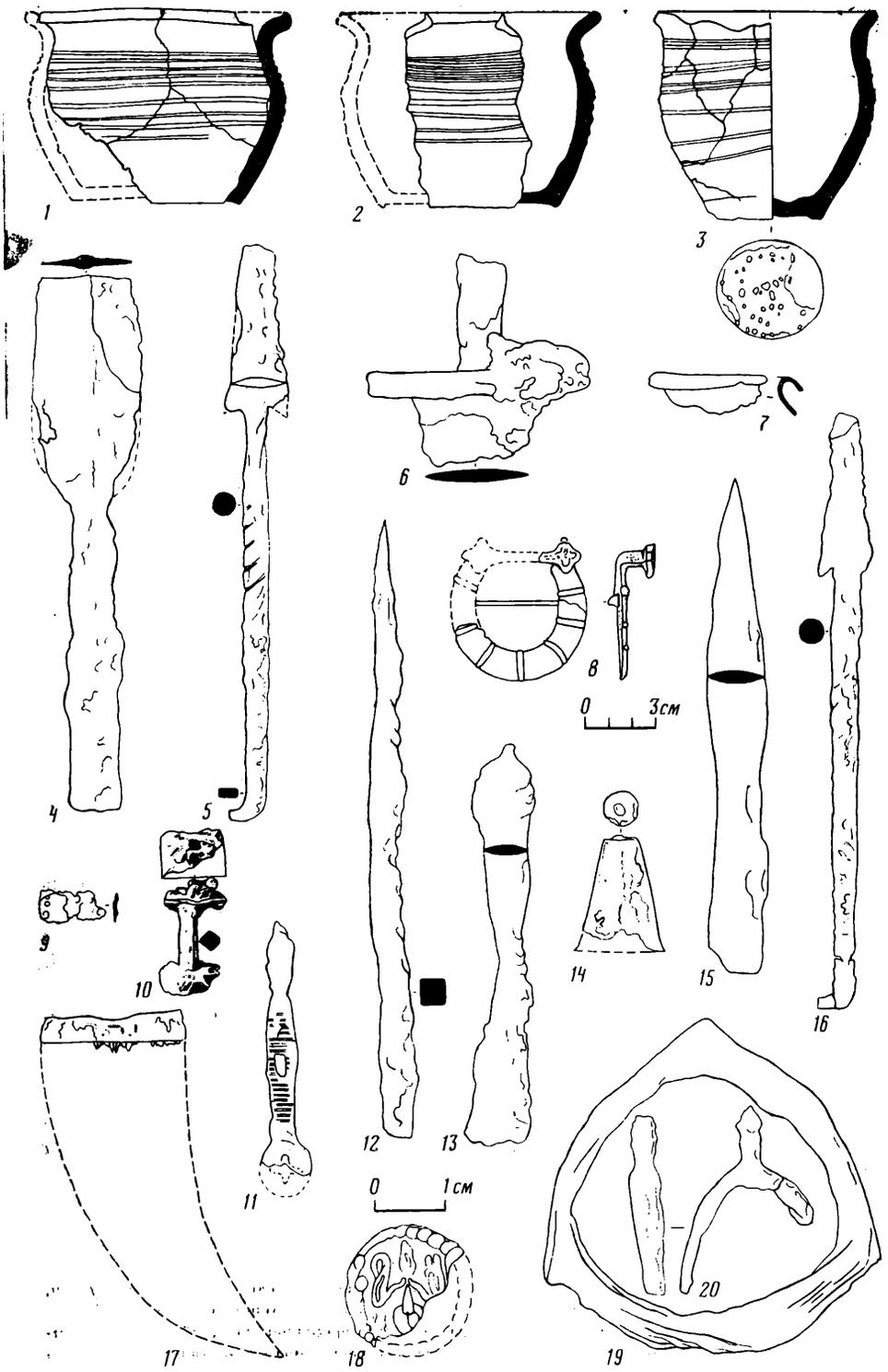
Погребение 1 в Ирзекапинис. В верхнем ярусе содержало два скопления кальцинированных костей²⁶. Среди ладейных заклепок и гвоздей (82) найдены фрагменты двух сосудов, дву- и однолезвийные мечи, обломки не менее двух копий. Одному из погребенных принадлежали булава, фибула, пряжка, весы и гирьки, обрубок оловянного дрота. Нижний ярус содержал остатки шкур двух(?) коней, четверо удил, две пары стремян, два ботала, шпору. Детали набора вещей одного из погребенных были украшены серебряной плакировкой. По крестовидным накладкам, имеющим аналогии в Бирке²⁷, погребение датируется началом XI в.

Погребение 15 в Ирзекапинис. В верхнем ярусе содержало два скопления остатков костра с кальцинированными костями. В них обнаружены фрагменты двух временных урн. К северу от северо-западного скопления костей в заполнение могильной ямы был воткнут меч типа X (по Я. Петерсену). У края этого же скопления — погруженное острием в грунт копье. К двум скоплениям костей относились еще две пары копий, два ножа, две янтарные бусины, обрезанный в кружок дирхем конца IX в. В нижнем ярусе обнаружены остатки шкур трех коней. Над южным конским черепом, снабженным особо роскошным оголовьем, открыто третья, безынвентарное скопление кальцинированных костей²⁸. Дата погребения — первая четверть XI в.

Погребение 64а в Ирзекапинис. Помещалось в яме, имевшей в материке размеры 1,35×1,115 м и глубину 0,37 м (рис. 1, 2). В верхнем ярусе найдены три скопления остатков костра с кальцинированными

Рис. 2. Могильник Ирзекапинис. Инвентарь погребений 91 и 141

1—13 — погребение 91: 1, 2 — налобные подвески конского оголовья, 3 — оковка стременного ремня, 4 — ладейная заклепка, 5—7, 10 — подпружные пряжки, 8, 9 — накладки конского оголовья, 11, 12 — бубенчики оголовья, 13 — стремя; 14—26 — погребение 141: 14 — временная урна, 15 — остатки ремней и накладок девичьего венчика *in situ*, 16, 17 — подвески в виде «молоточков Тора», 18 — монета Оттона III, 19, 20, 22 — подпружные пряжки, 21 — удила с остатками костяных псалиев, 23 — шпора, 24 — фрагмент оселка, 25 — ботало, 26 — стремя; 1 — железо с плакировкой серебром; 2 — бронза с плакировкой серебром; 3—10, 16, 17, 19—22, 26 — железо; 15, 18 — серебро; 14 — керамика; 23 — железо с таушировкой серебром; 24 — сланец; 25 — железо и бронза

костями. Западное скопление сопровождалось обломками меча. В северном найдены фрагменты двух сосудов. У восточного скопления обнаружены ключ, фибула и небольшой дротик. Еще три дротика найдены у остальных скоплений, в каждом из которых присутствовали фрагменты временных урн (рис. 3). В нижнем ярусе отмечены еще два золотых пятна. Рядом с западным пятном находились остатки ритона, под восточным — кожаное полотнище, украшенное бахромой и серебряными накладками (остатки знамени). В восточной части ямы обнаружены остатки шкуры коня с серебряными накладками оголовья. На одной из накладок изображен знак (рис. 3, 18), известный в Литве как тамга князя Миндаугаса (XIII в.)²⁹. Однако, судя по находкам дротиков с изгибом конца черешка³⁰, погребение датируется более ранним временем — рубежом XI—XII вв.

Кроме трупосожжений — ведущей формы обряда у раннесредневековых пруссов, известна и ингумация военачальника. Это погребение 12 могильника Ветрово. Могила содержала ориентированный на северо-запад скелет, у левого бедра которого был сгруппирован инвентарь. В его состав входили железный шлем с бронзовыми деталями, три копья, серп с отверстием для крепления подвижной рукояти, нож, наконечник стрелы (?), оковка ведра. Над черепом — захоронение шкуры коня, выше ног скелета — трупосожжение с остатками цепочки³¹. Все помещалось в одной яме и было перекрыто единой каменной кладкой. Инвентарь связывает погребенного с Восточной Европой: шлем имеет явно древнерусское происхождение и датируется X—XI вв.³²; складные серпы характерны для погребений салтово-маяцкой культуры IX в.³³ Помещение шкуры коня над погребенным присуще обрядам населения Хазарского каганата IX—X вв.³⁴ По орнаменту втулки копья (плакированные серебром полосы «плетенки»), характерному для Самбии и представленному в Скандинавии³⁵, погребение датируется началом XI в.

Рассмотренные материалы позволяют сделать следующие выводы:

1. В VI в. родовой строй у пруссов переживает стадию распада, возникают новые социальные институты — дружина и индивидуальная семья.
2. На рубеже VII—VIII вв. создается устойчивый обряд погребения прусских дружинников. В их могильниках выделяются могилы военачальников, сопровождаемые захоронениями рядовых воинов, что соответствует идее личной верности вождю. На примере дружины германцев, описанной Тацитом³⁶, этот признак можно считать одним из важнейших показателей нового социального образования.
3. В середине X в. появляются как новые формы обрядности, связанные с развитием дружинных отношений и с включением в состав местной дружины воинов, пришедших с юго-востока и севера Европы, так и захоронения вождей с обильным инвентарем. В иной мир вождей сопровождали воины, женщины и слуги-коневоды. Последним принадлежат безынвентарные трупосожжения, располагавшиеся в могилах рядом с конскими костями. Умершего вождя снабжали парадным снаряжением, отражающим его высокое социальное положение. Если захоронение знатного воина-дружинника с женщиной обычно для Восточной Европы IX—X вв., то по-

Рис. 3. Могильник Ирзекапинис. Инвентарь погребения 64а

1—3 — временные урны; 4, 15 — копья; 5, 12, 13, 16 — дротики; 6 — фрагмент рукояти меча; 7 — фрагмент блюда; 8 — фибула; 9 — фрагмент ремня конского оголовья (?) с накладками; 10 — ладейная заклепка; 11 — ключ; 14 — ботало; 17 — остатки ритона; 18 — накладка конского оголовья; 19 — стрема; 20 — фрагмент шпоры; 1—3 — глина; 4—6, 9, 10, 12, 13, 15, 16, 19, 20 — железо; 7 — бронза; 8 — бронза с плакировкой серебром; 11 — железо с бронзовой таушировкой; 14 — листовое железо и бронза; 17 — бронза и рог; 18 — серебро

мещение в могилу вместе с вождем воинов известно, кроме Самбии, только в Черниговской земле (Черная Могила)³⁷. 4. В начале XII в. прекращаются погребения вождей и заканчивается существование самой дружины в земле пруссов. Аналогичные погребальные древности (двухъярусные трупосожжения воинов над захоронениями коней) появляются в это время в землях к северу от Каунаса³⁸. В XII—начале XIII в. редкие для могильников пруссов труположения с оружием сопровождаются безынвентарными трупосожжениями слуг³⁹.

- 1 Пашуто В. Т. Образование Литовского государства. М., 1959. С. 103.
- 2 *Scriptores rerum prussicarum*. Leipzig, 1861. Bd 1. S. 53.
- 3 Пашуто В. Т. Образование Литовского государства. С. 123.
- 4 Там же. С. 501.
- 5 *Preußische Chronik von Simon Grunau*. Leipzig, 1896. Abschn. 1. S. 99.
- 6 Петрухин В. Я. Погребения знати эпохи викингов//Скандинавский сб. Таллинн, 1976. Вып. 21. С. 165.
- 7 Jaskanis J. Obrządek pogrzebowy zachodnich bałtów u schyłku starożytności (I—V w. n. e.). Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk, 1974. S. 207.
- 8 Ibid. S. 258.
- 9 Tischler O., Kemke H. Ostpreußische Altertümer aus der Zeit der großen Gräberfelder nach Chr. Geb. Königsberg, 1902. S. 42.
- 10 Werner J. Münzdatierte austrasische Grabfunde. Berlin; Leipzig, 1935. S. 87.
- 11 Tautavičius A. Taurapilio «kunigaikščio» kapas/Lietuvos archeologija. Vilnius, 1981. T. 2. P. 32.
- 12 Андреев И. Л. Рукописная страница истории марксизма: Проблемы общины и рода в рукописях К. Маркса 70—80-х годов. М., 1985. С. 215, 216.
- 13 Heym H. Das Gräberfeld Zohpen: Dissertation, 1938. (Bibliotheka Museum archeologicznego w Poznaniu, N 9177).
- 14 Gaerte W. Wittwenverbrennung im vorordentlichlichen Ostpreussen//Prussia. Königsberg, 1931. Bd 29. S. 126.
- 15 Dorr R. Das Gräberfeld auf dem Silberberg bei Lenzen//Festschrift der Elbinger Altertumgesellschaft. Elbing, 1898. S. 14.
- 16 Pietrzak M. Smentarzysko pruskie z V—VII w. n. e. w Nowince, woj. Elbląg//Sprawozdania archeologiczne. Wrocław, 1977. T. 29. S. 156.
- 17 Informator archeologiczny: Badania rok 1976. Warszawa, 1977. S. 218.
- 18 Informator archeologiczny: Badania rok 1975. Warszawa, 1976. S. 201.
- 19 Urbańczyk P. Geneza wczesnośrednio-wiecznych metalowych pochów broni białej ze stanowisk kultury pruskiej//Przegląd archeologiczny. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk, Łódź, 1978. T. 26. S. 110.
- 20 Кулаков В. И. Степные реминисценции у раннесредневековых сембов//Волжская Булгария и Русь. Казань, 1986. С. 143.
- 21 Arbman H. Birka. Stockholm, 1940. T. 1: Die Gräber. Taf. 22.
- 22 Mühlen B. Die Kultur der Wikinger in Ostpreußen//Bonner Hefte zur Vorgeschichte. Bonn, 1975. N 9. Taf. 55.
- 23 Petersen J. De norske vikingesverd//Videnskapsels kapets skripter: Hist.-filos. Kl. Kristaina, 1919. P. 28.
- 24 Монета определена сотрудником ГИМ А. С. Беляковым.
- 25 Кулаков В. И. Работы в Калининградской обл.//АО 1984 г. М., 1986. С. 14.
- 26 Кулаков В. И. Результаты раскопок грунтового могильника у пос. Клищовки в 1977 г.//Acta Baltico-Slavica. Białystok, 1980. T. 13. P. 1.
- 27 Arbman H. Birka. Taf. 205.
- 28 Кулаков В. И. Результаты раскопок... С. 235.
- 29 Gudavičius E. Žymenyis ir ženklai Lietuvoje XII—XX a. Vilnius, 1980. P. 104.
- 30 Volkaitė-Kulikauskienė R. Ginklai/Lietuvių materialinė kultūra IX—XIII amž. Vilnius, 1981. T. 2. P. 9; Apals J. Izrakumi Cēsu riekstu kalna//Materiali par arheologu un etnografu 1980/81. gada pētījumi rezultātiem. Rīga, 1982. P. 20.
- 31 La Baume W. Von spätheidnisches Reitergrab mit Helm und verzierten Lanzen aus Ekritten//Altpreußen. Breslau, 1940. H. 4. S. 84—87.
- 32 Antoniewicz J. Niektóry dowody kontaktów słowiansko-pruskich w okresie wczesnośredniowiecznym w świetle źródeł archeologicznych//Wiadomości archeologiczne. Warszawa, 1955. T. 22, z. 3/4. S. 252—260.
- 33 Михеев В. К. Подонье в составе Хазарского каганата. Харьков, 1985. С. 23, 48.
- 34 Казаков Е. П. О культуре коня в средневековых памятниках Евразии//Западная Сибирь в эпоху средневековья. Томск, 1984. С. 105.
- 35 Strömberg M. Eine silbertauschierte wikergerzeitliche Speerspitze in einer Schönschen Privatsammlung//Swiatowit. Warszawa, 1962. T. 24. S. 119.
- 36 Тацит Корнелий П. Сочинения. Л., 1969. Т. 1. С. 359.
- 37 Самоквасов Д. Я. Раскопки северянских курганов в Чернигове во время XIV АС. М., 1916. С. 30, 35.
- 38 Куликаускаене Р. К. Погребения с конями у древних литовцев//СА. М.; Л., 1953. Т. 17. С. 215.
- 39 Bezzenberger A. Gräberfeld bei Bludau//Prussia. Königsberg, 1914. H. 23. S. 240—248.

ПУБЛИКАЦИИ

С. Г. ПОПОВ

ГОРОДИЩЕ СТОРОЖИНЕЦ

Гдовский отряд Ленинградского отделения Института археологии исследовал городище, расположенное на берегу небольшого оз. Речицкое, в 1,5 км от д. Сторожинец, стоящей на берегу Чудского озера. Впервые его обследовал П. А. Раппопорт. Возникновение укрепления было датировано IX—X вв., но основная часть культурного слоя отнесена к XII—XIII вв.¹

Типичное мысовое городище занимает небольшое моренное всхолмление, вытянутое вдоль юго-восточной оконечности оз. Речицкое. Площадь его около 2100 кв. м, площадка имеет овально-треугольную форму. С северо-запада и юго-востока она ограничена крутыми склонами, по-видимому, эскарпированными, и возвышается над поймой на 13—14 м, а над надпойменной террасой — на 7—8 м. С северо-востока городище имеет ров и вал высотой 2—3 м. Глубина рва от наиболее высокой точки вала составляет 5,7 м. С юго-западной стороны площадка ограничена менее высоким (1—1,5 м), но более протяженным валом, имеющим серповидную форму длиной по дуге 50 м и шириной до 8 м.

В один комплекс с городищем входят еще два поселенческих и погребальный памятники (рис. 1, А). С северо-востока за рвом находится селище площадью около 1400 кв. м, где собрана лепная керамика I тысячелетия н. э. В 100 м к юго-западу от городища, вдоль дороги на д. Сторожинец, на краю террасы, спускающейся к пойме озера, располагается могильник культуры длинных курганов², один из самых значительных и северных в восточном Причудье. Он состоит из 35 насыпей, половина из которых разрушена. Второе селище площадью 1500 кв. м, расположенное в 0,5 км к западу от городища, занимает возвышенный участок поля в 150 м от озера. Здесь собраны фрагменты гончарной посуды, идентичной керамике с городища, и лепной керамики второй половины I тысячелетия н. э.

В 1983—1986 гг. на городище вскрыто 357 кв. м (рис. 1, Б). Мощность дернового и пахотного слоя 0,1—0,3 м. Непотревоженный культурный слой (0,2—0,6 м), относящийся в основном к древнерусскому времени, сохранился лишь по краям городищенской площадки. Верхнюю его часть составлял слабогумусированный песок серого цвета, в основании которого выявлены хаотические развалы камней первого строительного горизонта. На северо-западном краю площадки развалы ле-

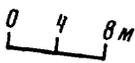
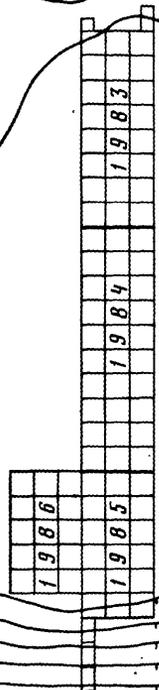
Рис. 1. Городище Сторожинец

А — археологические памятники близ д. Сторожинец: 1 — городище; 2 — могильник; 3 — селище I тысячелетия н. э.; 4 — селище второй половины I тысячелетия н. э. и XII—XIII вв.; Б — план городища с раскопом 1983—1986 гг.

оз. Речицкое

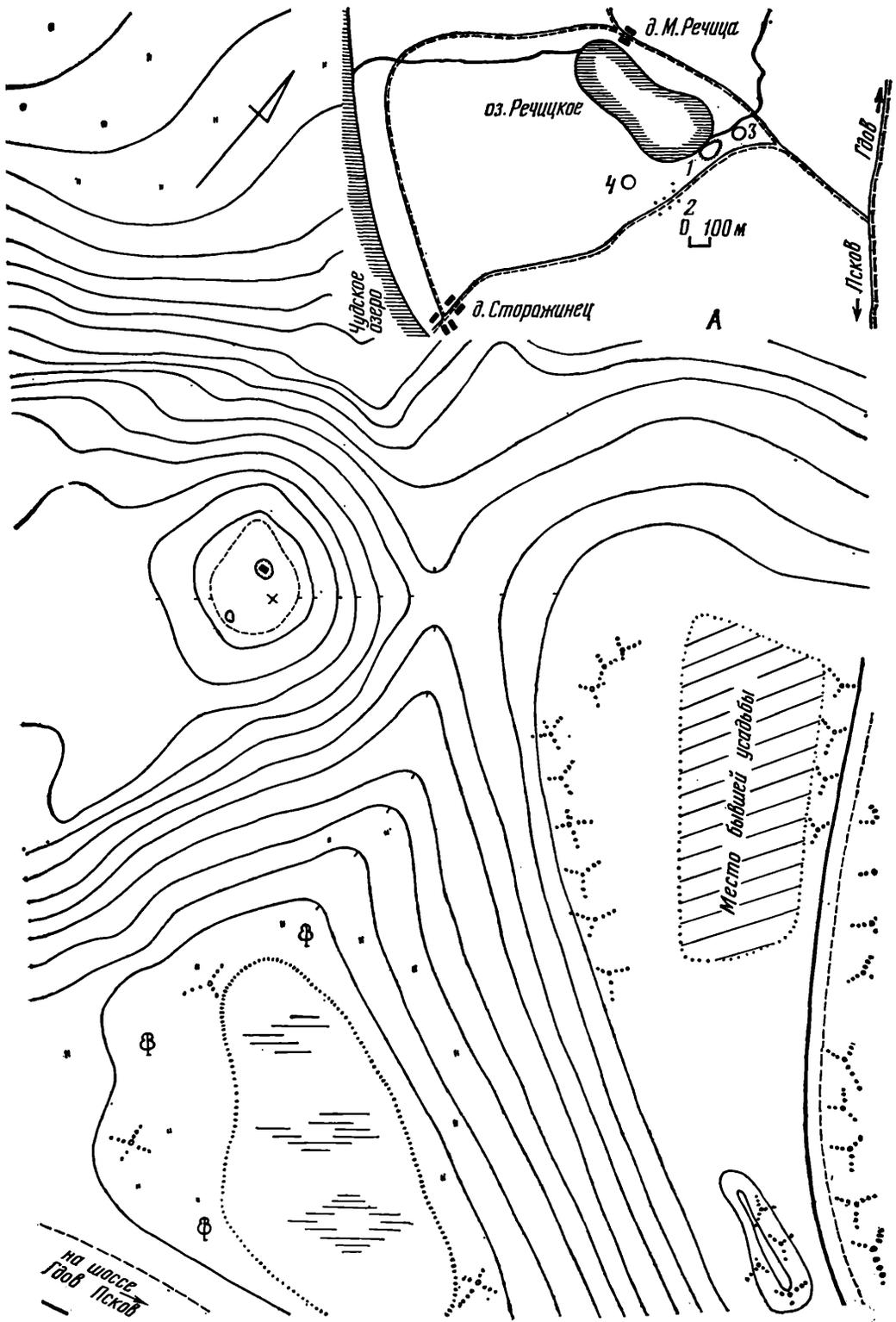

П
в
ш
н
я

← в д. Старожинец

б

жали на предматерике, а на противоположном краю перекрывали среднюю часть культурного слоя из темно-серого гумусированного песка. В основании последнего расчищены развалы второго строительного горизонта древнерусского времени. Ниже залегал слой серого слабогумусированного песка, относящийся ко второй половине I тысячелетия н. э. В основании его выявлены развалы камней нижнего строительного горизонта.

Древнейший этап жизни на городище характеризуется материалами, относящимися к раннему железному веку и представленными редкими фрагментами лепных сосудов с текстильным и ямочным орнаментом, а также несколькими фрагментами подлощенной посуды из надматерикового слоя под валом. Очевидно, с этим недолговременным этапом можно связать большинство столбовых ям в материке под валом и наиболее древний ярус деревянных сооружений на краю площадки, реконструируемых как плетень. Возможно, что в первой половине I тысячелетия н. э. наряду с городищем функционировало и селище к северо-востоку от него.

Второй этап, связанный с культурой длинных курганов, прежде всего характеризуется лепной посудой, составляющей от 8 (в перепаханном слое) до 100 (в нижней части слоя) % от всего керамического материала. Лепная керамика из слоя представлена в основном фрагментами слабопрофилированных сосудов с несколько отогнутым наружу краем венчика, шейкой, очень плавно переходящей в покатое плечико. Диаметр венчиков 12—32 см. Края венчиков иногда округлые, но чаще имеют срез под прямым углом или косой. Встречаются также прямые венчики. Толщина стенок сосудов 0,5—1,5 см. У наиболее толстостенных сосудов в состав теста входит большое количество дресвы, поверхность их шероховатая и бугристая. Тонкостенные сосуды обладают значительно более ровной поверхностью, стенки их заглажены, иногда подлощены, в состав теста входит мелкая дресва. Ряд сосудов относится к баночному типу (рис. 2, 8—12). Они имеют, как правило, слегка отогнутый наружу венчик (диаметр 13—30 см), плоское днище, образующее при переходе к почти прямым стенкам плавный выступ (рис. 2, 19). Это наиболее грубые сосуды. На городище встречены также многочисленные фрагменты сосудов «стройных пропорций» (рис. 2, 13—16, 18, 20), у которых в большинстве случаев диаметр венчика (22—32, иногда 12—16 см) меньше диаметра шейки и плечиков, а наибольшее расширение приходится на плечики. Это сравнительно гладкостенные сосуды. Немногочисленные фрагменты миниатюрных сосудов, имеющих прямой с округлым краем или отогнутый наружу венчик, диаметром 6—8, реже — 10—12 см (рис. 2, 17). Найдены фрагменты сковород диаметром 22—24 см с едва намеченным бортиком. Сковороды обладали округлым (рис. 2, 21) или плоским дном.

Описанная керамика находит широкие аналогии в древностях второй половины I тысячелетия н. э., связываемых с культурой длинных курганов псковско-новгородской группы. На Псковском городище лепная керамика «стройных пропорций» и баночные сосуды встречались большей частью в слое 4 и относились к культурно-хронологическому этапу Б (VI—VIII вв.)³. Грубые лепные «банковидные» и «горшковидные» сосуды городища Камно относятся к последней четверти I тысячелетия н. э.⁴ Слабопрофилированные горшки с прямым венчиком и сосуды баночной формы встречены и в слоях конца VIII—X в. в Изборске⁵. Слабопрофилированная баночная керамика найдена на поселении и в могильнике у оз. Съезжее⁶, в верхнем слое селища в урочище Кобылья Голова на р. Мста⁷.

Из находок этого времени отметим известняковое уплощенное пряслище (рис. 3, 5), 14-гранные бусины из синего стекла (рис. 3, 18).

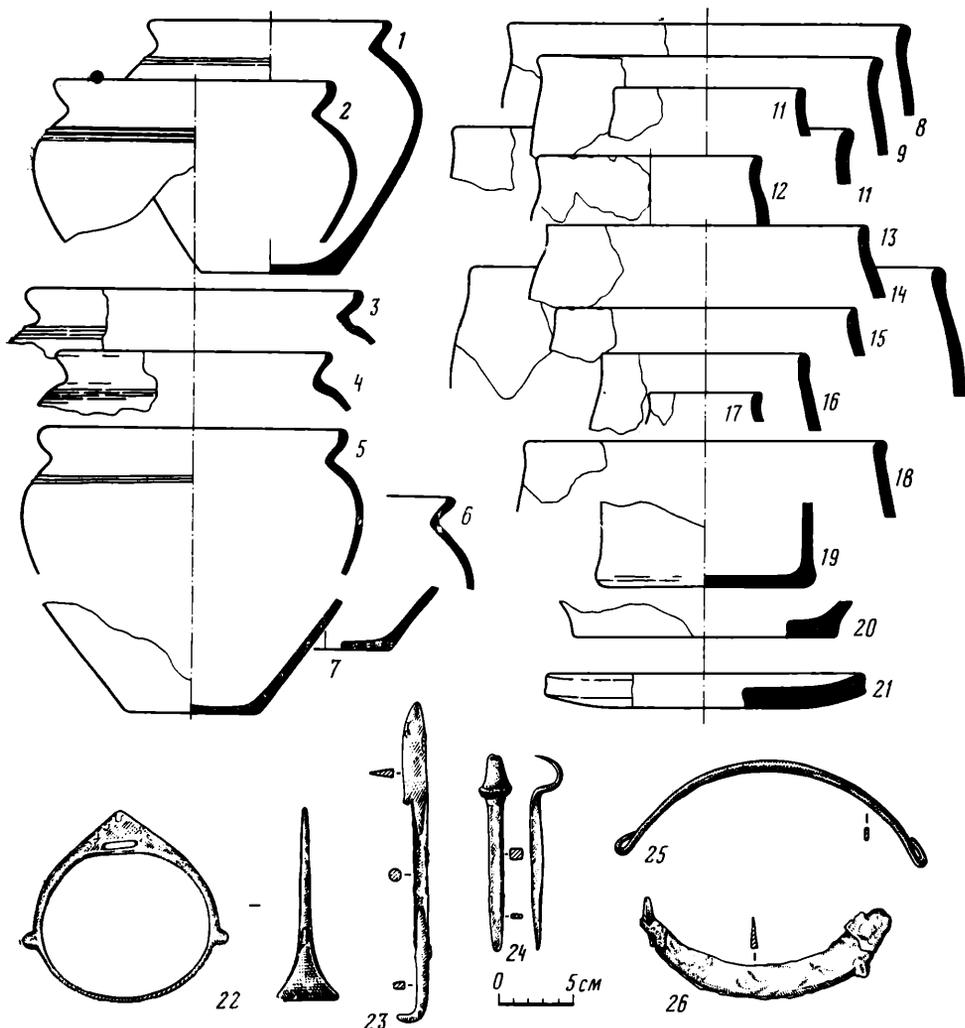
Во второй половине I тысячелетия н. э. были застроены в основном края площадки, о чем свидетельствуют сооружения и комплексы этого времени и нижний строительный горизонт. Наибольший интерес представляет вскрытое на юго-восточном краю площадки основание прямоугольной наземной постройки (3,9×2,8 м), углубленное на 0,1—0,15 м в песок и вытянутое по линии запад—восток (рис. 4). В северо-восточном углу жилища, в черном сильно гумусированном песке, выявлены остатки разобранной печи-каменки (0,8×1,4 м), состоявшей из небольших, частично растрескавшихся камней. Печь была обращена устьем на юг и имела овальный, несколько опущенный в песок под. С северной его стороны расчищена узкая продолговатая ямка с тремя округлыми углублениями (глубина 4—8 см) от столбиков диаметром 0,1 м, имевших какое-то конструктивное назначение в печи. С запада к печке-каменке примыкала прямоугольная в плане «приступочка» (0,8×1,2 м), почти совпадавшая по уровню с верхней границей основания. В двух ее углах и в 0,45 м от юго-восточного угла располагались три овальные ямки (около 18×28 см, глубина 11—23 см) от столбов, на которые опирался, очевидно, каркас лежанки, примыкавшей к печи.

В двух углах постройки выявлены округлые углубления с плоским дном (диаметр 0,4 м, глубина 0,1 м) от подкладок под углы сруба. Подкладки из камней, кусков бревен, деревянные стулья отмечаются в постройках на памятниках Северо-Запада со второй половины I тысячелетия н. э. по XII—XIII вв.⁸, на Псковском городище — в горизонтах VIII—IX вв.⁹ В западной половине жилища открыты три столбовые ямы (диаметр 28—40 см, глубина 8—20 см), расположенные по одной линии и как бы делящие постройку поперек на две неравные части. Возможно, в пазах двух стоявших в них столбов, рядом с лежанкой, крепилась легкая перегородка. Столбы могли также служить для поддержания стен и перекрытий. Основание жилища и его стенки прорезали еще четыре столбовые ямы.

Вход в постройку располагался в юго-западном углу, где к ее основанию примыкало небольшое углубление, образовавшееся, так же как и основание постройки (за исключением пространства под лежанкой), за счет втапывания в поверхность земли гумуса. Заполнение основания постройки прерывалось в том месте, где бревно нижнего венца пересекало входное пространство. Вход в жилище, по-видимому, был оформлен, о чем свидетельствуют две столбовые ямы (диаметр 40 см, глубина 19 и 44 см), расположенные симметрично относительно входного углубления. Более мелкую из них перекрывала яма с плоским дном (1,2×1,3 м, глубина 0,1 м), в котором выявлена еще одна столбовая ямка. В заполнении ямы собрано несколько фрагментов лепной керамики, но она относится, очевидно, к несколько более позднему времени, чем жилая постройка.

С западной стороны постройки в материке выявлено несколько столбовых ям (диаметр 20—48 см, глубина 13—53 см), принадлежавших, вероятно, какой-то пристройке.

В заполнении основания постройки и при расчистке развала печи найдены 172 фрагмента лепных сосудов; мелкие кости животных; орнаментированный бронзовый проволочный браслет с пластинчатыми заходящими концами (рис. 3, 17); 12 целых и оплавленных 14-гранных призматических бусин из синего стекла, с четкими гранями или со скругленными углами; часть бронзового язычка от пряжки; два фрагмента тонкой железной проволоки; кусок изогнутой бронзовой пластин-

Рис. 2. Городище Storozhinec. Керамика и железные предметы

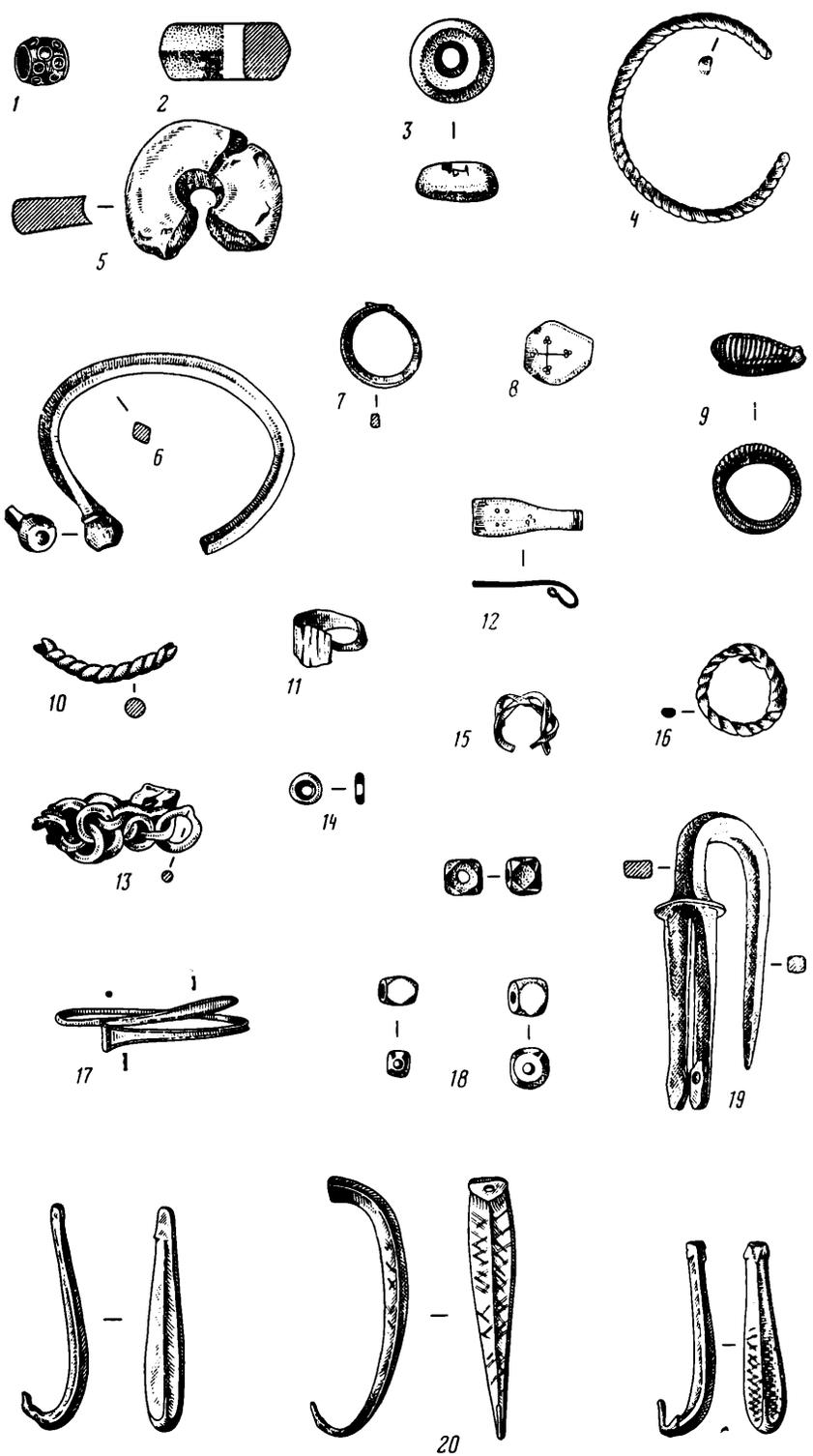
1—7 — гончарная керамика; 8—21 — лепная керамика; 22 — стрема; 23 — наконечник остроги (копья); 24 — резец-ложжарь; 25 — дужка ведра; 26 — часть косы-горбуши

ки — возможно, обломок пластинчатого перстня; обломок массивного глиняного груза с большим содержанием дресвы.

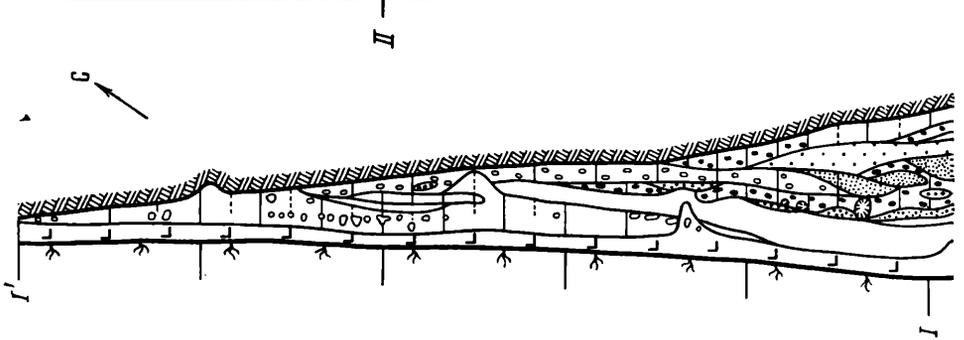
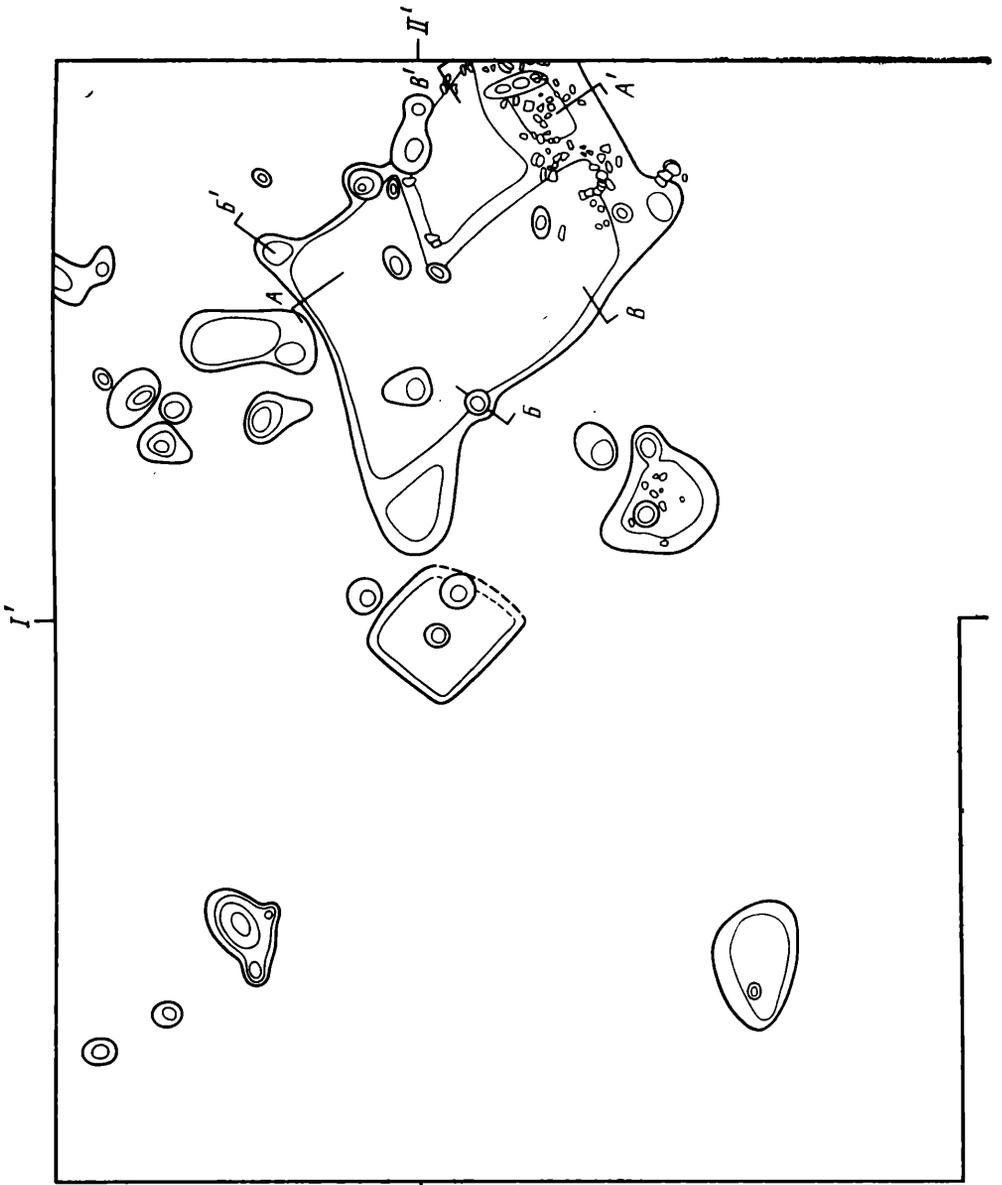
Фрагменты лепной керамики, встреченные в жилище, принадлежат слабопрофилированным сосудам «стройных пропорций» (реконструируемый диаметр 8—28 см) и наряду с фрагментами сковороды из развала печи относятся к группе 2 лепной керамики Псковского городища, датирующейся третьей четвертью I тысячелетия н. э.¹⁰ Ближайшие аналогии проволочному браслету с уплощенными концами обнаруживаются в материалах могильника Володи в бассейне р. Толба¹¹. Бусины в виде

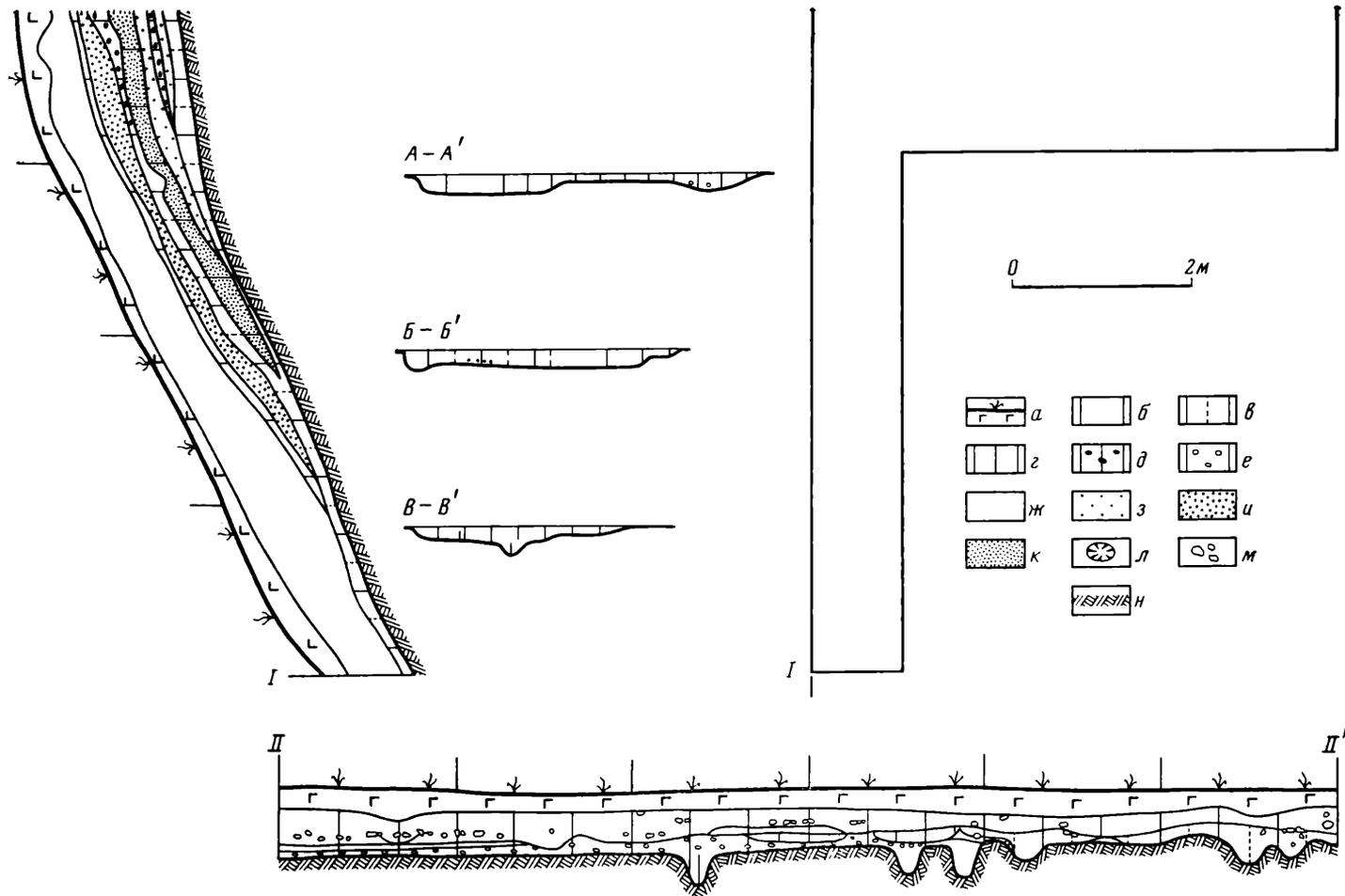
Рис. 3. Городище Storozhinec. Украшения и предметы быта

1, 14, 18 — бусы; 2, 3, 5 — пряслица; 4, 10, 17 — браслеты; 6 — фибула; 7—8, 11, 12, 15, 16 — перстни; 13 — фрагмент кольчуги; 19 — часть замка; 20 — блесны; 1, 4, 6—12, 15—17 — бронза; 2 — камень; 3 — шифер; 5 — известняк; 13, 19 — железо; 14, 18 — синее стекло; 20 — свинец, железо

0 5 CM

Рис. 4. Городище Сторожинец. Раскоп 1985—1986 гг. План и разрезы (на плане — комплексы второй половины I тысячелетия н. э.)
 a — дерн и пахотный слой; b — к — песок; $\bar{b}$ — серый слабогумусированный; δ — темно-серый и черно-серый гумусированный; $з$ — черный сильно гумусированный; δ — черный сильно гумусированный с угольками; e — аморфный слабогумусированный серый с камнями; $ж$ — оранжевый; $з$ — красный обожженный; $и$ — розовый; $к$ — желто-серый; $л$ — обугленное дерево; $м$ — камни; $н$ — материк

14- или шестигранной призмы со скругленными углами найдены на поселении Узмень в Верхнем Подвинье¹² и в погребении 7 могильника на берегу оз. Съезжее¹³, датированных третьей четвертью I тысячелетия н. э. Шестигранные бусины из синего стекла встречались при раскопках Псковского городища в слое с толстостенной грубой лепной керамикой, отнесенном С. А. Таракановой к середине I тысячелетия н. э., а также в жилищах этого времени и IX—X вв.¹⁴

Описанную жилую постройку можно датировать третьей четвертью I тысячелетия н. э. и связывать с культурой длинных курганов. Можно отметить черты сходства этой постройки и жилищ того же времени, открытых на поселении у оз. Съезжее¹⁵ и в урочище Кобылья Голова¹⁶. Их роднят срубная конструкция стен и наличие печей-каменок.

Поселения культуры длинных курганов были, как правило, открытыми селищами. В этом отношении совсем не типично городище Сторожинец, здесь ко времени длинных курганов относятся два верхних яруса деревянных конструкций вала, сгоревшие не позднее третьей четверти I тысячелетия н. э.: в насыпь, перекрывающую остатки верхнего яруса, оказалась впущенной юго-восточная часть основания описанной постройки. Оборонительные сооружения одного из ярусов можно, очевидно, реконструировать как стену столбовой конструкции, укрепленную с внутренней стороны пережженными камнями от разобранных печей или очагов. Относительно вышележащего яруса трудно пока сказать, представлял ли он собой срубы-городни или просто навалы бревен по краю площадки, скрепленные поперечинами. Никаких других данных, кроме стратиграфических, для датировки оборонительных сооружений, пока нет. Насыпи и прослойки, разделяющие ярусы сгоревших конструкций, практически лишены материала. Лишь на границе черного углистого слоя, в котором расчищены остатки второго яруса, найдена часть косы-горбуши с кованой пяткой, перпендикулярной плоскости косы и прямоугольной в сечении (рис. 2, 26), а рядом с ней — фрагмент гладкой тонкостенной лепной керамики хорошей выделки. Похожие по типу серпы бытовали на памятниках правобережья Днепра до V—VI вв., а в странах Западной и Средней Европы — с эпохи бронзы до VII в.¹⁷

После того как в третьей четверти I тысячелетия н. э. сгорел верхний ярус оборонительных сооружений, городище не прекратило своего существования, оно продолжало функционировать, но уже без столь мощных оборонительных сооружений. Возможно, в то же время возникло и селище к западу от городища. Полусферические насыпи в могильнике, по-видимому, также свидетельствуют о продолжении жизни на городище в последней четверти I тысячелетия н. э. После нескольких веков запустения поселение возобновилось в древнерусское время.

К древнерусскому этапу относится большая часть материалов с городища, а также верхняя насыпь вала, отделенная от более древних прослойкой погребенной почвы. Многочисленные фрагменты гончарной керамики принадлежали сосудам одного типа. Это приземистые, сильно профилированные горшки с венчиком, отогнутым наружу, и ярко выраженной шейкой (рис. 2, 1, 2, 5—7). Край венчика загнут внутрь (в отдельных случаях — прямой) и образует с внутренней стороны небольшую канавку. Диаметр сосудов по краю венчика 18—24 см, диаметр дна 9—10 см, высота 16 см и более. Обжиг чаще всего трехслойный, но тесто имеет сравнительно неплохое качество. Отощающей примесью в нем служил песок.

На подавляющем большинстве сосудов имеется линейный орнамент по плечу, изредка встречается однорядная «волна», еще реже — тычковый или ногтевой орнамент.

Керамика описанного типа датирована В. И. Кильдюшевским, осмотревшим коллекцию, XII—XIII вв. Подобная керамика из верхних напластований слоя Псковского городища отнесена С. В. Белецким к XIII—XIV вв.¹⁸ Очевидно, к XIII—XIV вв. принадлежит лишь поздняя разновидность — сосуды, у которых «горло оформлено в виде ребра, шейка выделена переломами стенок». Фрагменты таких сосудов собраны в слое раскопа II 1977—1978 гг. на Псковском городище¹⁹. Встречались они и на городище Сторожинец (рис. 2, 3, 4), но число их в общей массе гончарной керамики незначительно. На городище Камно подобная керамика была в слое XII—XIII вв.²⁰

Помимо керамики, на городище найдены украшения, пряслица, обломки тиглей и оселков из сланца, шлаки. Целый нож и обломки ножей широколезвийного типа, часть цилиндрического замка типа Б (рис. 3, 19), каменное (рис. 3, 2) и шиферные пряслица (одно из них — с граффити; рис. 3, 3), кольцевидная бусина из синего стекла (рис. 3, 14) могут быть датированы XII—XIII вв. К датирующим находкам относятся бронзовые украшения. По новгородской хронологии фибула с маковидными головками (рис. 3, 6) датируется серединой XI — серединой XII в., дровяной замкнутый перстень (рис. 3, 7) — началом XI — 70-ми годами XII в., «усатый» перстень (рис. 3, 8) — концом X — началом XIII в., обломок, вероятно, тройного витого перстня с петлями на концах — 30-ми годами XII — концом XIII в., целый и обломок трехпроволочного витого перстня (рис. 3, 15, 16) — 70-ми годами XII — 30-ми годами XIII в., двупроволочный витой браслет (рис. 3, 10) — началом XII — 40-ми годами XIII в.²¹ Трехпроволочные витые браслеты (рис. 3, 4) датируются в Новгороде 70-ми годами XII — 60—70-ми годами XIII в.; один из широкосрединных перстней (рис. 3, 11) — концом XI — концом XII в., другой (рис. 3, 12) — концом XI — началом XIII в.; позолоченная бронзовая бусина с напаянными проволочными глазками (рис. 3, 1) — рубежом XII и XIII вв.²² Бусы, подобные упомянутой, принадлежат к «массовой категории деревянных украшений, широко распространенных во второй половине XII — первой половине XIII в.» на территории Водской земли²³. Серединой XII — серединой XIII в. может быть датировано железное стремя (тип IX по А. Н. Кирпичникову)²⁴ с округлой подножкой и килевидной дужкой (рис. 2, 22).

Таким образом, разделить хронологически верхнюю и среднюю части культурного слоя не удастся, и по всей совокупности данных культурные напластования древнерусского времени могут быть датированы временем от середины XII до середины XIII в. Этой датировке не противоречат находки ледоходных шипов, фрагмента кольчуги (рис. 3, 13), дужки ведра (рис. 2, 25), резца-ложкаря (рис. 2, 24), небольших пружинных ножниц, одношипного ланцетовидного наконечника остроги или копья (рис. 2, 23), полукольцевидной подпружной или поясной пряжки, орнаментированных свинцовых блесен с железными крючками (рис. 3, 20), бронзового рубчатого перстня (рис. 3, 9).

В древнерусское время площадка городища застраивается более равномерно, о чем свидетельствуют выявленные в ее средней части в материке хозяйственные и столбовые ямы, основание хозяйственной постройки, а на краях площадки — развалы печей-каменок и основание из камней срубной жилой постройки. Относящаяся к этому же периоду верхняя часть насыпи не содержит деревянных конструкций, но они могли просто не сохраниться.

Возникшее в середине XII в. в землях чуди, городище Сторожинец могло в период экспансии Ливонского ордена в Прибалтике и обостренных новгородско-псковско-ливонских отношений нести оборонительно-

наблюдательные функции. Подтверждает это и название близлежащей деревни. В писцовых книгах 1585—1587 гг. находим запись: «В Кунейской губе... на Сторожнице 2 тони, ходят 2 ж невода, да 2 озерка лешие, озерко Шаворода, озерко под городищем...»²⁵.

Термин «сторожа», «сторожница», «сторожня» (сторожка) адекватен понятиям «стороженье», «стража», «караул», «охрана»²⁶. Об укрепленных наблюдательных пунктах древнерусского времени на территории Новгородской земли свидетельствуют, вероятно, и другие подобные названия. Так, в переписной книге Водской пятины 1500 г. упоминаются деревни на Сторожевой горе на р. Охта²⁷.

- ¹ Раппопорт П. А. Очерки по истории военного зодчества Северо-Восточной и Северо-Западной Руси X—XV вв.// МИА. М.; Л., 1961. № 105. С. 35; Раппопорт П. А., Станкевич Я. В., Голунова И. К. Археологическое обследование восточного побережья Чудского озера// Лодовое побоище. М.; Л., 1966. С. 35, 36.
- ² Хвоцинская Н. В. Отчет о работе Гдовского отряда в 1978 г.//Архив ЛОИА. № 2567.
- ³ Белецкий С. В. Культурная стратиграфия Пскова: Археологические данные к проблеме происхождения города// КСИА. М., 1980. Вып. 160. С. 3, 6, 11. Рис. 3, 14—22.
- ⁴ Белецкий С. В. Керамика городища Камно Псковской обл.//КСИА. М., 1977. Вып. 150. С. 93. Рис. 1, 1; 2, 1.
- ⁵ Седов В. В. Лепная керамика Изборска//КСИА. М., 1978. Вып. 155. С. 64, 66. Рис. 1, В; 2, А.
- ⁶ Носов Е. Н. Поселение и могильник культуры длинных курганов на оз. Съезжее//КСИА. М., 1981. Вып. 166. С. 83. Рис. 3; Он же. К вопросу о сложении погребального обряда длинных курганов//КСИА. М., 1984. Вып. 179. С. 13—15. Рис. 3.
- ⁷ Орлов С. Н. Археологические исследования в низовьях р. Мсты//СА. 1968. № 3. Рис. 5, 1—3, 5.
- ⁸ Раппопорт П. А. Древнерусское жилище//САИ. Л., 1975. Вып. Е1-32. С. 109—111, 121, 124.
- ⁹ Белецкий С. В. Раскопки Псковского городища в 1977—1978 гг.//Древнерусские города. М., 1981. С. 43, 46, 51; Тараканова С. А. Раскопки в Псковском кремле//КСИИМК. М., 1947. Вып. 21. С. 140.
- ¹⁰ Белецкий С. В. Культурная стратиграфия ... С. 3, 6, 11. Рис. 3.
- ¹¹ Чернягин Н. Н. Отчет о раскопках курганов в Середкинском, Полновском и Гдовском районах Псковского округа в 1940 г.//Архив ЛОИА. Ф. 35. Д. 35.
- ¹² Минасян Р. С. Поселение и могильник Узмень//Тр. ГЭ. Л., 1979. Т. 20. С. 174, 184. Рис. 2, 39—41.
- ¹³ Носов Е. Н. К вопросу о сложении погребального обряда... С. 14—16.
- ¹⁴ Тараканова С. А. Новые материалы по археологии Пскова//КСИИМК. М., 1950. Вып. 33. С. 53, 55.
- ¹⁵ Носов Е. Н. Поселение и могильник ... С. 66—68; Он же. Отчет о работе Новгородской областной экспедиции в 1979 г.//Архив ЛОИА. КП 2257/34.
- ¹⁶ Орлов С. Н. Археологические исследования ... С. 164, 165. Рис. 2.
- ¹⁷ Минасян Р. С. Классификация серпов Восточной Европы железного века и раннего средневековья//АСГЭ. Л., 1978. Вып. 19. С. 79. Рис. 4, 52—56.
- ¹⁸ Белецкий С. В. Раскопки в Псковском кремле в 1972—1974 гг.//КСИА. М., 1978. Вып. 155. С. 58. Рис. 3, 1, 11.
- ¹⁹ Белецкий С. В. Раскопки Псковского городища ... С. 40. Рис. 5, 1.
- ²⁰ Белецкий С. В. Керамика городища Камно ... С. 93. Рис. 4, 3.
- ²¹ Седова М. В. Ювелирные изделия древнего Новгорода, X—XV вв. М., 1981. С. 88. Рис. 30, 6; С. 122. Рис. 45, 1; С. 130. Рис. 46, 13; С. 125. Рис. 45, 10, 13; С. 97.
- ²² Там же. С. 96. Рис. 34, 7; С. 129; С. 155. Рис. 61, 1.
- ²³ Рябинин Е. А. Городища Водской земли//КСИА. М., 1984. Вып. 179. С. 51.
- ²⁴ Кирпичников А. Н. Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX—XIII вв.//САИ. Л., 1973. Вып. Е1-36. С. 52. Рис. 29, IX.
- ²⁵ Подлинная писцовая книга № 355//Сб. Московского архива Министерства юстиции. М., 1913. Т. 5. С. 88.
- ²⁶ Даль Вл. Толковый словарь живого великорусского языка. СПб.; М., 1882. Т. 4. Стб. 552—554.
- ²⁷ Переписная окладная книга 7008 г.//Временник Московского об-ва истории и древностей российских. М., 1851. Кн. 2. С. 200, 215.

СЕЛЬСКИЕ ПОСЕЛЕНИЯ
IX—XV ВВ.
В ОКРУГЕ ПЕРЕЯСЛАВЛЯ РЯЗАНСКОГО

Проблема изучения древнерусской деревни постоянно находится в центре внимания исследователей. В 20—30-е годы XX в. она рассматривалась преимущественно по данным письменных и этнографических источников¹. Незначительное количество материала в русских летописях и уставных княжеских грамотах о сельских поселениях до XV в. потребовало расширения круга источников, широкого привлечения данных археологии. Более или менее планомерное археологическое изучение сельских поселений началось в 30—50-е годы. Широкий размах оно получило в 70—80-е годы, особенно в связи с работами по составлению Свода памятников истории и культуры народов СССР. На основе накопленного материала в ряде археологических работ рассматривались различные аспекты жизни древнерусской деревни².

Настоящая статья посвящена сельским поселениям IX—XV вв. в окрестностях Переяславля Рязанского, т. е. на участке Оки и ее притоков, примыкающем к этому древнерусскому городу. Начало изучения здесь древнерусских селищ связано с именем В. А. Городцова, открывшего и описавшего ряд поселений в конце XIX — начале XX в.³ В 20—30-е годы эти работы продолжил Н. В. Говоров⁴. В конце 40-х — начале 50-х годов округа Переяславля обследовалась В. И. Зубковым и Н. П. Милоновым⁵. Они перечисляют довольно большое количество открытых и обследованных памятников, но дают описания только некоторых из них. В 50-е годы здесь работали экспедиции Исторического музея и Института археологии⁶.

В монографии А. Л. Монгайта «Рязанская земля» наряду с другими памятниками рассматривались и древнерусские поселения⁷. Однако основное внимание было уделено таким известным поселениям, как Борковское, Алекановское, Дубровичское, в то время как остальные были только отмечены на карте и не анализировались.

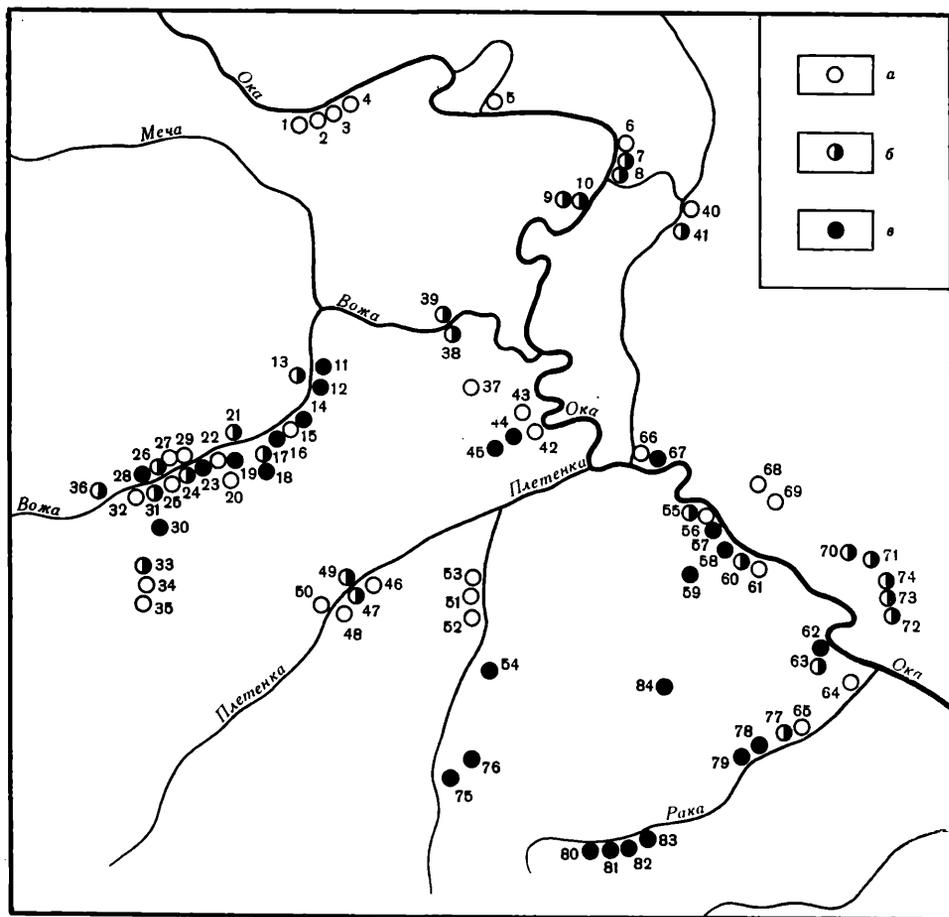
Ряд важных наблюдений по топографии и хронологии селищ округа Переяславля сделан в работах Т. Н. Никольской при характеристике вятских поселений⁸. В 70—80-е годы Б. А. Фоломеев, В. П. Челяпов, И. Л. Чернай в ходе работ по составлению Свода памятников обследовали уже известные поселения и открыли ряд новых, в основном по притокам Оки⁹.

В настоящее время в округе Переяславля известно 84 селища IX—XVII вв. (рис. 1).

К сожалению, раскопкам подвергались лишь единичные поселения, а на остальных материал был собран или получен при зачистках слоя и шурфовке.

По особенностям топографии выделяется несколько типов поселений.

Тип I. Приречные селища. Это численно преобладающие памятники, расположенные обычно неширокой (40—120 м, в очень редких случаях — до 170 м) полосой вдоль берега реки. Такое расположение, вероятно,

Рис. 1. Сельские поселения окрестностей Переяславля Рязанского в IX—XV вв.

a — IX—XIII вв.; *b* — XI—XV вв.; *v* — XIV—XV вв.; 1 — Борисоглебское III; 2 — Борисоглебское I (Вакинское); 3 — Борисоглебское IV; 4 — Борисоглебское V; 5 — Константиновское; 6 — Новоселковская осыка V; 7 — Новоселковская осыка I; 8 — Рыковская осыка IIIБ; 9 — Окаемовское I; 10 — Окаемовское II; 11 — Войнюковское I; 12 — Войнюковское II; 13 — Войнюковское левобережное I; 14 — Мантуровское III; 15 — Мантуровское I; 16 — Зеленинское; 17 — Мощеновское I; 18 — Мощеновское II; 19 — Алешинское I; 20 — Алешинское II; 21 — Лужковское; 22 — Дураковское I; 23 — Дураковское II; 24 — Дураковское V; 25 — Дураковское IV; 26 — Покровское II; 27 — Покровское I; 28 — Покровское III; 29 — Покровское; 30 — Пальновское I; 31 — Нижнеглебское I; 32 — Нижнеглебское; 33 — Свистовское I; 34 — Свистовское II; 35 — Свистовское III; 36 — Лопковское; 37 — Городищенское; 38 — Перекальское I; 39 — Бортниковское II; 40 — Солотчинское I; 41 — Солотчинское II; 42 — Борковское; 43 — Фефелов Бор VII; 44 — Конищевское I; 45 — Конищевское II; 46 — Подвязьевское I; 47 — Подвязьевское II; 48 — Подвязьевское III; 49 — Подвязьевское IV; 50 — Казначеевское; 51 — Секиотовское I; 52 — Секиотовское II; 53 — Павловское I; 54 — Дьяконовское I; 55 — Дядьковское IV; 56 — Дядьковское III; 57 — Дядьковское II; 58 — Новоселковское I; 59 — Карцевское; 60 — Львовское I; 61 — Львовское II; 62 — Кораблинское II; 63 — Кораблинское I; 64 — Вышгородское; 65 — Болошневское; 66 — Шумашское I; 67 — Шумашское IV; 68 — Дубровничское II; 69 — Алекановское II; 70 — Мурманское I; 71 — Мурманское III; 72 — Казарьское Западное I; 73 — Казарьское Западное II; 74 — Казарьское Западное III; 75 — Песцовское; 76 — Калетинское; 77 — Болошневское I; 78 — Кириловское; 79 — Сальковское; 80 — Новинское; 81 — Вышетравинское; 82 — Климантино II; 83 — Климантино I; 84 — Поленское

было характерно для большинства поселений древней Руси. Преобладание поселений приречного типа отмечено в Северо-Западной и Северо-Восточной Руси, в центральных районах Смоленской земли, в земле вятичей¹⁰.

Размещение селищ по берегам рек или недалеко от них объясняется большой ролью, которую играла река в жизни людей, занимавшихся земледелием, рыбной ловлей. Кроме того, реки служили основными путями сообщения. Приречные селища особенно распространены на небольших речках и ручьях. Обычно они не имеют естественных рубежей. Таково, в частности, Покровское II поселение, расположенное на невысоком правом берегу ручья Буровка (левый приток р. Вожа). Размеры его 120×60 м (рис. 2, 1). В культурном слое мощностью до 44 см найдены фрагменты керамики XIII—XV вв.

Селище у д. Казначеево вытянуто вдоль левого берега р. Плетенка на 150 м. Ширина его 40 м (рис. 2, 2). В обрыве берега виден культурный слой мощностью до 60 см, в котором собраны фрагменты керамики XII—XIII вв.

Поселения по Оке расположены обычно на высоком коренном берегу. Так, Дядьковское II селище XIV—XVII вв., протянувшееся по берегу на 250 м (ширина 150 м), находится на 44 м выше уровня воды.

Тип II. Селища, расположенные на мысах при впадении мелких ручьев и речек в более крупные, образованных оврагами, изгибом реки. К числу наиболее характерных принадлежит Войнуковское I селище XIV—XVII вв., вытянутое на 130 м вдоль ручья при его впадении в р. Вожа.

Мантуровское I селище XII—XIII вв. расположено на мысу правого берега р. Вожа. С севера оно ограничено глубоким задернованным оврагом, с запада — берегом ручья. На мысу, образованном крутым поворотом Вожи, расположено Дураковское V селище (75×50 м; рис. 2, 3). В обнажении прослеживается мощный (до 125 см) культурный слой, в котором найдены фрагменты керамики эпохи бронзы и славянской XII—XIII вв.

Секиотовское I селище XII—XIII вв. расположено на мысу, образованном левым берегом р. Павловка и оврагом (рис. 2, 4).

Вариант типа II составляют селища, расположенные на мысах коренного берега Оки, на значительном расстоянии от нее. Это Конищевские I и II, Окаёмовские I и II селища.

Тип III. Селища на дюнах, отстоящих от коренного берега на значительном (до 700 м) расстоянии. Большой частью они расположены на левом берегу Оки. Это селища Алехановское II, Борковское, Дубровичское II, Шумашские I и IV, Новоселковские осяки I и V, Рыковская осяка III, Фефелов Бор VII. Время существования этих поселений — IX—X или XI—XIII вв. Некоторые из них описаны А. Л. Монгайтом¹¹.

Топографически поселения окрестностей Переяславля Рязанского распределяются следующим образом: из 84 селищ 44 (52%) относятся к типу I; 25 (30%) — к типу II; 4 (5%) — к варианту того же типа; остальные к типу III.

Сельские поселения округа Переяславля на основе керамики подразделяются на три хронологические группы: А — IX—X вв.; Б — XI—XIII вв.; В — XIV—XVII вв. Дать более подробную классификацию не представляется возможным из-за незначительности керамических коллекций и слабой изученности керамики Рязанской земли. Исследовалась только керамика Старой Рязани (Р. Л. Розенфельдт) и Переяславля Рязанского (А. Л. Монгайт)¹².

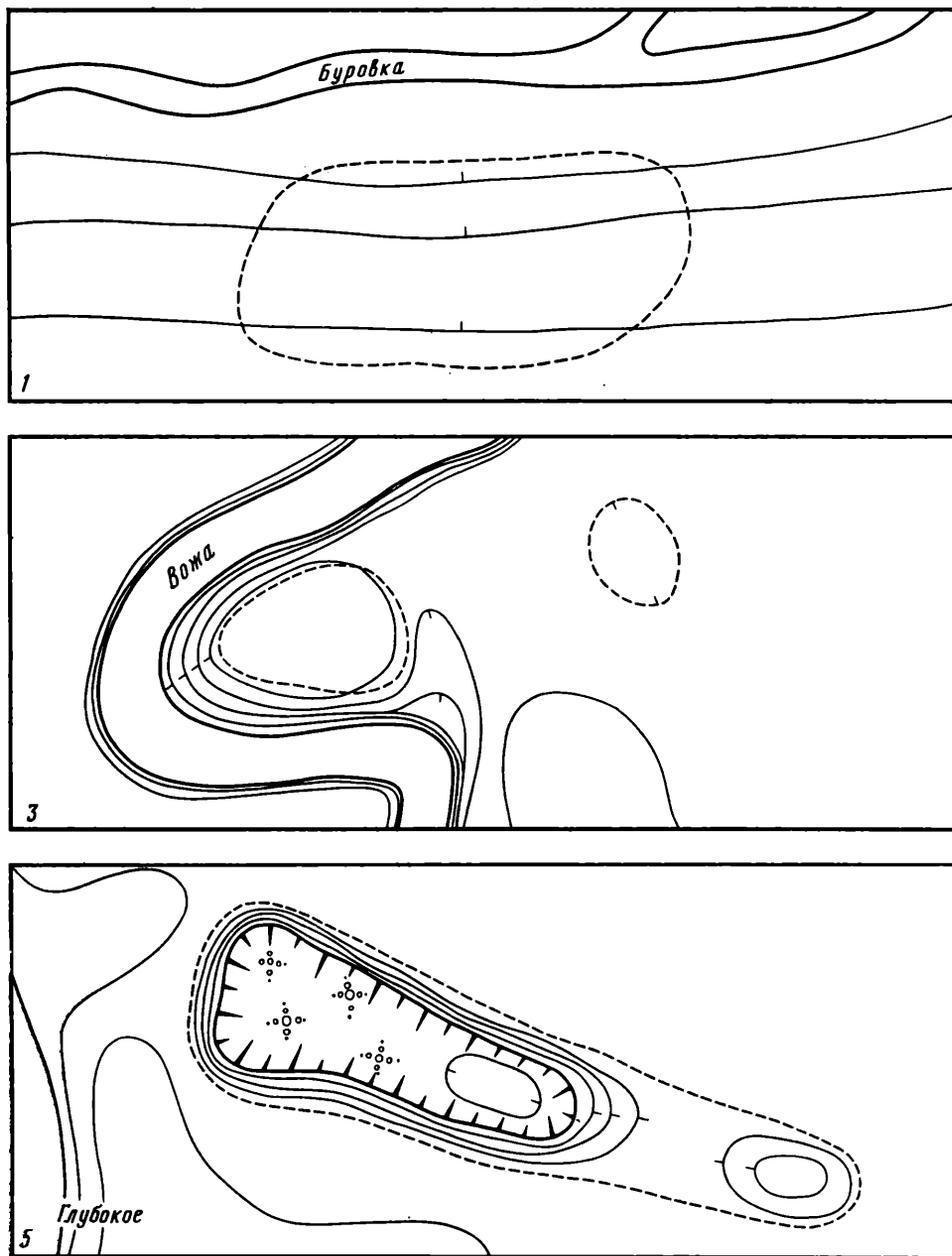
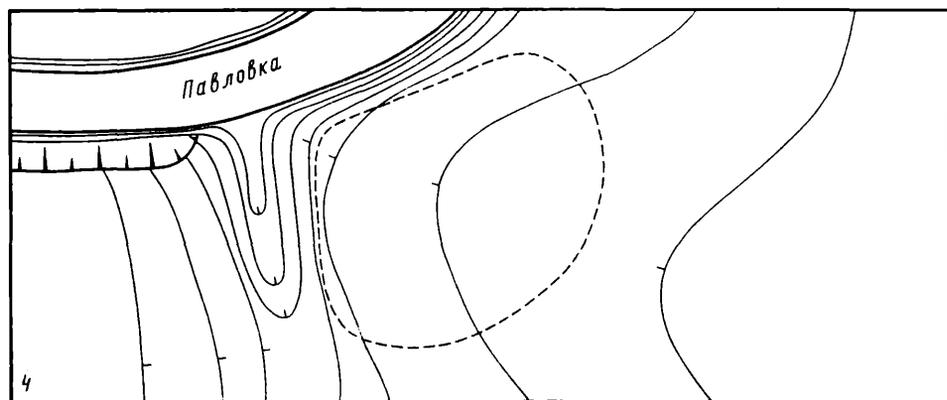
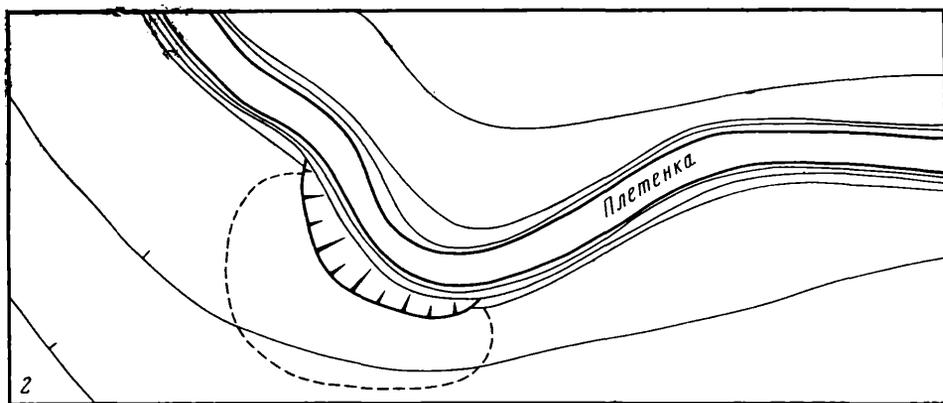

Рис. 2. Планы селищ

1 — Покровское II; 2 — Казначеевское; 3 — Дураковское V; 4 — Секиотовское I; 5 — Константиновское I; пунктиром обозначены границы поселений

Но классификация керамики этих городов носит довольно общий характер. В ней не показана эволюция форм посуды, отсутствует четкое деление на типы, есть неточности. Для датировки рязанской сельской керамики использовались аналогии из Новгорода, Старой Ладogi, Москвы¹³.

Селища IX—X вв. (группа А) единичны: это Алекановское II, Борковское, Дубровицкое II, Шумашское I, Окаёмовские I и II, Фефелов Бор VII. Для этих поселений характерны фрагменты лепной керамики с примесью дресвы от сосудов баночной формы и слабопрофилированных горшков с прямым или слегка отогнутым венчиком, а также раннегончарной. Аналогичная лепная керамика найдена в Новгороде и Старой Ладогe¹⁴.

В XI—XIII вв., особенно с XII в., количество поселений увеличивается (группа Б). Продолжается жизнь на перечисленных выше селищах, появляется ряд новых. Известно 48 памятников этого периода. На них найдена керамика так называемого курганного типа: резкопрофилированные горшки с пухлым, отогнутым наружу венчиком, вогнутой шейкой, округлыми плечиками.

Такая посуда широко распространена в XII—XIII вв., в том числе и в Старой Рязани¹⁵.

К XIV в. на значительной части поселений (22) жизнь прекратилась, но возникли и новые (25). Всего в XIV—XVII вв. существовало 51 селище (группа В). Керамика этих поселений изготовлена из хорошо отмученной глины. Сосуды четко профилированы, с закругленным сверху, отогнутым наружу венчиком. Аналогичная керамика известна в Москве в слоях XIV в.¹⁶

Найдены также остатки горшков с туловом конусообразной формы, прямым, иногда вытянутым вверх и наружу венчиком, переходящим в плечики через уступ. Такая посуда распространена в Переяславле Рязанском в XIV—XV вв.¹⁷

В IX—X вв. количество поселений в округе Переяславля незначительно, хотя этот район и изучен достаточно хорошо. Остановимся на проблеме колонизации славянами среднего течения Оки. А. Л. Монгайт выдвинул гипотезу, что в X в. сюда приходят «боршевцы»¹⁸. В этот период, по его мнению, средняя Ока была густо заселена угро-финскими племенами¹⁹. Славяне вытеснили и ассимилировали их. В подтверждение контактов местного населения и славян А. Л. Монгайт отмечает, что на 27 из 75 городецких городищ нет стерильных прослоек между слоями городецкими и позднечудскими и славянскими²⁰. Однако славянский слой почти на всех этих городищах датируется временем не ранее XI—XII вв., что отмечает и сам Монгайт²¹. Нет стерильной прослойки, по словам А. Л. Монгайта, и в Пронске. Однако здесь, как показали раскопки В. А. Малым и М. В. Фехнер, славяне появляются не раньше XII в.²² Таким образом, контакты славян и угро-финнов почти не прослеживаются. Проблема колонизации славянами среднего течения Оки остается открытой. Рязанско-окские могильники прекращают использоваться в VII—VIII вв., жизнь на большинстве городищ городецкой культуры замирает к V в., а единичные поселения славян появляются лишь в IX—X вв. Образуется разрыв в 100—200 лет, который заполнить пока нечем.

Вызывает также сомнение и массовое переселение «боршевцев» с Дона: семь селищ X в. слишком мало для колонизации. Можно предположить только проникновение небольших групп донского населения.

Массовая колонизация Рязанской земли происходит в конце XI—XII в., что подтверждается археологическими данными. В XIII в. значительная часть селищ прекратила свое существование в результате монголо-татарского нашествия. С XIV в. начинают возникать новые поселения.

В XI—XIV вв. преобладающими типами поселений становятся приречный и мысовый.

Недостаточность материала не позволяет глубоко изучить вопрос об изменениях размеров поселений. В таблице указаны размеры селищ различных хронологических групп. Можно подсчитать, что средняя площадь селищ группы А составляла 21,7 тыс. кв. м, группы Б — 12,4 тыс. кв. м, группы В — 17,6 тыс. кв. м.

Наиболее крупные поселения существовали в IX—X вв. В XI—XIII вв. происходит уменьшение их размеров. Этот процесс, вероятно, продол-

Таблица
Размеры селищ различных хронологических групп

Площадь селища (тыс. кв. м)	А	А+Б	Б	Б+В	В	А+Б+В	Всего
До 5	1	1	3	3	3	1	12
До 10	—	—	7	5	7	1	20
До 15	1	—	5	3	6	—	15
До 20	—	—	4	3	2	—	9
До 30	1	—	1	5	2	—	9
До 40	1	—	2	3	2	—	8
До 60	—	—	—	4	3	—	7
<i>Итого:</i>	4	1	22	26	25	2	80

жался и в XIV—XV вв. (такая картина наблюдалась в центральных районах Смоленской земли²³), но пока не удается четко разграничить поселения XIV—XV и XVI—XVII вв. В XVI—XVII вв. в связи с ростом населения увеличиваются и площади селищ.

Недостаточность материала не дает возможности проанализировать и характер застройки поселений. Так как большинство селищ расположено вдоль берегов рек и оврагов, мы можем предположить, что основным типом застройки был прибрежно-рядовой, включающий в себя приречно-рядовой и овражно-рядовой²⁴. Вряд ли поэтому можно согласиться с утверждением Н. П. Милонова и Н. И. Лебедевой о том, что для древних славян наиболее характерны круговые поселения²⁵. Такая застройка могла применяться на дюнах и мысах.

Подводя итоги обзора древнерусских селищ в округе Переяславля Рязанского, можно сделать следующие выводы:

1. С XI по XV в. существовало три основных типа поселений: приречный, мысовый и размещение на дюнах.

2. В IX—X вв. преобладали поселения на дюнах, в XI—XIII и XIV—XVII вв. — приречный и мысовый типы.

3. В IX—X вв. количество поселений незначительно, оно увеличивается в XI—XIII вв. и сохраняется примерно на том же уровне в XIV—XVII вв.

4. Наиболее крупные поселения существовали в IX—X вв., в XI—XIII вв. происходит уменьшение их площади.

5. Основным типом застройки селищ был прибрежно-рядовой.

¹ *Воронин Н. Н.* К истории сельского поселения феодальной Руси//ИГАИМК. Л., 1935. Вып. 138; *Веселовский С. В.* Село и деревня в Северо-Восточной Руси XIV—XVI вв. М.; Л., 1936.

² Очерки по истории русской деревни X—XIII вв.//Тр. ГИМ. М., 1956. Вып. 32; *Седов В. В.* Сельские поселения центральных районов Смоленской земли, XIII—XV вв.//МИА. М., 1960. № 92; *Никольская Т. Н.* Земля вятичей: К истории населения бассейна верхней и средней Оки в IX—XIII вв. М., 1981; Древняя Русь: Город, замок, село. Сер. Археология СССР. М., 1985.

³ *Городцов В. А.* Материалы для археологической карты долины и берегов р. Оки//Тр. XII АС. М., 1905. Т. 1; *Он же.* Результаты археологических исследований в Белевском и Рязанском уездах в 1897 г.//АИЗ. М., 1898. № 78. С. 230.

⁴ *Говоров Н. В.* Археологическое обследование г. Рязани//НАРМ. № 410; *Он же.* Обследование археологических памятников у сел Шумашь, Дубровичи, Алектаново//НАРМ. № 411; *Он же.* Предварительный отчет об археологических исследованиях в 1932 г.//НАРМ. № 665. Л. 37—56.

⁵ *Зубков В. И.* Отчет об археологических исследованиях летом 1949 г. на территории Рязанской обл.//НАРМ. № 1972;

Милонов Н. П. Отчет об археологических разведках по древнерусским селищам в Рязанском, Мервинском, Солотчинском районах Рязанской обл. летом 1949 г.//НАРМ. № 1482.

⁶ *Фехнер М. В.* Отчет об археологической разведке в бассейне р. Оки в пределах Рязанской обл.//Архив III Археологического отд. ГИМ. № 112; *Монгайт А. Л.* Отчет о раскопках в Рязанской обл. в 1955 г.//Архив ИА. Р-1. № 1205; *Он же.* Отчет об археологических раскопках в Рязанской обл. в 1956 г.//Архив ИА. Р-1. № 1354.

⁷ *Монгайт А. Л.* Рязанская земля. М., 1961. С. 148. Рис. 47.

⁸ *Никольская Т. Н.* Сельские поселения земли вятичей//КСИА. М., 1977. Вып. 150; *Она же.* Земля вятичей. М., 1981.

⁹ *Фоломеев Б. А.* Отчет о разведках в Рязанском и Рыбновском районах Рязанской обл. в 1975 г.//Архив ИА. Р-1. № 5872; *Он же.* Отчет Мещерского отряда Окской экспедиции за 1977 г.//Архив ИА. Р-1. № 6837; *Он же.* Отчет Окской археологической экспедиции об археологических исследованиях в Рязанской обл. за 1981 г.//Архив ИА. Р-1. № 8665; *Челяпов В. П.* Отчет об археологических разведках на территории Рязанской обл. в 1977 г.//Архив ИА. Р-1. № 6805; *Он же.* Отчет о разведках на территории Рязанской обл. в

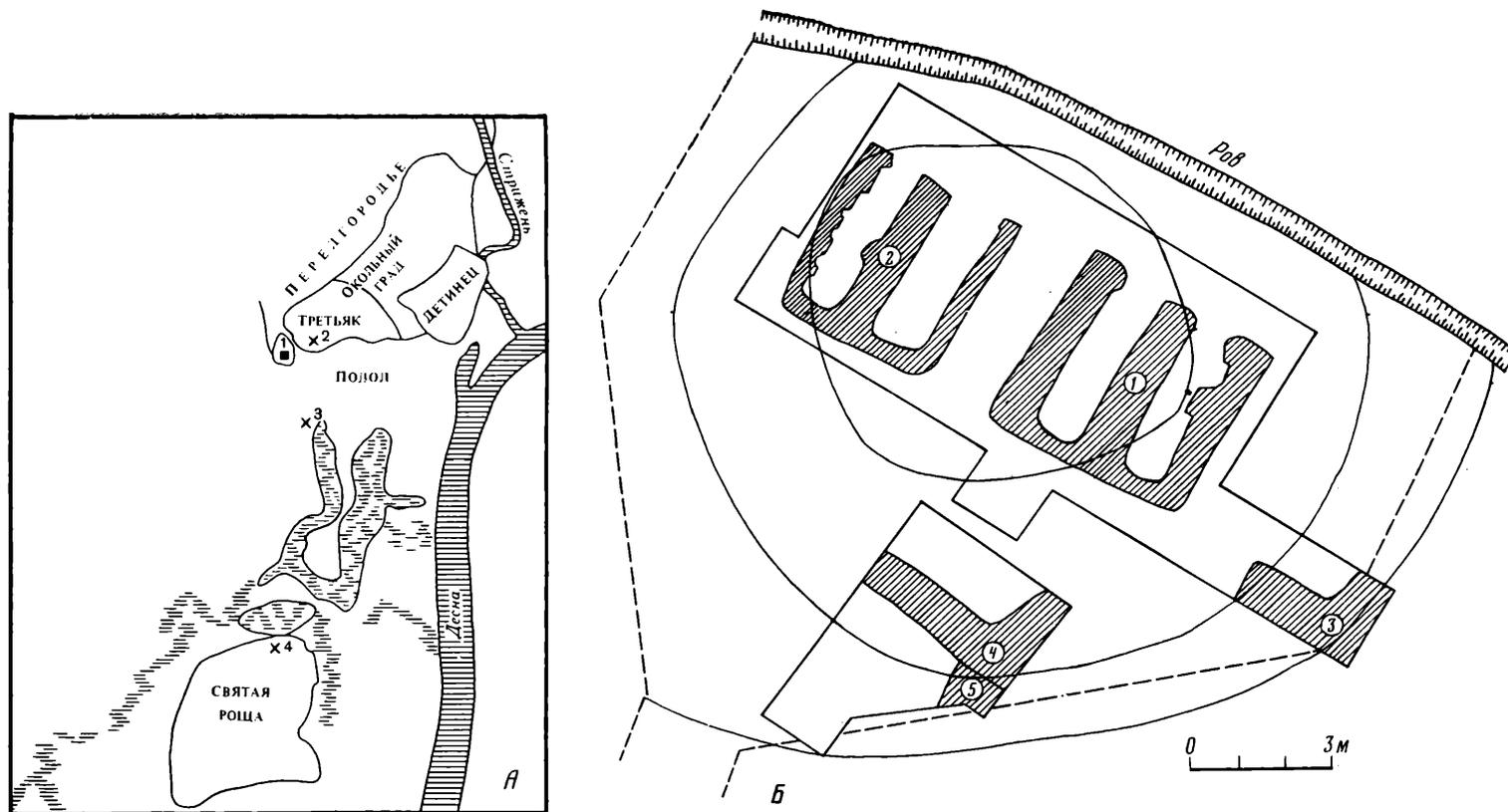
- 1978 г.//Архив ИА. Р-1. № 7234; *Он же*. Отчет о раскопках и разведках на территории Спасского и Рязанского районов в 1981 г.//НАРМ. № 3246; *Он же*. Отчет о разведках на территории Рязанского и Кораблинского районов Рязанской обл. в 1982 г.//НАРМ. № 3284; *Он же*. Отчет о разведках на территории Кораблинского, Рязанского, Старожиловского, Сасовского районов Рязанской обл. в 1983 г.//НАРМ. № 13055. Хочу выразить благодарность Б. А. Фоломееву, И. Л. Чернаку, В. П. Челяпову за разрешение использовать неопубликованные материалы раскопок.
- ¹⁰ *Успенская А. В., Фехнер М. В.* Поселения древней Руси//Очерки по истории русской деревни X—XIII вв. М., 1956. (Тр. ГИМ. Вып. 32). С. 12; *Седов В. В.* Сельские поселения ... С. 9; *Никольская Т. Н.* Земля вятичей ... С. 43.
- ¹¹ *Монгайт А. Л.* Рязанская земля. С. 154—162.
- ¹² *Монгайт А. Л.* Старая Рязань//МИА. М., 1955. № 49. С. 122—125; *Он же*. Рязанская земля. С. 271—281.
- ¹³ *Смирнова Г. П.* Лепная керамика древнего Новгорода//КСИА. М., 1976. Вып. 146. С. 3—11; *Она же*. Опыт классификации керамики древнего Новгорода//МИА. М., 1955. № 55. С. 224—248; *Станкевич Я. В.* Керамика нижнего горизонта Старой Ладогги//СА. М.; Л., 1950. Т. 14. С. 187—216; *Розенфельдт Р. Л.* Московское керамическое производство XII—XVII вв.//САИ. М., 1968. Вып. Е1-39.
- ¹⁴ *Смирнова Г. П.* Лепная керамика ... С. 4, тип I. С. 8, типы VI, VII; *Она же*. Опыт классификации... С. 228—230, тип I, виды А, Б. С. 284, тип IV, виды А, Б; *Станкевич Я. В.* Керамика нижнего горизонта... Рис. 1, тип II, варианты Г и Д.
- ¹⁵ *Монгайт А. Л.* Старая Рязань. С. 123—125, группы II и IV.
- ¹⁶ *Розенфельдт Р. Л.* Московское керамическое производство ... С. 79. Табл. 1. *Эж, з, к, л, р.*
- ¹⁷ *Монгайт А. Л.* Рязанская земля. С. 280. Рис. 119, 2—6.
- ¹⁸ Там же. С. 124.
- ¹⁹ Там же. С. 139.
- ²⁰ Там же. С. 86.
- ²¹ Там же. С. 64.
- ²² *Мальм В. А., Фехнер М. В.* Археологические исследования древнего Пронска и городища на горе Гневно//Археология Рязанской земли. М., 1974. С. 203.
- ²³ *Седов В. В.* Сельские поселения ... С. 23, 24.
- ²⁴ *Витов М. В.* О классификации поселений//СЭ. 1953. № 3. С. 27—37; *Успенская А. В., Фехнер М. В.* Поселения ... С. 15—17.
- ²⁵ *Лебедева Н. И., Милонов Н. П.* Типы поселений Рязанской обл.//СЭ. 1954. № 4. С. 107—132.

А. В. ШЕКУН

ПРОИЗВОДСТВЕННЫЙ КОМПЛЕКС КОНЦА XII В. В ЧЕРНИГОВЕ

Монументальное строительство, которое широко развернулось в Чернигове в XII в., вызывало необходимость организации производственных комплексов по изготовлению кирпича. Как отмечал Б. А. Рыбаков, в больших городах образовывались отдельные артели мастеров-плинфотворителей, которые занимались изготовлением кирпича для возведения строений¹.

Круглые в плане кирпичеобжигательные печи были раскопаны в Смоленске в 1963 г. Н. Н. Ворониным и в 1973 г. П. А. Раппопортом². Они оказались в относительно хорошей сохранности, что позволило получить наиболее полную информацию об этом типе печей. К сожалению, прямоугольные в плане печи были известны до сих пор лишь в нескольких образцах. К тому же, информация о них была получена в результате раскопок плохо сохранившихся памятников. Это печи, раскопанные в 1949 г. в Суздале А. Д. Варгановым и в 1974 г. в Киеве С. Р. Килиевич³.

Рис. 1. Кирпичеобжигательные печи

А — схема расположения печей в Чернигове;

Б — план раскопанных печей в урочище Пролетарский Гай;

1 — собор Елецкого монастыря; 2 — печь на ул. Белинского; 3 — печь на ул. Пивденной; 4 — комплекс печей в урочище Пролетарский Гай

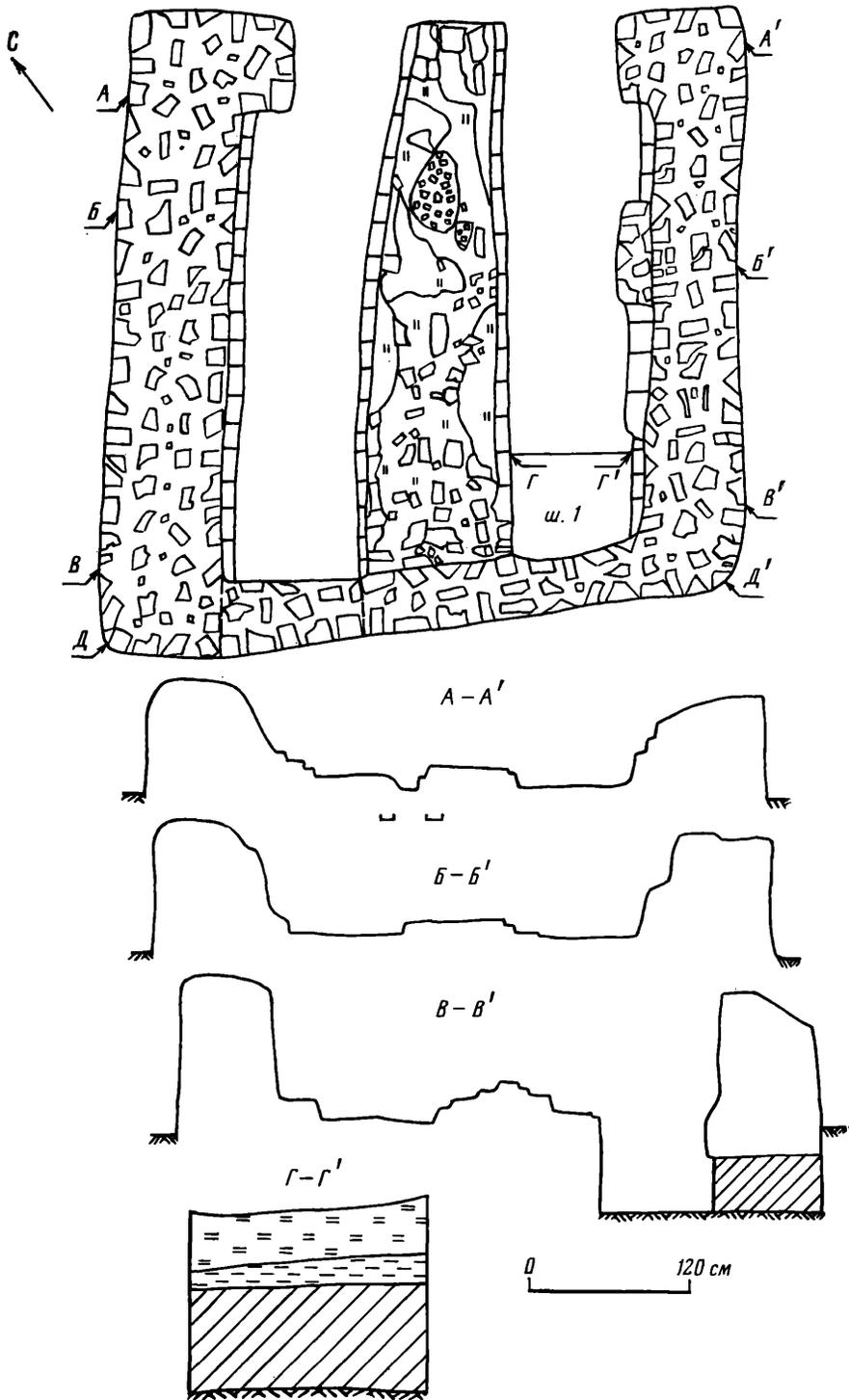
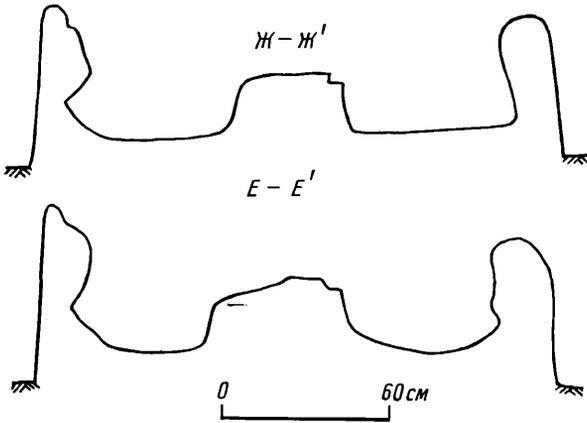
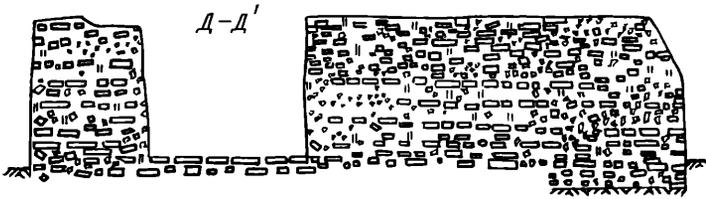
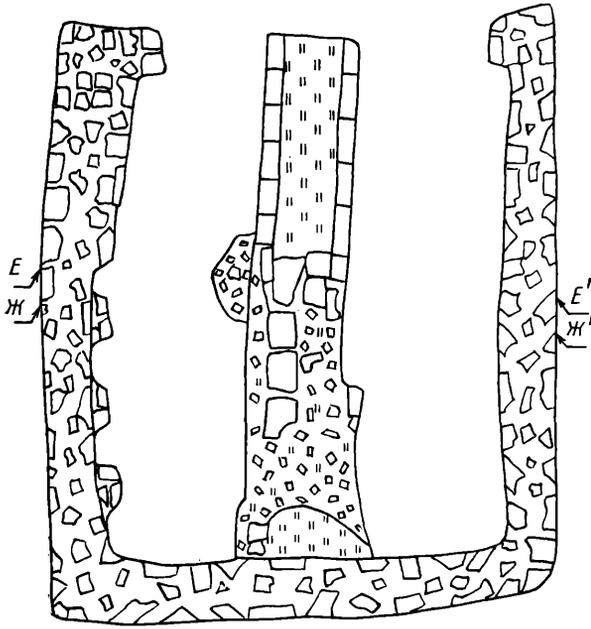

Рис. 2. Планы и разрезы печей

Слева — печь I и стратиграфия шурфа 1; справа — печь II и фасад задней стенки печи I; а — плинфа; б — глиняный раствор; в — печной под; г — обожженная глина; д — темно-серая супись

В Чернигове и на его окраинах выявлены остатки нескольких печей для обжига глины. Так, в 1951 г. на Подоле, на южной окраине ул. Пивденная (ныне ул. Примакова) В. А. Богусевичем раскопана круглая в плане печь⁴. Сохранилась ее нижняя часть на высоту шести рядов, сложенных из глины.

Другой комплекс найден В. Д. Белецким в том же 1951 г. на коренной террасе Десны, близ Елецкого монастыря, в усадьбе дома 18 по ул. Белинского.

В 1984 г. Г. А. Кузнецовым открыт, а автором исследован комплекс глинообжигательных печей, расположенных в пойме Десны, в урочище Пролетарский Гай (быв. Святая Роща)⁵. В отличие от ранее известных производственных комплексов, исследованный находился за чертой древнего города. Он расположен в 25 м от оз. Млыновище, представляющего собой старицу р. Стрижень (рис. 1, А). Значительная часть территории, на которой расположены печи, занята, и свободным для раскопок оставался лишь участок площадью около 200 кв. м — холмообразная возвышенность высотой 1—1,5 м, разрезанная в северной части рвом (рис. 1, Б). На этом участке исследованы остатки пяти прямоугольных в плане печей, сложенных в основном из обломков обожженной глины на глиняном растворе. Их верхний ярус, в который загружали сырьца, не сохранился. В двух печах уцелел нижний, топочный, ярус, а горизонтальное перекрытие между ярусами находилось в развале.

Печь 1 (рис. 2) имеет размеры по наружным обмерам 4,3—4,6 × 4,6—4,8 м. Она впущена в котлован, предварительно открытый в материке на глубину 0,7 м. Затем котлован был засыпан слоем темно-серой супеси мощностью 0,4 м, на котором возведены наружные стенки печи. Они имеют толщину 0,6—0,9 м и сохранились на высоту до 1,2 м. Кверху они слегка сужаются. В кладке тщательно уложены только нижние части внутренних поверхностей стенок, где отмечено несколько глиняных размеров 3,5—4 × 17—24 × 26—30 см. С внутренней стороны боковых стенок и по обе стороны вдоль стенки, делящей топку на две камеры, на высоте 0,4 м от основания печи (несколько выше уровня пода) проходит карнизообразный выступ. Этот выступ служил упором для нижнего ряда глиняных, оставшегося от арочного перекрытия топочных камер. Такие глиняные удалось зафиксировать на восточной стенке печи. Эти глиняные уложены наклонно, постельной стороной кверху. Топочная часть печи состояла из двух камер (3,2 × 0,9—1 и 3,4 × 0,9—1 м), разделенных стенкой, сохранившейся на высоту до 0,6 м. С северо-восточной стороны, обращенной в сторону реки, находилось топочное устье печи шириной 0,8 м. Топочные каналы по направлению от затора к задней стенке печи несколько сужались за счет расширения в этом же направлении разделяющей их внутренней стенки (от 0,75 до 1,1 м). Уровень пода прослеживается по слою обожженной докрасна глины толщиной до 0,3 м, положенной на темно-серую супесчаную подсыпку. Слой глины несколько поднимается к наружным стенкам. На поде печи, понижающемся в сторону топки, лежал небольшой слой золы. В местах продухов как глиняные, так и швы между ними превратились в ошлакованную массу серо-зеленого цвета.

Печь 2 (рис. 2) находилась в 1,5 м к северо-западу от первой и располагалась с ней на одной линии. От нее, как и от печи 1, сохранился лишь нижний, топочный, ярус. Печь имела ту же конструктивную схему, но несколько отличалась размерами и некоторыми деталями. Наружные размеры ее 3,6 × 4,1 м, топочных каналов — 1,1 × 3,45 и 0,95 × 3,45 м. Они, как и продольная стенка, разделяющая топки, прямоугольные в плане.

Продольная стенка имела высоту 0,55 м, ширину 0,7 м и со стороны за-топа на половину длины выполнена из обожженной глины, обложенной снаружи плинфами на ширину кирпича. Наружные стенки печи сохранились на высоту до 1,2 м, толщина их 0,4—0,6 м. В их кладке с наружной стороны встречается сырец. В кладке стенок целые плинфы не зафиксированы. Толщина кирпичей 3,5—4 см, ширина — 19—24 см. Корпус печи оказался прокаленным до ярко-красного цвета.

Печи не сохранили верхних частей, но несомненно, что они перекрывались сводом. В обеих печах зафиксированы остатки поперечных стенок-перемычек, поддерживавших междуярусное перекрытие.

Остальные три печи раскрыты частично. Они оказались почти полностью разрушенными и фиксировались лишь по отдельным участкам стенок и котлованам, заполненным обломками плинф. Выяснилось, что печь 4 частично перекрывает остатки печи 5. Печи 1 и 2, вероятно, были последними из возведенных на территории производственного комплекса. Они не были разобраны после того как прекратили существование. Их засыпали на уровень верхнего перекрытия топочного канала, что способствовало сохранности печей.

В районе печей и вблизи них найдены обломки ошлакованных плинф, фрагменты раннеславянской и круговой керамики XII в., керамический светильник, шиферное пряслице. На некоторых плинфах продукции и найденных в завалах есть метки в виде параллельных прямых или волнистых линий на одной из постелей.

На площади раскопок исследовано также шесть христианских погребений, часть из которых прорезала заполнение печей. Судя по стратиграфическим наблюдениям, погребения совершались до середины XIII в. По сведениям Д. Г. Гумилевского, наиболее возвышенная часть урочища, где были возведены печи, называлась Церковищем⁶.

Характер плинфы и отдельные находки из культурного слоя позволяют датировать открытый производственный комплекс концом XII в.—временем, когда в Чернигове вновь бурно развернулось культовое и гражданское монументальное строительство.

¹ Рыбаков Б. А. Ремесло древней Руси. М., 1948. С. 356—359.

² Юшко А. А. Кирпичеобжигательная печь конца XII в. в Смоленске//Культура древней Руси. М., 1966. С. 307—312; Раппопорт П. А. Из истории строительного производства в древней Руси//Зограф. Београд, 1982. Т. 13. С. 49—52.

³ Варганов А. Д. Обжигательные печи XI—XII вв. в Суздале//КСИИМК. М., 1956. Вып. 65. С. 49—54; Клиевич С. Р. Детинец Киева IX—первой половины XIII в. Киев, 1982. С. 74—76.

⁴ Богусевич В. О. Археологічні розкопки в Чернігові в 1949 та 1951 рр.//Археологічні пам'ятки УРСР. Київ, 1955. Т. 5. С. 10, 11.

⁵ Шекун О. В. Новий плінфовипалювальний комплекс кінця XII століття в Чернігові//Тез. доповідей першої Чернігівської обласної наукової конференції з історії краєзнавства. Чернігів, 1985. С. 104, 105.

⁶ Черниговские епархиальные известия: Неофициальная часть. Чернигов, 1863. С. 306.

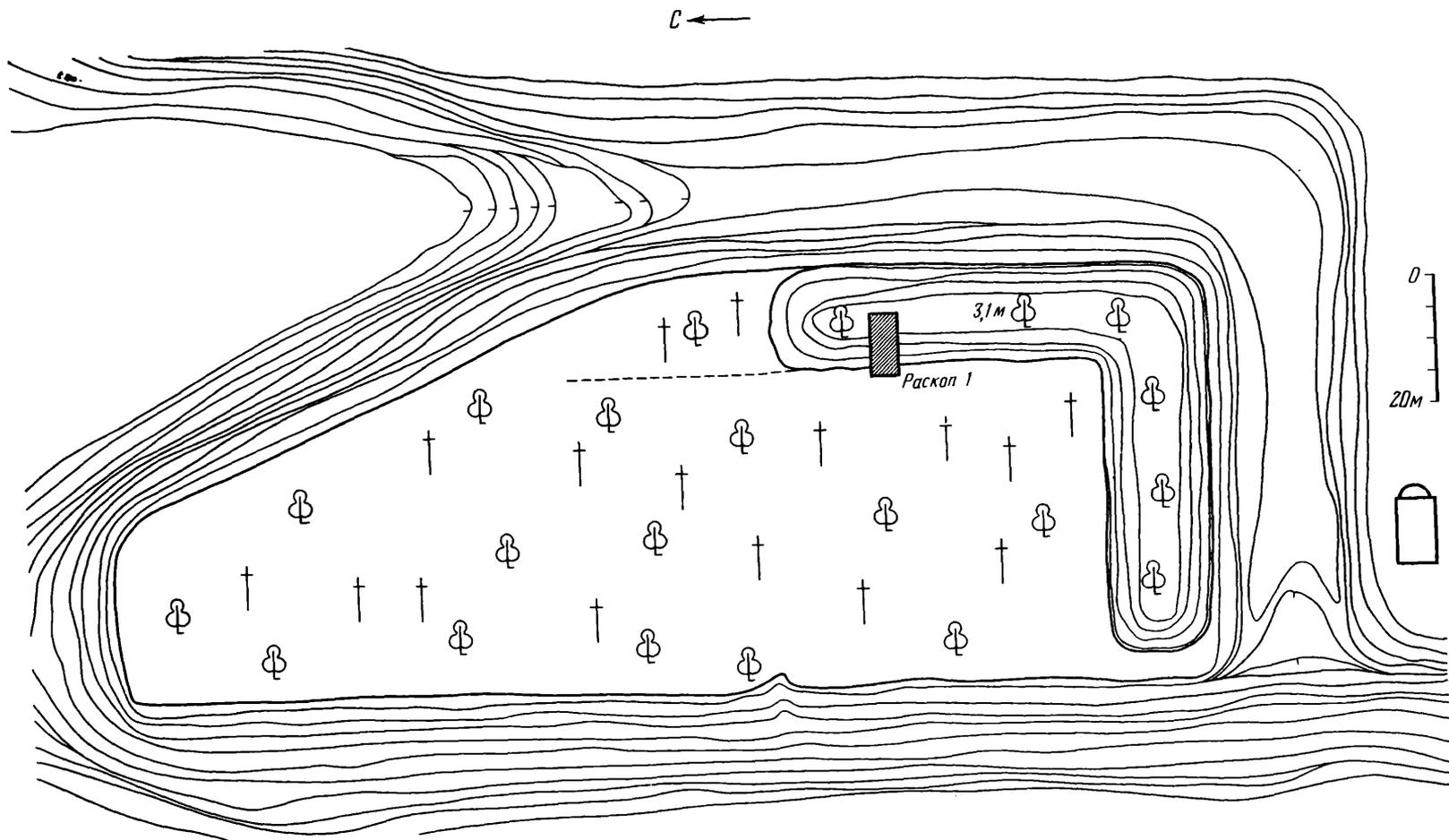

Рис. 1. Вотложемский городок. План

ВОТЛОЖЕМСКИЙ ГОРОДОК

Археологические исследования укрепленных поселений на территории Архангельского Севера позволили уточнить хронологические рамки их существования и выделить два этапа: XIV—XV и начало XVII в.¹ Если укрепленные поселения раннего этапа носили сельский характер (центры боярских феодальных вотчин) и большинство из них относятся к финальному этапу новгородской независимости, то городища начала XVII в. возникали как убежища для окрестного населения в тяжелые годы «смутного времени». Наряду с новыми укрепленными центрами в начале XVII в. местное население использовало более ранние, заброшенные городища².

Одним из памятников конца XV в., который использовали вторично в начале XVII в., был и Вотложемский городок³.

Вотложемское городище находится на высоком правом берегу Северной Двины (Малой Двины), в 40 км к югу от места впадения в нее р. Вычегда. В плане городище имеет неправильную форму, хотя, несомненно, можно отметить элементы регулярной планировки: южный и восточный фасы сходятся под прямым углом; абсолютно прямолинейен западный фас городища, выходящий к широкой пойме (рис. 1). Размеры сохранившейся площадки городища довольно значительны — 70 × 225 м. Мощный вал сохранился полностью на южном фасы и частично — на восточном. Ширина основания вала 15—20 м, высота — до 4 м, ширина площадки на гребне вала до 6 м. Вся площадка занята действующим кладбищем. С южной и восточной напольной сторон городище защищено широким (17—22 м) рвом глубиной 1,5—3 м. Городок в краеведческой литературе известен с конца XIX в., и «по местным преданиям, в этом городке жители укрывались от набегов чуди»⁴. М. М. Богословский считал, что городок построен «для осадного времени» и по описи 1620 г. уже «огнил и обвалаялся»; упомянут он в Вотложемской волости, в Городецком Архангельском погосте, и в переписи 1623 г.⁵

В 1961 г. проведено обследование городища; в юго-западной части площадки заложен шурф (2 кв. м) и собрано несколько мелких фрагментов керамики с широко отогнутым венчиком и орнаментом по плечикам в виде «волны» (предположительно XV в.). В шурфе выявлены дерн (2 см), глинистая прослойка (до 40 см), культурный слой в виде углистой прослойки (до 10 м). Фрагменты керамики найдены в углистой прослойке.

В 1985 г. появилась возможность изучить стратиграфию вала на его восточном отрезке (была зачищена яма, из которой брали землю для подсыпки могил). Вал содержал отчетливые следы двух этапов строительства.

Первоначальный вал имел высоту до 3,4 м и был насыпан из глинистой почвы (рис. 2, 2). На гребне стояли деревянные оборонительные сооружения — крепостная рубленая стена типа городен. Внутри вала деревянные конструкции не обнаружены. Однако со стороны городищенской площадки зафиксирована линия срубов, стоящих впритык друг к другу, т. е. конструкция типа привальных клетей (рис. 2, 3). Эти помещения, имевшие длину вдоль вала 2—2,3 м и ширину до 3 м, могли использоваться для хранения различных запасов. Высота клетей прослежена на 2 м. Они, вероятно, имели плоскую крышу-накат, засыпанную землей. Внутри помещений найдены долото (рис. 3, 1), железные

нож, наконечник стрелы и миниатюрный ключик (рис. 3, 5—7), костяной наконечник стрелы (рис. 3, 2), фрагмент глиняного пряслица (рис. 3, 4) и фрагмент обработанного рога (рис. 3, 3). Хронологические рамки типов вещей довольно широки. Например, ключ относится к типу коленчатых и принадлежит замкам с двумя цилиндрами и сферической дужкой. Он датируется серединой XIV—XVII в. ⁶ Более определенно датируют фрагменты керамики, характерной, судя по типам Северо-Западной Руси, для второй половины XV в. ⁷

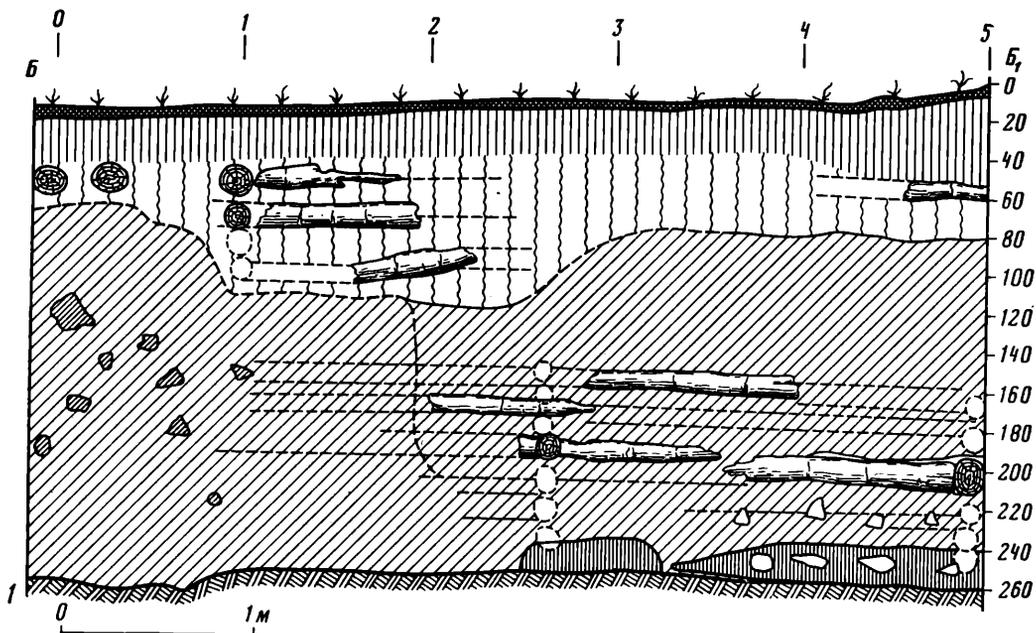
Второй этап в жизни оборонительных сооружений Вотложемского городка связан с подсыпкой первоначального вала. Он получил очертания «осыпи», характерной для позднего средневековья, — стал мощнее, выше, а площадка на гребне насыпи — шире. Был, вероятно, углублен и ров. На верхней площадке не обнаружено никаких следов оборонительных конструкций.

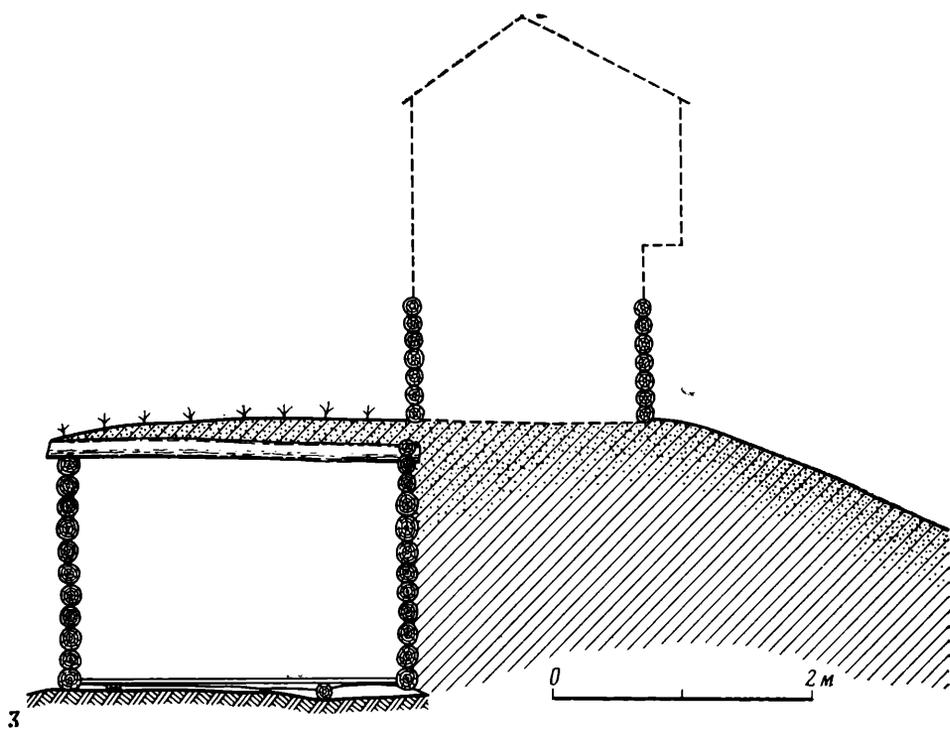
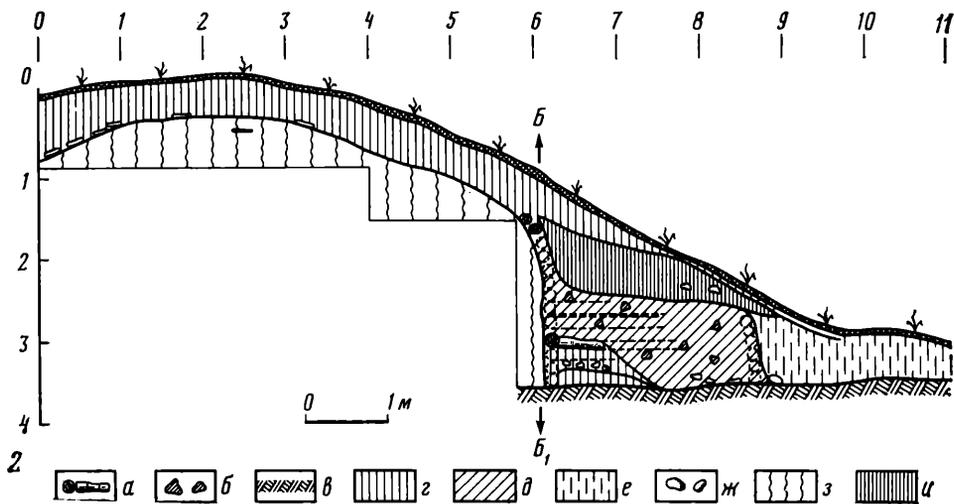
На заброшенном городке во второй половине XVII в. стояла деревянная церковь. В челобитной 1694 г. церковного старосты «Вотложемской волости осадного городка» указано, что «на том Вотложемском городке церковь Воскресения и Предтечи Иоанна... теплая, и та церковь давно ветха и згнила, ...пожалуй меня, благослови вместо той ветхия церкви новую взорнить и построить на то старое церковное место, а ту ветхую церковь развалить» ⁸.

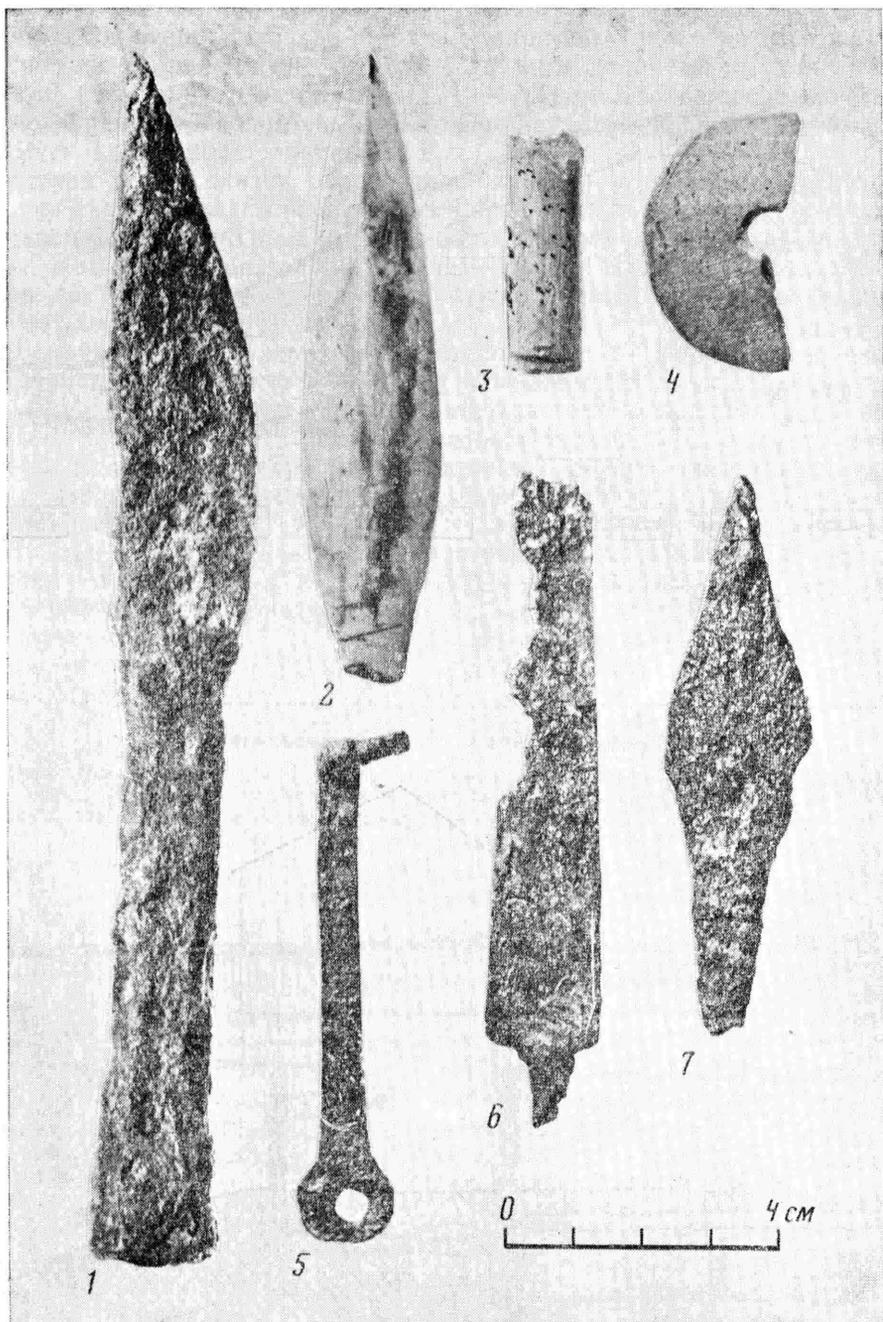
Пример двукратного использования укрепленного Вотложемского поселения — в конце XV в. и начале XVII в. — очень нагляден. Такие случаи, вероятно, не были редкостью.

Рис. 2. Вотложемский городок. Разрезы и реконструкция

1 — разрез стенки раскопа Б—Б₁; 2 — профиль стенки раскопа; 3 — реконструкция оборонительных сооружений; а — дерево; б — куски пещины; в — материк; г — серый гумус; д — желтый слой с пещиной; е — перемешанный слой; ж — булыжник; з — насыпная галька; и — интенсивный гумус

Рис. 3. Вогложемский городок. Находки
1, 5, 7 — железо; 2 — кость; 3 — рог; 4 — глина

- ¹ Подробнее об истории исследования этих памятников см.: *Овсянников О. В.* Укрепленные усадьбы XIV—XV вв. как памятники оборонного зодчества Русского Севера//КСИА. М., 1982. Вып. 172. С. 97—104.
- ² *Овсянников О. В.* Из истории средневековых укреплений на Архангельском Севере//Культура и искусство древней Руси. Л., 1967. С. 167.
- ³ Там же.
- ⁴ *Степановский И. К.* Вологодская старина. Вологда, 1890. С. 358.
- ⁵ *Богословский М.* Земское самоуправление на Русском Севере в XVII в. М., 1909. Т. 1. С. 116. Прилож. С. 49.
- ⁶ *Колчин Б. А.* Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого//МИА. М., 1959. № 65. С. 82, 83. Рис. 70; *Голубович В., Голубович Е.* Кривой город (Вильно)//КСИИМК. М., 1945. Вып. 11; *Воронин Н. Н.* Раскопки в Старце//КСИИМК. М., 1951. Вып. 37. Рис. 20, 6; *Никитин А. В.* Раскопки в Великом Устюге//КСИА. М., 1963. Вып. 96. Рис. 25, 17.
- ⁷ Определение керамики Вотложемского городища сделано В. И. Кильдюшевским, за что приносим ему искреннюю признательность.
- ⁸ Гос. публичная биб-ка им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Отд. рукописей. Собр. Зинченко. Д. 1352.

Н. А. МАКАРОВ, А. С. БЕЛЯКОВ

КЕМСКИЙ НЕКРОПОЛЬ В СЕВЕРНОМ БЕЛОЗЕРЬЕ

Белое озеро лежит за пределами зоны плотного распространения древнерусских курганов. В бассейне его известна лишь одна курганная группа, находящаяся на левом берегу р. Кема, в 20 км выше ее устья, вблизи затопленной ныне д. Болтинская. По ближайшему населенному пункту могильник получил название Никольское III, в литературе он известен под именем Кемских курганов¹. От летописного Белоозера памятник удален на 60 км к северо-западу (рис. 1). Курганная группа из 43 насыпей располагалась на невысоком мысу при впадении в Кему ручья Выдробы. В 1927 г. пять курганов было раскопано М. Е. Арсаковой². В 1981 г. к раскопкам памятника приступила Онежско-Сухонская экспедиция Института археологии. За четыре полевых сезона исследовано 32 кургана — все, пригодные для раскопок. Рядом с курганами обнаружены бескурганые захоронения. Исследовано 54 подкурганных погребения и 23 грунтовых (рис. 1).

По форме и размерам среди насыпей можно выделить две группы. Одна из них объединяет крупные курганы полусферической формы диаметром 6—14 м и высотой 0,35—1,65 м, у основания их зафиксированы ровики с перемычками или овальные в плане ямы, откуда брали грунт для насыпей. Многие курганы этой группы содержали помимо основных впускные захоронения. Курганы второй группы низкие, расплывчатые, диаметр их 4—8,5 м, высота 0,35—0,50 м. Впускное захоронение встречается лишь в одном из них.

Бескурганые погребения локализуются на южной и юго-западной периферии могильника. Могильные ямы зафиксированы непосредственно под дерном. В верхней части их заполнения прослеживается обычно линза серой гумусированной супеси, образовавшаяся в результате гниения органических остатков, попадавших в западину после того как насыпанная яма проседала. Подобная структура заполнения свидетельствует о том, что насыпи над этими погребениями отсутствовали изначально.

Все погребения совершены по обряду ингумации. Основные погребения в курганах были помещены в большие грунтовые ямы, длина кото-

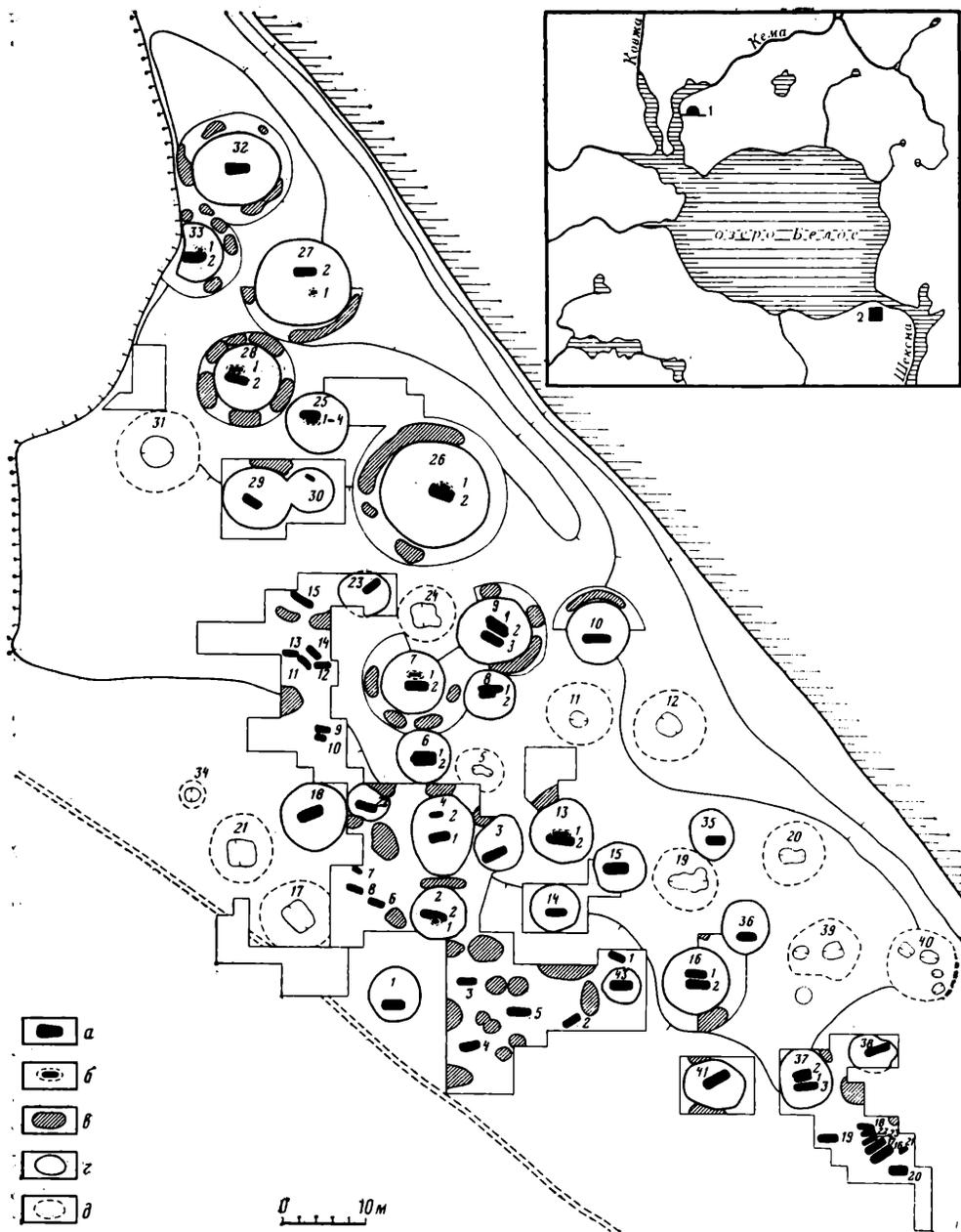

Рис. 1. Кемский некрополь

Схема расположения: 1 — Кемский некрополь, 2 — Белоозеро; план некрополя (а — неразрушенные погребения; б — разрушенные погребения; в — ровики и ямы для выемки грунта, из которого сооружались насыпи; г, д — курганы; г — исследованные в 1981—1985 гг., д — исследованные в 1927 г. или разрушенные грабительскими раскопками)

рых варьировала от 2 до 3,8 м, а глубина составляла в большинстве случаев 0,5—1 м. Ямы бескурганых погребений были несколько меньше. Более 80% погребений находилось в гробах, на что указывают находки железных гвоздей. Судя по расположению гвоздей, гробы были

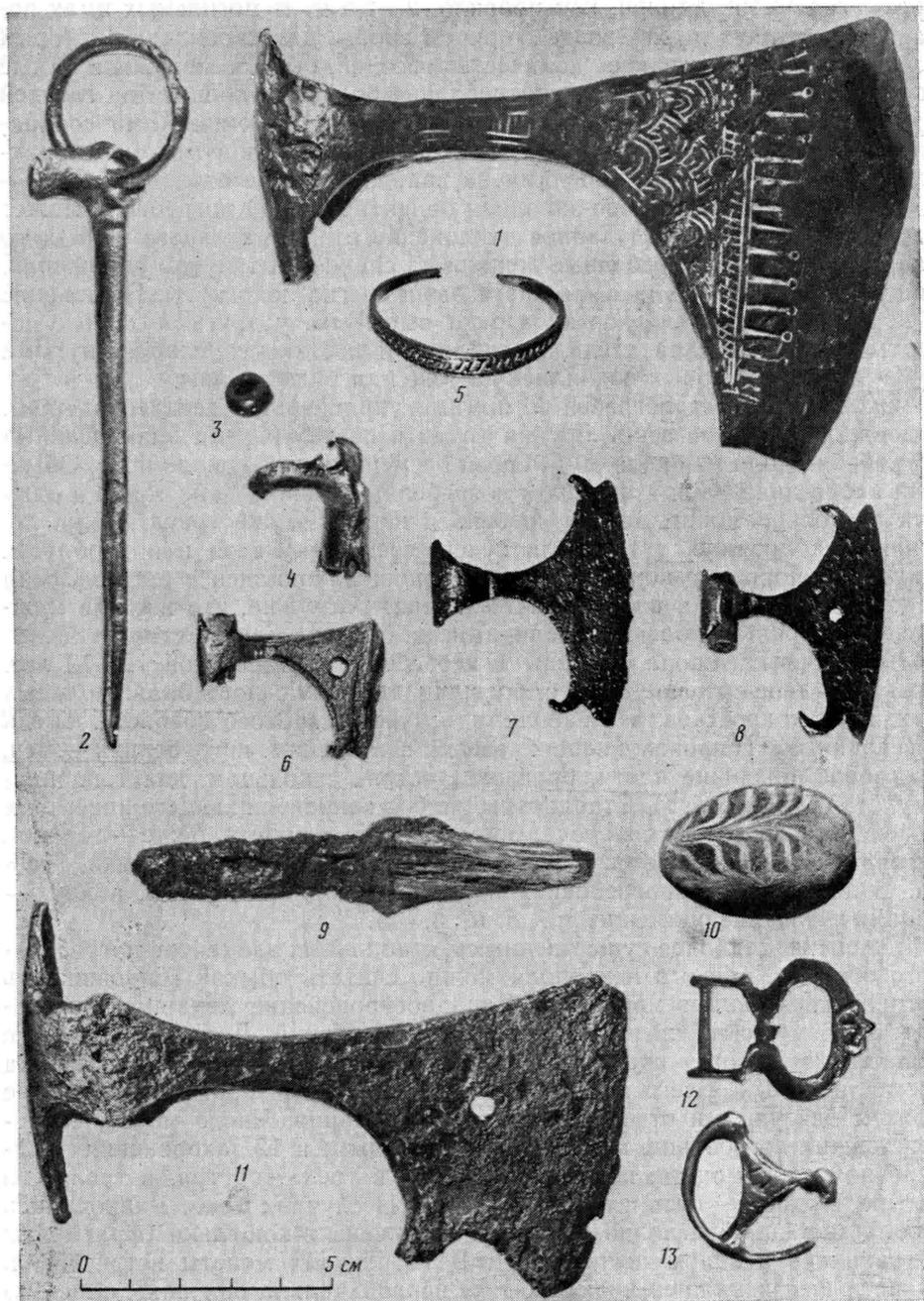
прямоугольными, длиной, как правило, 2—2,5 м. В могильных ямах попадались от двух до 20 гвоздей, причем гробы, для скрепления которых использовано значительное количество гвоздей, были помещены в самые большие ямы. По-видимому, употребление большого количества гвоздей при изготовлении гроба диктовалось не только практическими соображениями, но и нормами обряда, возможно, носило престижный характер. Костяки обращены черепами на запад, иногда с отклонением 20—25°. Юго-западная и северо-западная ориентировка 11 погребений может рассматриваться как случайное отклонение от нормативного западного направления. Все погребенные лежали на спине в вытянутом положении, лишь у двух женских костяков ноги были слегка подогнуты. Положение рук различно: у одних костяков руки вытянуты, у других — сильно согнуты и положены на грудь. Преобладали костяки со слабосогнутыми руками, кисти которых покоились на тазе или рядом с ним.

Около 80% всех погребений, помимо украшений и деталей одежды, содержало бытовые вещи, орудия труда и посуду. Среди подкуранных погребений доля их около 90%, среди бескуранных — около 60%. Обычный набор инвентаря в мужском погребении включал нож, топор и одну или несколько монет, иногда гребень и керамический сосуд. Ножи лежали, как правило, у таза или бедер, гребни — у таза или в области живота, топоры — у колена справа, горшки находились в ногах. Среди топоров 11 боевых и восемь рабочих. Примечательно, что в числе мужчин, погребенных с боевыми топорами, не было ни одного старше 35 лет. Четыре боевых топора найдены в погребениях подростков 12—19 лет. Создается впечатление, что с боевыми топорами погребали молодых мужчин и подростков, а с рабочими — мужчин зрелого возраста. Среди «несерийных» сопровождающих вещей в мужских погребениях — меч, бронзовое навершие плети, бронзовое острие с кольцом, два топорика-амулета (рис. 2, 2, 4, 6). Стандартный набор сопровождающего инвентаря в женских погребениях включал нож, гребень и монету, реже — горшки. Обычный инвентарь детских погребений — ножи, монеты, горшки, гребни. В двух детских погребениях найдены топорики-амулеты, в двух — керамические писанки (рис. 2, 7, 8, 10; 3, 32).

Одним из наиболее существенных и стабильных элементов погребального обряда Кемского некрополя можно считать обычай сопровождать погребения «оболом мертвого». Западноевропейские денарии происходят из 26 мужских, женских и детских погребений. Доля погребений с «оболом мертвого» среди всех ненарушенных погребений могильника составляет 43%. Всего здесь найдены 74 целые и фрагментированные монеты без ушек и отверстий для подвешивания. Число монет, сопровождавших погребение, могло быть различным: в 12 захоронениях найдено по одной монете, в шести — по две, в трех — по три, в трех — по четыре, в одном — пять и в одном — 24. В 11 случаях монеты находились в области таза — очевидно, они были помещены в кошельки (фрагменты сохранились в одном погребении). В 10 случаях монеты встречены в области шеи и нижней челюсти, т. е. первоначально они находились во рту погребенных. Зафиксированы и другие положения монет — в области живота, у бедра, у колена, в ногах.

В погребении 2 кургана 16 встречено 24 денария, лежавших в области головы, на груди, животе и бедрах умершего. Очевидно, монеты были брошены в гроб или положены на тело. Если считать, что весовая норма монет из этого захоронения соответствовала двум веверицам (0,7 г), то общая денежная сумма должна быть оценена в 8 кун³.

Среди металлических украшений женского костюма наиболее многочисленны височные кольца — их найдено 32. В основном это проволооч-

Рис. 2. Кемский некрополь. Инвентарь мужских и детских погребений

1 — курган 35, погребение 1; 2—4, 6, 9 — курган 9, погребение 3; 5, 7 — бескурганный могильник, погребение 3; 8, 10 — курган 37, погребение 2; 11 — курган 26, погребение 2; 12, 13 — курган 42, погребение 1; 1, 9, 11—13 — железо; 2, 4—8 бронза; 3 — стекло; 10 — глина

Рис. 3. Кемский некрополь. Инвентарь погребения 2 кургана 8

1—5, 7, 8, 10, 12—18, 25—27, 33 — бронза; 6 — стекло, сердолик, хрусталь; 9, 11 — серебро; 19, 20 — стекло; 21—24, 29, 30, 34—40 — кость; 28 — ткань; 31, 32, 42 — глина; 41 — дерево

ные перстнеобразные и бусинные кольца (рис. 3, 1, 2). Помимо широко распространенных типов, в коллекции представлены перстнеобразное эсоконечное кольцо (рис. 3, 4) и кольцо со сканными и зернеными бусинами. К редким типам относятся перстнеобразные кольца со спиральной обмоткой (рис. 3, 3) и «кудрявые», на дужке которых закреплена бахрома из тонкой проволоки. Существенно, что в коллекции отсутствуют ромбоштитковые и браслетообразные кольца, характерные для рядовых сельских некрополей Северо-Западной и Северо-Восточной Руси.

Стеклянных бус найдено около 550. Преобладают золото- и серебро-стеклянные цилиндрические, зонные пастовые и бусинный бисер, встречаются также цветные и прозрачные позолоченные «лимонки», пастовые глазчатые и бусы из тянутых стеклянных трубочек. Представлены в ожерельях и каменные бусины (23): сердоликовые шарообразные, хрустальные и аметистовые битрапециодные.

Довольно многочисленную группу украшений составляют подвески: шесть денариев, три крестика, три ложечки, два конька смоленского типа, две лунницы, 13 грушевидных бубенчиков (рис. 3, 8, 10). Вместе с подвесками дважды встречены миниатюрные бронзовые острия с кольцами (рис. 3, 13), одно из которых было заключено в специальный бронзовый футляр. К редким украшениям относятся монетовидная подвеска с головой быка (рис. 3, 33), плоско-выпуклая подвеска с равноконечным крестом (рис. 3, 16) и круглая прорезная подвеска с рельефной личиной (рис. 3, 9). Подвески финно-угорского происхождения в коллекции единичны: это плоский прорезной «конь на змее», ключ приладожского типа, коническая подвеска на цепочке и колоколовидная привеска. Заслуживают внимания четыре костяные подвески в виде уточек и коньков (рис. 3, 21—24), аналогии которым известны в восточной части Днепровского бассейна и в Прикамье⁴.

Из шести фибул, найденных в могильнике, три — кольцевидные плоские (рис. 3, 14) и три — подковообразные со спиральными концами. Браслетов пять: крученый (рис. 3, 11) и пластинчатый (рис. 2, 5) узкоконечные, витой двойной, круглодротовый и пластинчатый завязанные. Перстней 18: узкопластинчатые, широкосрединные завязанные (рис. 3, 26), круглодротовые крученые (рис. 3, 17). Отметим находку шести стеклянных перстней (рис. 3, 19, 20), которые редко встречаются в рядовых сельских могильниках.

В целом для Кемского некрополя характерен женский убор, основу которого составляли височные кольца и ожерелья из бус с подвесками. Часто этот убор дополняли браслеты, перстни и небольшие фибулы, скреплявшие одежду на груди. В шести погребениях зафиксированы нагрудные подвески, не входившие в состав ожерелья и крепившиеся к одежде каким-то иным способом. Поясных украшений в этом уборе не было. Данный тип женского убора, несомненно, должен быть атрибутирован как восточнославянский, он существенно отличается от убора из остальных памятников региона. Любопытно, что почти все украшения финно-угорского происхождения найдены в детских погребениях Кемского некрополя, в убор взрослых женщин они не включались.

Важнейшим элементом мужского костюма был поясной набор, включавший пряжки, ременные разделители и кольца. Встречены бронзовые пряжки различных типов: две лировидные (рис. 2, 12), три — с овальной заостренной на конце рамкой, орнаментированной насечками, одна — с трапециевидной рамкой и одна — четырехугольная. Найдены также две круглые железные пряжки, одна — в комплекте с двумя плоскими поясными кольцами. Единственный разделитель ремня — круглый литой тройной (рис. 2, 13).

Миниатюрные бронзовые топорики из погребений детей и юношей не являлись украшениями. Они ни разу не встречены вместе с другими подвесками. Миниатюрные топорики лежали в ногах погребенных, на месте настоящих топоров. В проушинах трех из них сохранились остатки деревянных рукоятей. Два бронзовых топорика повторяют форму топоров с оттянутым вниз лезвием и полукруглым вырезом в основании (рис. 2, 6), два других — широколезвийные со шпорцами по сторонам лезвия (рис. 2, 7, 8). Обе формы хорошо известны в русских древностях XI—XII вв.

Среди предметов вооружения наибольший интерес представляет меч из кургана 1. Он имеет небольшое полукруглое навершие и узкое длинное (21 см) перекрестье. Рукоятка не орнаментирована. Общая длина меча 95 см, ширина клинка 5 см. На клинке удалось расчистить остатки клейма: ||| NN O. Очевидно, это аббревиатура надписи «In nomine domini», одной из наиболее обычных формул клинковой эпитафии. Меч может быть отнесен к типу X по классификации Я. Петерсена — А. Н. Кирпичникова, хотя некоторые признаки сближают его с мечами XII в. — типом IV по Кирпичникову⁵.

Разнообразны формы боевых топоров. К типу IA по классификации Кирпичникова относится небольшой (длина 13 см, ширина лезвия около 7 см) топорик с молоточком на тыльной стороне обуха и оттянутым книзу лезвием. Пять топоров имеют оттянутое вниз лезвие с полукруглым вырезом в основании, две пары боковых щековиц и удлиненный вырезной обух. Длина топоров 12—17 см, ширина лезвия 6,5—12 см. На лезвиях четырех топоров имеются круглые сквозные отверстия (рис. 2, 11). Эти топоры относятся к типу IV по Кирпичникову⁶. Топор из кургана 35 орнаментирован серебряной инкрустацией (рис. 2, 1). Он должен быть включен в так называемую северобалтийскую группу орнаментированных топориков, выделенную П. Паульсеном⁷. К типу VII относится широколезвийный топор с симметричным лезвием, косо срезанным у режущего края, и двумя парами боковых щековиц. Секира с широким полукруглым лезвием и вырезным обухом соответствует типу Б. Не вписывается в существующую классификацию небольшой (длина лезвия около 10 см, ширина — 7,5 см) топорик с симметрично расширяющимся лезвием с прямоугольной выемкой в основании, несомненно, принадлежащий к числу боевых. Два топора с прямой верхней гранью, опущенным лезвием, полукруглой выемкой в основании и двумя парами щековиц должны быть отнесены к типу VI. Некоторые их особенности — легкость, тонкость шейки, острый язычок на краю выемки — заставляют считать эти топоры боевыми. Таким образом, в коллекции представлены предметы вооружения южнорусских (тип IA), северорусских (тип IV) и балтийских (тип VII Б) форм.

Восемь рабочих топоров относятся к типу V по Кирпичникову. Они имеют прямую верхнюю грань и опущенное лезвие с полукруглой выемкой в основании. Топоры этого типа массивные тяжелые, длина лезвия 13—19 см, ширина — 7—10 см.

Из 19 сосудов 11 лепные, восемь изготовлены на гончарном круге. Лепные сосуды характерны для Белозерья: это сосуды баночной формы, приземистые горшки с максимальным расширением в верхней трети (рис. 3, 42) и горшки стройных пропорций, орнаментированные отпечатками гребенчатого и рамочного штампа, отрисками кольцевидного чекана, треугольными плоскими вдавлениями. Шесть круговых горшков принадлежат к обычным древнерусским типам. Два сосуда представляют собой белоглиняные округлобокие чашечки, покрытые желтой и зеленой поливой. У обеих чашечек имелись ручки с круглым сквозным отверстием, но у одной она отколота (рис. 3, 31). На территории Руси

известны три подобные чашечки, все они происходят из курганов XI в.⁸ Еще одна найдена на о. Готланд. Э. Оксеншерн считает эти сосуды иранскими⁹, этого же мнения придерживается Б. И. Маршак, которому мы признательны за консультацию.

В инвентаре Кемского некрополя преобладают вещи конца X — первой половины XII в. Важным датирующим материалом служат бусы. Значительное преобладание золотостеклянных цилиндрических бус над «лимонками» указывает на то, что нижняя хронологическая граница памятника приходится не на начало, а на середину XI в.

Уточнить датировку позволяет обильный нумизматический материал. Из монет, найденных в погребениях, определены 54 (определение А. С. Белякова). Основная масса их чеканена между 1038—1086 гг. Ранее чеканено всего 11 монет, причем верхняя дата чекана четырех из них — 1051—1054 гг., т. е. они могли быть выпущены и в 40—50-х годах XI в. С другой стороны, в коллекции нет монет, выпуск которых начался после 1068 г. Учитывая многочисленность монет, начало чеканки которых приходится на 50—60-е годы XI в., можно признать, что денарии, выпущенные в последней четверти XI в., в Кемском некрополе отсутствуют.

Сведения о датировке погребений, содержащих определяемые монеты, приведены ниже.

По находкам монет одно погребение должно быть датировано временем после 976 г., одно — после 983 г., одно — после 1002 г., два — после 1027 г., три — после 1038 г., одно — после 1051 г., пять — после 1059 г. и семь — после 1068 г. Весьма вероятно, однако, что древнейшие погребения могильника относятся к 40-м годам XI в., поскольку на это время приходится первая значительная серия однотипных монет. Наиболее поздние погребения должны быть датированы 70-ми годами XI в. Находки монет, чеканка которых началась в 1051, 1054, 1056, 1057, 1059 и 1068 гг., при отсутствии более поздних, указывают на то, что вскоре после 1068 г. монеты перестали попадать в погребения. Комплексы с монетами не обособлены топографически на территории могильника, поэтому их датировку правомерно перенести на весь некрополь. В корректности переноса убеждает общее единообразие вещевого инвентаря погребений, содержащих и не содержащих монеты, свидетельствующее об их хронологической близости.

Если исходить из того, что в могильнике насчитывалось около 90 погребений (с учетом нераскопанных), а период его использования ограничен 30—40 годами, то при средней продолжительности жизни 30—40 лет численность группы, оставившей Кемский некрополь, определяется в пределах 70—120 человек¹⁰, наиболее вероятно — 80—100 человек.

Определение пола и возраста погребенных было проведено Г. П. Романовой. Установлено, что 38 погребений принадлежат мужчинам, 19 — женщинам и 17 — детям. Таким образом, коллектив, оставивший этот памятник, имел необычный половозрастной состав: количество мужчин в нем вдвое превышало количество женщин. Этот коллектив нельзя считать нормальной популяцией, в которой соотношение мужчин и женщин должно быть примерно равным.

Резкое преобладание мужских погребений и многочисленные находки оружия указывают на присутствие в составе коллектива профессиональных воинов-дружинников. Учитывая обилие монет, находки предметов импорта и продукции городских ремесленников, имевшей ограниченное распространение на деревенском рынке (поливные чашечки, керамические писанки, миндаль, фисташки, раковина каури), важнейшей сферой деятельности этого коллектива следует считать торговые операции.

Комплексы Кемского некрополя, датированные по монетам

Курган 2, (основное)	погребение 2	Доккюм, граф Бруно III	1038—1057 гг.
Курган 4, (основное)	погребение 1	Евер, герцог Ордульф (Отто) или граф Герман	1059—1071; 1059—1086 гг.
		Цонинген, епископ Вильгельм де Понт	1054—1076 гг.
		Доккюм, граф Эгберт II	1068—1090 гг.
Курган 4, (основное)	погребение 2	Фризия, граф Бруно III	1038—1057 гг.
Курган 8, (основное)	погребение 2	Фризия, граф Эгберт II	1068—1090 гг.
		Евер, герцог Ордульф (Отто) или граф Герман (половинка)	1059—1071; 1059—1086 гг.
		Англия, король Кнут (с ушком)	1023—1029 гг.
Курган 9, (впускное)	погребение 1	Девентер, епископ Бернольд	1027—1054 гг.
Курган 9, (основное)	погребение 3	Вормс, император Генрих II (фрагмент)	Около 1002—около 1024 гг.
Курган 10, (основное)	погребение 1	Германия, император Оттон III	996—1002 гг.
		Фризия, граф Бруно III (две монеты)	1038—1057 гг.
Курган 11, (основное)	погребение 1	Доккюм, граф Эгберт II	1068—1090 гг.
Курган 13, (основное)	погребение 2	Евер, герцог Ордульф (Отто) (с ушком)	1059—1071 гг.
Курган 16, (впускное)	погребение 1	Майнц, епископ Лупольд	1051—1059 гг.
		Регенсбург, герцог Генрих V (с ушком)	1017—1026 гг.
Курган 16, (основное)	погребение 2	Евер, герцог Ордульф или граф Герман (15 монет)	1059—1071; 1059—1086 гг.
		Доккюм, граф Эгберт II	1068—1090 гг.
		Фризия, граф Бруно III	1038—1057 гг.
		Эмден, граф Герман фон Кальвелаге	Около 1020—1051 гг.
		Англия, король Кнут	1017—1023 гг.
		Германия, король Генрих IV	1056—1085 гг.
Курган 18, (основное)	погребение 1	Евер, герцог Ордульф (Отто) или граф Герман	1059—1071; 1059—1086 гг.
		Эрфурт, Бардо фон Опрескофен	1031—1071 гг.
Курган 22, (основное)	погребение 1	Евер, герцог Ордульф (Отто) или граф Герман	1059—1071; 1059—1086 гг.
Курган 28, (впускное)	погребение 1	Девентер, император Конрад II	1027—1039 гг.
Курган 29, (основное)	погребение 1	Хамеланд, граф Вигмант III	976—1014 гг.
Курган 33, (основное)	погребение 2	Девентер, епископ Бернольд	1027—1054 гг.
		Сель, король Генрих III	1039—1046 гг.
		Кельн, император Оттон II или Оттон III	973—983; 996—1002 гг.
		Эмден, граф Герман фон Кальвелаге	Около 1020—1051 гг.
Курган 35, (основное)	погребение 1	Ставерен, епископ Эгберт	1057—1068 гг.
		Лееварден, граф Бруно III	1038—1057 гг.
		Евер, герцог Ордульф или граф Герман	1059—1071; 1059—1086 гг.
		Винсум, граф Эгберт II	1068—1090 гг.
Курган 37, (основное)	погребение 3		
Курган 38, (основное)	погребение 1	Вормс, император Оттон III или Генрих III	983—1002; 1002—1014 гг.
Курган 41, (основное)	погребение 1	Эмниггейм, граф Эгберт II	1068—1090 гг.
		Лееварден, граф Бруно III	1038—1057 гг.

Комплексы Кемского Некрополя, датированные по монетам (Окончание)

Бескурганный могильник, погребение 3	Лееварден, граф Бруно III (фрагмент)	1038—1057 гг.
	Евер, герцог Ордульф (Отто) (две монеты)	1059—1071 гг.
	Евер, герцог Ордульф (Отто) или граф Герман	1059—1071; 1059—1086 гг.

Можно предположить, что он осуществлял государственный контроль на одном из водных путей, который проходил по Вытегре и Ковже и соединял Новгород и Обонежье с Белозерьем. Весьма вероятно, что часть погребений принадлежит представителям княжеской администрации, взимавшим денежные сборы, уплата которых была обязательной при передвижении по Вытегорско-Ковжскому пути.

Существование в могильнике курганного и бескурганного обрядов не связано с какими-либо этническими различиями и не может быть объяснено причинами хронологического порядка. Очевидно, оно отражает различный социальный статус погребенных. Примечательно, что среди бескурганных погребений восемь женских, восемь детских и лишь пять мужских (антропологические материалы из двух погребений неопределимы). Вероятно, в простых грунтовых ямах хоронили преимущественно детей (возможно, детей от рабынь) и взрослых в тех случаях, если они были лично несвободными.

¹ Голубева Л. А. Кемские курганы//СА. 1969. № 3. С. 261, 262.

² Арсакова М. Е. О раскопках курганов Кемской группы, расположенной на левом берегу р. Кемы около д. Болтинской, летом 1927 г.//Архив ЛОИА. Ф. 2. № 117/1927. Материалы раскопок хранятся в Череповецком музее. Кол. Р-283.

³ Янин В. Л. Денежно-весовые системы русского средневековья: Домонгольский период. М., 1956. С. 160.

⁴ Рябинин Е. А. Зооморфные украшения древней Руси X—XIV вв.//САИ. Л., 1981. Вып. Е1-60. С. 44.

⁵ Подробнее см.: Макаров Н. А. Меч из Кемского некрополя//СА. 1987. № 4.

⁶ Кирпичников А. Н. Древнерусское оружие//САИ. М.; Л., 1966. Вып. Е1-36. Вып. 2: Топоры, копья, сулицы. С. 36, 37.

⁷ Подробнее см.: Макаров Н. А. Декоративные топоры из Белозерья//ПКНО. М., 1987.

⁸ Арне Т. И. Китайская чашечка из Владимирской губернии//Тр. Секции археологии РАНИОН. М., 1928. Т. 4. С. 27, 28; Заяц Ю. А. Раскопки и разведки в окрестностях Заславля//АО 1978 г. М., 1979. С. 435; Комаров К. И. Отчет о раскопках курганного могильника Плешково I в Кимрском р-не Калининской обл. в 1981 г.//Архив ИА. Р-1. № 8635. Л. 21.

⁹ Oxenstierna E. G. Die Wikinger. Stuttgart, 1966. S. 89. Taf. 38.

¹⁰ Расчет производился путем умножения общего количества погребений в могильнике на среднюю продолжительность жизни и деления его на время функционирования могильника.

И. В. ИСЛАНОВА

СУБСТРАТНЫЕ ТРАДИЦИИ В ЭЛЕМЕНТАХ ПОГРЕБАЛЬНОГО ОБРЯДА ФЕДОВСКОГО МОГИЛЬНИКА

В 1903 г. в Федовском грунтовом могильнике А. А. Ширинским-Шихматовым были исследованы 84 могилы¹. Инвентарь и необычная ориентировка погребенных сразу же привлекли внимание А. А. Спицына². Позднее к материалам могильника обращались Т. Н. Никольская³ и В. В. Седов⁴. В 1980 г. памятники в окрестностях д. Федово обследовались сотрудниками историко-археологической экспедиции Калининского

университета⁵. В стенке карьера, расположенного в северо-западной части могильника, Е. В. Бодуновым расчищены остатки грунтового захоронения. Судя по нижним конечностям костяка, он был ориентирован на север—северо-запад.

Возобновление интереса к Федовскому могильнику связано с выявлением аналогичных памятников в центральных районах Новгородской земли⁶. В. Я. Конечкий, специально проанализировавший хронологию и топографию могильника, исправил ошибки, допущенные при установлении ориентировки погребенных. Правда, так и осталось неясным его утверждение, что «почти половина умерших похоронена головой на север и на восток»⁷. Обобщенный анализ состава инвентаря позволил считать женский погребальный костюм могильника, за незначительным исключением, сходным с убором Деревяницкого могильника и характерным для славянского населения XI—XII вв.⁸

Спорные вопросы обряда заставили вновь обратиться к материалам Федовского могильника. Основой работы послужили опубликованные материалы дневника А. А. Ширинского-Шихматова и фотографии вещей, разделенные на комплексы по погребениям⁹. При несовпадении описаний находок с комплексом на фотографии предпочтение отдавалось сведениям дневника. Для анализа погребального костюма привлечены материалы 40 могил.

Наиболее характерные детали женского погребального убора распределены по 10 категориям¹⁰. Категорию 1 составили височные кольца браслетообразные с незамкнутыми заходящими концами, со спиральным концом, перстнеобразные, с завязанным концом. В категорию 2 вошли височные кольца с одной или тремя полыми напускными металлическими бусами, с узелковыми бусами, браслетообразное височное кольцо с напускной бусой. Категорию 3 образовали стеклянные и каменные бусы. В категорию 4 вошли монетовидные подвески и монеты, использованные в виде подвесок. За исключением двух денариев, это арабские дирхемы X в. Категорию 5 составили круто- и широкопрорезные литые подвески-лунницы. Категорию 6 — крестопрорезные грушевидные и линейнопрорезные круглые бубенчики. Категорию 7 — пластинчатый, широкосрединные с завязанными концами, рубчатые перстни. Категорию 8 — витые гривны с раскованными пластинчатыми наконечниками и замком в виде крючка, обломки гривен. Категорию 9 — цепочки из цветного металла с мелкими звеньями. Категорию 10 — железные ножи.

В костюме отдельно взятого погребения присутствует определенный набор тех или иных категорий вещей. После сравнения могил по набору категорий выделилось три варианта костюма (табл. 1; 2). Вариант 1. Для костюма характерны проволочные височные кольца, ожерелья из бус, цепочки, гривны. Часто встречаются монетовидные подвески, бубенчики, перстни, ножи. Основная черта — гривны и цепочки при отсутствии лунниц и бусинных височных колец. Наиболее ярко костюм варианта 1 представлен в могиле 11. В могилах 5 и 61 на цепочках были подвешены коньки «смоленского типа»¹¹. В могиле 2 инвентарь типичен для рассматриваемого варианта, кроме упоминаемой в дневнике «серьги» (бусинное височное кольцо?).

Вариант 2. Характерны проволочные височные кольца, ожерелья из бус, подвески-лунницы. Не во всех погребениях встречаются перстни и бубенчики, редки монетовидные подвески. Основная черта — лунницы при отсутствии цепочек, бусинных височных колец, гривен и ножей. Наиболее ярко костюм представлен в могилах 6, 47. В могиле 45 костюм смешанный, но набор близок варианту 2, кроме бусинного височного кольца.

Таблица 1
 Распределение погребений Федовского могильника
 в зависимости от элементов обряда

Могила	Категории										Коньки «смо- ленского типа»	Браслеты	Ориентировка*	Вариант костюма	Группа	Дата (вв.)
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10						
11	×	—	×	×	—	×	—	×	×	—	—	—	В	1	1	Середина XI— начало XII
2	×	×	×	×	—	×	×	×	×	×	—	—	СВ	1—3	1	XI—начало XII
5	×	—	×	—	—	—	×	×	×	—	×	—	СЗ	1	1	XI
61	—	—	×	—	—	—	—	—	×	—	×	—	Н	1	1	XI
8	×	—	—	—	—	—	—	?	—	×	—	—	В	—	1	XI
6	×	—	×	×	×	×	—	—	—	—	—	×	СЗ	2	2	XI—начало XII
45	×	×	×	—	×	×	—	—	—	—	—	—	З	2—3	2	Конец XI—нача- ло XII
54	×	—	—	—	×	—	×	?	—	—	—	—	Н	2	2	Конец XI—XII
47	×	—	—	—	×	—	×	—	—	—	—	—	З	2	2	Конец XI—XII
7	—	—	—	—	×	—	—	—	—	—	—	—	С	2	—	—
34	×	×	×	×	—	—	—	—	—	—	—	—	Н	3	3	XI
39	×	×	×	—	—	—	—	—	—	—	—	—	Н	3	3	—
17	×	×	×	—	—	—	×	—	—	—	—	—	С	3	3	—
27	×	×	×	×	—	—	×	×	—	—	—	—	СЗ	3—1	3	Рубеж XI—XII
67	×	×	×	×	—	—	—	—	—	—	—	—	Н	3	3	—
63	×	?	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	ЮВ	3	3	—
36	—	?	×	—	—	—	—	—	—	—	—	—	СЗ	3	3	—
30	—	—	—	—	—	×	—	—	—	—	—	—	Н	—	—	XI—начало XII
46	×	—	—	—	—	×	—	—	—	—	—	—	СЗ	—	—	XI—начало XII
43	×	—	×	—	—	×	—	—	—	—	—	—	Н	—	—	XI—начало XII
50	×	—	×	—	—	×	×	—	—	—	—	×	З	—	2	Рубеж XI—XII
41	×	—	×	—	—	—	×	—	—	—	—	—	СЗ	—	—	Конец XI—XII
15	×	—	—	×	—	—	×	?	—	×	—	—	СВ	—	1	—
40	×	—	—	×	—	—	×	—	—	—	—	—	Н	—	—	XI
20	—	—	—	—	—	—	×	—	—	×	—	—	СВ	—	1	—
3	—	—	—	—	—	—	×	—	—	—	—	—	С	—	3	—
57	—	—	×	—	—	—	—	—	—	—	—	—	Н	—	—	—
53	—	—	×	—	—	—	—	—	—	×	—	—	СЗ	—	—	—
59	—	—	×	×	—	—	—	?	—	—	—	—	Н	—	—	—
16	×	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	Н	—	—	—
1	×	—	×	×	—	—	—	—	—	—	—	—	С	—	3	—
51	×	—	×	—	—	—	—	—	—	—	—	×	СЗ	—	2	—
35	×	—	×	—	—	—	—	—	—	—	—	—	СЗ	—	—	—
33	×	—	×	—	—	—	—	—	—	—	—	—	СЗ	—	—	—
21	×	—	×	—	—	—	—	—	—	—	—	—	СЗ	—	—	—
28	×	—	×	—	—	—	—	—	—	—	—	—	ЮЗ	—	—	—
10	×	—	×	—	—	—	—	—	—	—	—	—	С	—	3	—
9	×	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	С	—	3	—
14	×	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	Н	—	—	—
24	×	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	Н	—	—	—

* Ориентировка: В — восточная; З — западная; С — северная; СЗ — северо-западная; ЮЗ — юго-западная, СВ — северо-восточная; ЮВ — юго-восточная; Н — неизвестная.

Таблица 2
Ориентировка погребений Федовского могильника

Ориентировка *	Количество погребений	% от 84 погребений	Ориентировка *	Количество погребений	% от 84 погребений
С	12	14	В	2	2
СЗ	17	20	СВ	4	5
З	5	6	ЮВ	3	4
ЮЗ	1	1	Н	40	48

* См. табл. 1.

Вариант 3. Характерны проволочные и бусинные височные кольца, ожерелья из бус, встречаются перстни и монетовидные подвески. Основная черта — бусинные височные кольца при отсутствии цепочек, бубенчиков, гривен, лунниц, ножей. Наиболее ярко костюм представлен в могилах 17, 29, 34, 67. В могиле 27 костюм смешанный, но набор близок варианту 3, кроме гривны. Возможно, бусинные височные кольца — «половинки от серег» были в уборе погребенных в могилах 36, 63.

Инвентарь остальных погребений нельзя отнести к выделенным вариантам.

Время использования могильника — XI—XII вв.¹² Более узкие даты для отдельных вариантов костюма устанавливаются по опорным вещам, имевшим, судя по новгородской хронологической шкале, довольно жесткие рубежи бытования: бубенчики грушевидные крестопорезные (до 1116 г.) и шаровидные линейнопорезные с тройным рельефным пояском (1076—1299 гг.); ребристые цилиндрические бусы (1055—1238 гг.); рубчатые перстни (1096—1268 гг.); сердоликовые пирамидальные бусы (1096—1299 гг.)¹³. В семи могилах найдены монеты. Сравнение хронологии могил и вариантов костюма позволяет предположить, что погребения с костюмом варианта 1 (XI — начало XII в.) в целом совершены раньше погребений с костюмом варианта 2 (конец XI—XII в.). Костюм варианта 3 (XI—XII вв.) сосуществовал с костюмом варианта 1 и варианта 2.

При сопоставлении вариантов костюма, ориентировки, хронологии и топографии намечается некоторая взаимосвязь, позволяющая выделить в могильнике несколько групп (табл. 1).

Группа 1. Погребения с костюмом варианта 1 (см. табл. 1). Ориентировка восточная, северо-восточная, северо-западная. Восточная ориентировка зафиксирована в погребении 8, где инвентаря мало и по ряду вещей он уникален для Федовского могильника, но не находится в противоречии с костюмом варианта 1: проволочные височные кольца, нож, подковообразная фибула и топор. В могилах 15, 20 набор инвентаря не противоречит костюму варианта 1, а наличие ножей похоже подтверждает это — ножи встречены всего в пяти женских погребениях, четыре из которых имеют восточную и северо-восточную ориентировку. В могиле 8 нож находился в ножнах. Погребения с северо-восточной и восточной ориентировкой расположены в южной части могильника, причем некоторые соседствуют друг с другом (рис.). В этой же части могильника находится еще одно погребение с северо-восточной ориентировкой (19), но оно безынвентарное. Захоронения совершались преимущественно в XI — самом начале XII в. Это относительно ранняя группа.

Группа 2. Погребения с костюмом варианта 2. Характерна ориентировка строго на запад (см. табл. 1). Сюда же мы присоединяем моги-

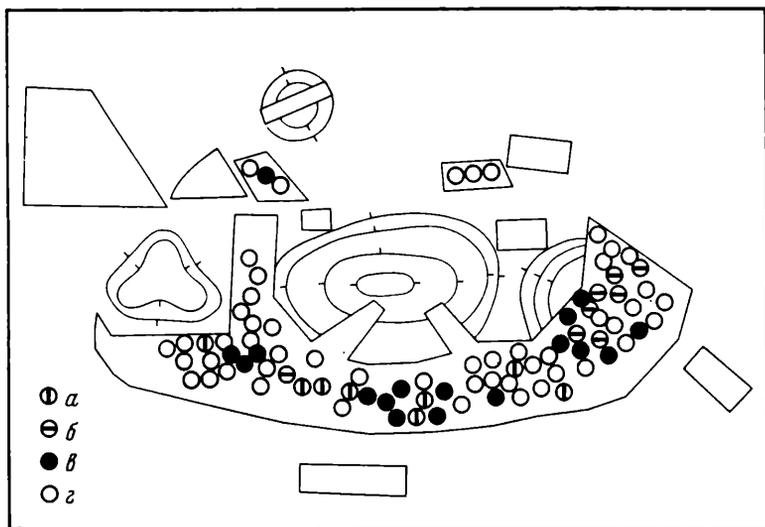

Рис. Федовский могильник. Расположение погребений групп 1—3

a — группа 1; б — группа 2; в — группа 3; z — погребения, не вошедшие в группы

лу б с северо-западной ориентировкой. Кроме вещей, распределенных по категориям, здесь найден проволочный браслет. Спорна принадлежность к рассматриваемой группе погребения 7, где инвентарь состоял из двух лунниц, а умерший был положен головой на север. К группе 2, видимо, следует отнести безынвентарные погребения 44, 49 (ориентировка на запад), а также погребение 50 (ориентировка западная). В погребении 50 лунниц нет, но кроме проволочных височных колец, бус, бубенчиков, перстня, найден браслет. Надо отметить, что в Федовском могильнике было обнаружено всего три браслета: два — в названных выше погребениях и третий — в могиле 51, где ориентировка северо-западная, костюм скромный и не противоречит варианту 2. Почти все рассмотренные погребения расположены компактно в восточной части могильника. Захоронения проводились преимущественно в конце XI—XII в. Группа относительно поздняя.

Группа 3. Погребения с костюмом варианта 3. Им свойственна северная ориентировка, а также тяготеющая к меридиональной — северо-западная и юго-восточная¹⁴. С некоторой долей вероятности к группе можно отнести малоинвентарные и безынвентарные могилы с северной ориентировкой (см. табл. 1). В трех погребениях найдены браслетообразные височные кольца со спиральным завитком (всего в выделенные группы попало четыре могилы с такими кольцами). Захоронения с меридиональной ориентировкой разбросаны по всему могильнику. Они совершены в XI и XII вв.

Восточная ориентировка погребений в древнерусских курганах связана с балтским субстратом¹⁵. В Федовском могильнике это подтверждают и отдельные элементы металлического убора костюма варианта 1: гривны, цепочки, коньки «смоленского типа», подковообразная фибула, нож в ножнах, топор. Финно-угорский субстрат проявляется наиболее ярко в меридиональной ориентировке¹⁶. Е. А. Рябинин высказал предположение о связи височных колец с завитком с финно-угорским субстратом в Костромском Поволжье¹⁷, что, кажется, применимо и к Федовскому могильнику. Такие височные кольца здесь найдены в погребениях

преимущественно с северо-западной ориентировкой и костюмом варианта 3. В то же время ни в одном захоронении не найдены шумящие украшения — своеобразные индикаторы финно-угорских традиций.

По-видимому, костюмы групп 2 и 3 уже этнически размыты. Вряд ли правомерно напрямую связывать группу 2 со славянами, а группу 3 — с финно-уграми. При выявленной разнице во всех костюмах отмечается единое ядро: проволочные височные кольца и ожерелья из бус. Для многих погребений также характерны перстни и монетовидные подвески. В костюмах разных вариантов имелись браслетообразные кольца с заходящими концами, названные А. А. Спицыными кольцами «федовского типа»¹⁸.

В Федовском могильнике наблюдается заключительный этап сложения древнерусской культуры, которое началось во второй половине I тысячелетия н. э., когда в верховьях Мсты появляются памятники культуры длинных курганов и сопок. В погребальном обряде отразились неоднородная подоснова и процесс интеграции населения на протяжении XI—XII вв.: определенное единство убора, тенденция перехода к обычаю хоронить головой на запад, в деталях костюма и ориентировке — балтские и финно-угорские субстратные элементы.

¹ *Ширинский-Шихматов А. А.* Федовский могильник // *Тр. II обл. АС. Тверь, 1906. С. 53—62.*

² *Спицын А. А.* Старейшие русские могильники в Новгородской обл. // *ИАК. СПб., 1905. Вып. 15. С. 1—5.*

³ *Никольская Т. Н.* Хронологическая классификация верхневолжских курганов // *КСИИМК. М., 1949. Вып. 30. С. 33; Она же.* Этнические группы Верхнего Поволжья в XI—XIII вв. // *КСИИМК. М., 1949. Вып. 24. С. 78, 79.*

⁴ *Седов В. В.* Следы восточнобалтийского погребального обряда в курганах древней Руси // *СА 1961. № 2. С. 103—121; Он же.* Браслетообразные височные кольца восточных славян // *Новое в археологии. М., 1972. С. 138—144.*

⁵ *Бодунов Е. В.* Разведки в Бологовском и Вышневолоцком районах Калининской обл. // *АО 1980 г. М., 1981. С. 42.*

⁶ *Концевий В. Я.* Некоторые итоги исследования грунтовых могильников в центральных районах Новгородской земли // *Археологическое исследование Новгородской земли. Л., 1984. С. 154—172; Лебедев Г. С.* Археологическое исследование Новгородской земли // *Новгородский исторический сб. Л., 1982. Вып. 1 (11). С. 39; Носов Е. Н.* Проблемы изучения погребальных памятников Новгородской земли: К вопросу о славянском расселении // *Там же. С. 68, 69, 78.*

⁷ *Концевий В. Я.* Хронология и этапы формирования Федовского могильника // *КСИА. М., 1981. Вып. 166. С. 90.*

⁸ *Концевий В. Я., Носов Е. Н., Хвоцинская Н. В.* О финно-угорском и славянском населении центральных районов

Новгородской земли // *Новое в археологии СССР и Финляндии. Л., 1984. С. 162—164.*

⁹ Вещевой материал могильника не сохранился. Дневниковые записи не дают сведений о расположении инвентаря на скелетах.

¹⁰ Более дробное деление (например, по размерам височных колец, типам бус) оказалось нецелесообразным.

¹¹ *Седов В. В.* Амулеты-коньки из древнерусских курганов // *Славяне и Русь. М., 1968. С. 151—157; Рябинин Е. А.* Зооморфные украшения древней Руси X—XIV вв. // *САИ. Л., 1981. Вып. Е1-60. С. 28—31.*

¹² *Концевий В. Я.* Хронология и этапы формирования ... С. 90—96.

¹³ *Лесман Ю. М.* Погребальные памятники Новгородской земли и Новгород: Проблема синхронизации // *Археологическое исследование Новгородской земли. Л., 1984. С. 118—141.*

¹⁴ Связь варианта 3 с меридиональной ориентировкой остается проблематичной из-за малого числа точных совпадений.

¹⁵ *Седов В. В.* Следы восточнобалтийского погребального обряда...

¹⁶ *Седов В. В.* Браслетообразные височные кольца ... С. 143; *Он же.* Восточные славяне в VI—XIII вв. Сер. Археология СССР. М., 1982. С. 172, 174, 195; *Рябинин Е. А.* Чудские племена древней Руси по археологическим данным // *Финно-угры и славяне. Л., 1979. С. 93—96.*

¹⁷ *Рябинин Е. А.* Костромское Поволжье в эпоху средневековья. Л., 1986. С. 112.

¹⁸ *Спицын А. А.* Старейшие русские могильники... С. 2.

ИССЛЕДОВАНИЯ КАМЕННОГО МОГИЛЬНИКА У д. ВЕНЗОВЩИНА

Каменный могильник находится в 80 м к юго-западу от д. Вензовщина (Щучинский р-н Гродненской обл.), на оконечности моренной гряды высотой до 8—10 м, при дороге в д. Мотыли. Площадка могильника неровная, поросла мелким редким кустарником. Могила располагается на площадке и на склонах возвышенности. Среди местных жителей могильник известен под названием «Борок». В июне 1986 г. заложено пять раскопов общей площадью 196 кв. м, вскрыто 30 погребений.

Намогильные кладки выполнены из уложенных в один слой камней различной формы и размеров. Зафиксированы различные способы кладок. 1. Кладка округло-овальной формы. По краям ее в качестве обрамления лежали камни больших размеров. Центр выполнен из средних и малых камней. 2. Кладка овальной формы. В голове погребения лежал камень больших размеров. 3. Кладка удлиненно-овальной формы. В голове погребения лежал камень больших размеров кругловатой формы. Кладка выполнена путем чередования больших и малых камней, уложенных бессистемно, но довольно плотно. Размеры кладок варьируют в пределах от $1,8 \times 1,1 \times 0,25$ до $3,1 \times 1,2 \times 0,2$ м.

Отмечены неровные ряды могил в направлении с северо-запада на юго-восток; в другом месте — с севера на юг; в третьем — с запада на восток. Могила располагаются небольшими группами — по две, три и больше, на неодинаковом расстоянии друг от друга. Могила 3 и 4 (раскоп 3) имели общую кладку круглой формы, расстояние между ними 0,3 м. В могиле 5 (раскоп 4) открыты мужской и детский скелеты. Отмечены случаи захоронения на месте предыдущих.

Исследована могила без следов погребения (раскоп 4). Каменная намогильная кладка ($2,6 \times 2,1 \times 0,2-0,25$ м) имела почти округлую форму. Могильная яма ($2 \times 1,5$ м, глубина 1,4 м) ориентирована по оси север—юг. На глубине 0,88—1 м в северной части могильной ямы обнаружены фрагменты лепной посуды — стенки (41), венчики (5), днища (4) — и один венчик гончарного горшка. Лепная керамика красного и желтого цвета. Тесто грубое рыхлое с включением крупной дресвы и незначительным количеством растительной примеси. Обжиг неравномерный, поверхность не заглажена. На одном из венчиков по наружному краю имеются пальцевые вдавления, а под шейкой по плечу — штампованный орнамент (рис. 1, 1). Такой же венчик, но без штампованного орнамента найден в заполнении могилы 3 (раскоп 5). Целые горшки с подобным орнаментом встречены в погребениях могильника, расположенного на берегу р. Саря (юго-восточная Литва)¹. Лепная керамика со штампованным орнаментом обнаружена при раскопках Гродно в слоях IX—X вв. Ранняя гончарная керамика со штампованным орнаментом известна в Новогрудке в слоях X—XI вв.², а также на поселениях Мазовии X — начала XI в.³ Лепная керамика с пальцевыми вдавлениями найдена в кургане южнее Лукомльского городища (VIII—IX вв.)⁴, а гончарная — в Полоцке в слоях XI—XII вв.⁵ Венчик гончарного горшка невысокий, сильно отогнут наружу (рис. 1, 2). Аналогичные венчики горшков выявлены в Новогрудке в слоях X — первой половины XI в.⁶

Под камнями кладок в слое темной земли выявлены крупные угли и фрагменты глиняной посуды (может быть, остатки поминальной обрядности). Венчики лепных горшков прямые, слегка отогнуты наружу, не

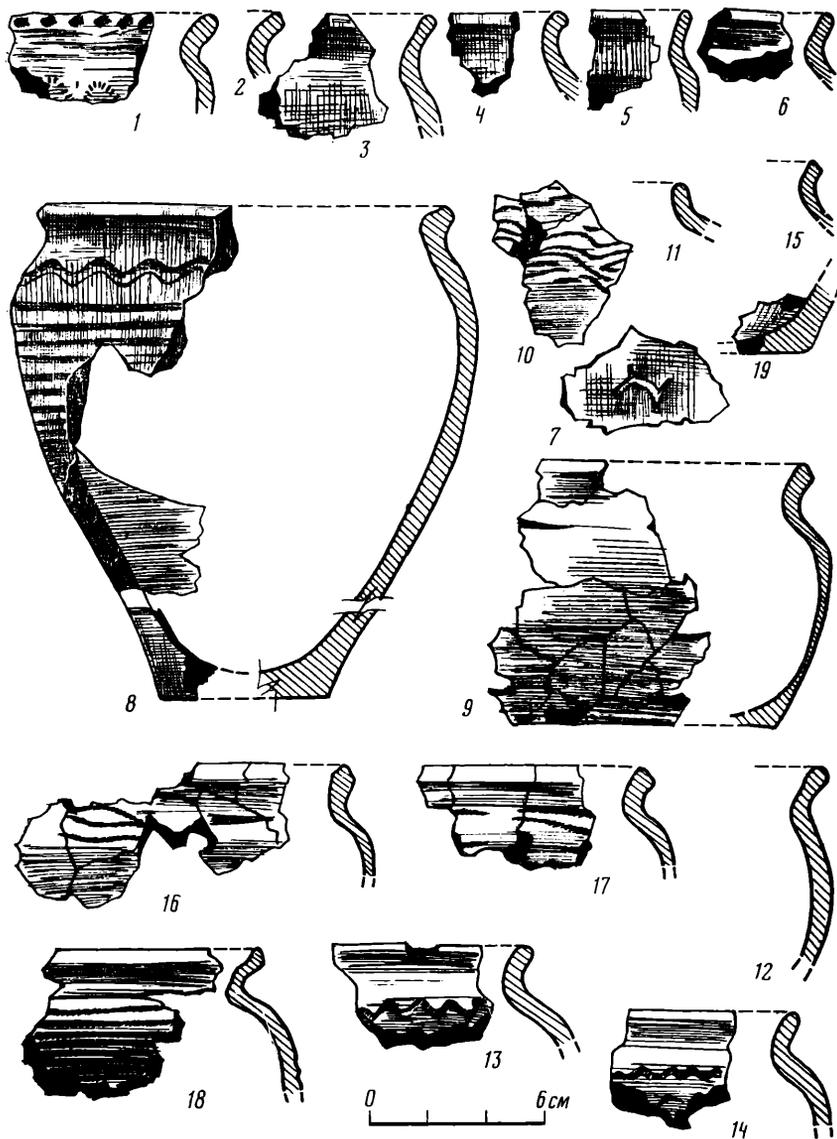

Рис. 1. Могильник Борок. Керамический материал

1, 3–6 — лепная керамика; 2, 7–17 — гончарная керамика; 1, 2 — могила 6 (раскоп 4); 3, 4, 7, 8, 10, 11, 15, 18, 19 — раскоп 4; 5, 9, 16, 17 — раскоп 3; 6, 12 — раскоп 1; 13, 14 — раскоп 2

орнаментированы (рис. 1, 3–6). Аналогичная керамика встречается в поселениях средней Белоруссии, где датируется VIII–IX вв.⁷ Гончарная керамика представлена фрагментами горшков (с клеймом — рис. 1, 7) и одним венчиком крышки. Из собранных фрагментов удалось восстановить профили двух горшков (рис. 1, 8, 9). Гончарная керамика желтого цвета. В тесте — примесь средней и мелкой дресвы. Обжиг равномерный. Поверхность заглажена. Большая часть керамики орнаментирована волнистым узором или волнистым и линейным в сочетании, двурядной или многорядной «волной» (рис. 1, 10), в одном случае отмечено рифление. Горшки такого типа встречаются в курганах Борисовского и Минского районов Минской обл. (раскопки Тышкевичей), в

Гродно, Новогрудке и Волковыске, в курганах у пос. Красносельский Волковысского р-на (раскопки М. Федоровского), могильниках юго-восточной Литвы⁸. Бытовали с X по XIII в. На поселениях Мазовии — в IX—X вв.⁹

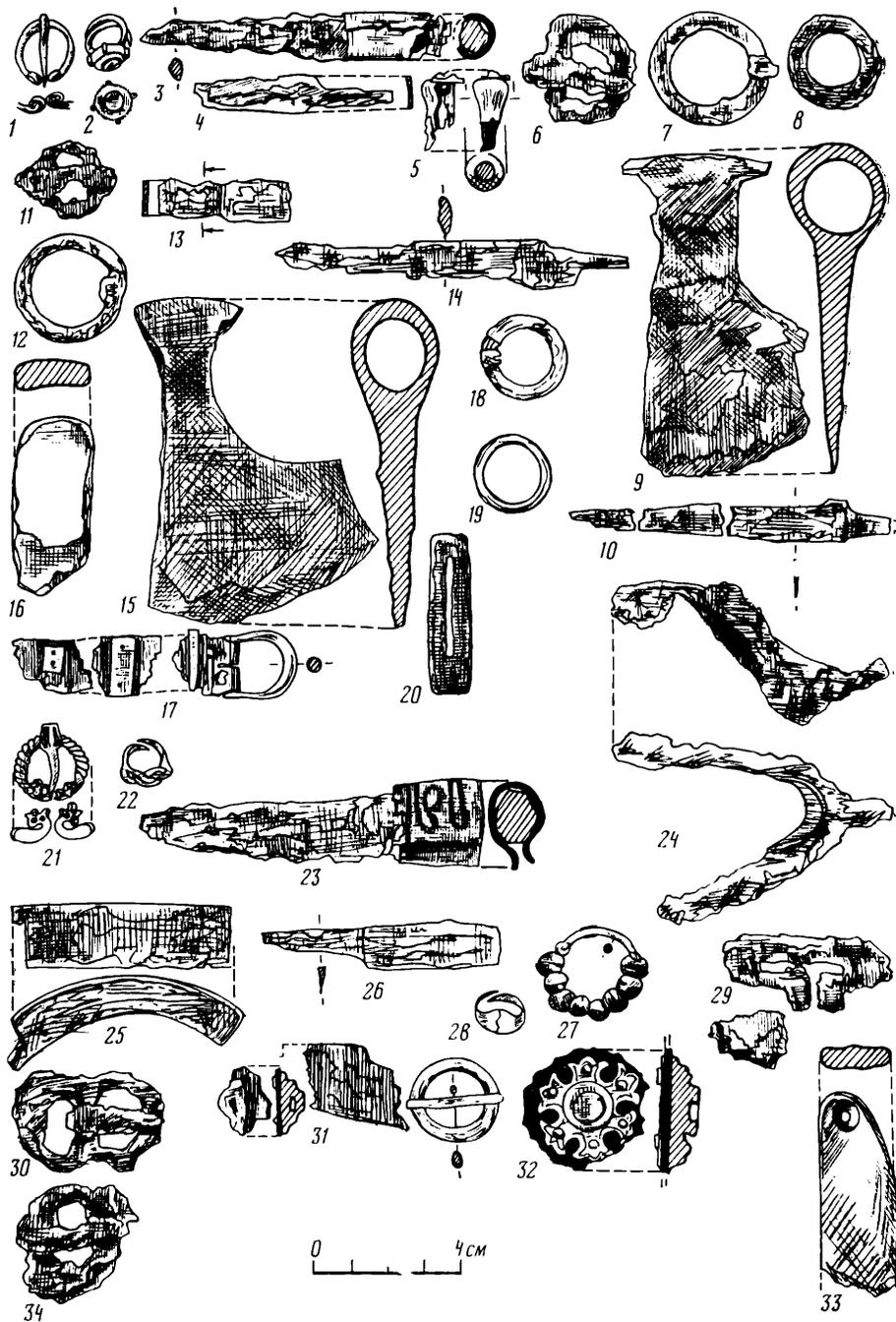
В заполнении могильных ям на различной глубине отмечены угольные прослойки мощностью 1—15 см. Рядом с могилами зафиксированы кострища. В большинстве случаев они находились справа, у головы погребенного.

В погребениях 3 и 4 (раскоп 4) угли располагались по периметру могильных ям, образуя обрамление шириной 1,5—2 см. Создается впечатление, что вокруг умерших выкладывали ветки и поджигали их, имитируя обряд трупосожжения.

Глубина могильных ям 0,75—1 м. Форма овальная. К донной части ямы суживаются. Сохранность скелетов плохая. Умершие лежали вытянуто, в двух случаях — на левом боку, чаще всего головой на юг и юго-запад, реже — на запад. Положение рук различно. В большинстве погребений вокруг скелетов прослежен древесный тлен от домовин.

В женском погребении 2 на черепе расчищены остатки головного украшения (восемь бляшек). На груди лежала бронзовая подковообразная фибула со спиралевидными концами. На безымянном пальце правой руки — серебряный перстень с углублением для камня, концы незапаяны. Под локтем левой руки — железный нож с костяной орнаментированной рукояткой, под ним — фрагменты еще одного небольшого ножа. Слева у плеча — деревянная заклепка от домовины (рис. 2, 1—5). В могиле 3 (раскоп 4) по обе стороны от черепа (в височной части) найдено по многобусинному височному кольцу. Бусины серебряные, спаяны из двух половинок, кольцо бронзовое. Под черепом вместе с кольцом обнаружен кусочек ткани от головного убора (рис. 2, 27). В могиле 4 на среднем пальце левой руки находился бронзовый пластинчатый перстень с ромбовидным щитком, украшенным геометрическим орнаментом (рис. 2, 28).

Мужские погребения беднее. В могиле 3 у правого и левого бедер обнаружено по одному поясному кольцу; на тазовых костях — железная пряжка; на правом колене — топор; близ левого колена — фрагменты ножа (рис. 2, 6—10). В могиле 4 у правого бедра найден фрагмент ножа; чуть ниже тазовых костей — маленькая пряжка и поясное кольцо (рис. 2, 11—13). В могиле 1 около нижней челюсти лежал топор (острием к лицу); на поясе — бронзовая пряжка и кусочки ремня с бронзовыми прямоугольными пластинками, отверстиями для гвоздиков по краям: слева у бедра — точильный брусок и два поясных кольца; ниже — фрагменты небольшого ножика (рис. 2, 15—20). В могиле 2 справа под черепом обнаружены бронзовая подковообразная фибула с зооморфными концами, украшенными циркульным орнаментом, и кусочки ткани от головного убора. На среднем пальце правой руки — бронзовый, плетеный из двух проволок перстень с незапаянными концами. У левого бедра острием вниз лежал нож с остатками кожаных, орнаментированных прорезями ножен и деревянной рукоятки. Под ним — фрагменты еще одного, меньшего по размерам ножа. На левой ноге — шпора с округлым шипом и фрагмент стремени (рис. 2, 21—26). В могиле 5 у левого бедра одного из погребенных находились кресало с кремнем, фрагменты ножа и маленький точильный брусок. В могиле 3 у правой ноги, выше колена на 15 см, лежала железная пряжка; на ступнях — топор; у левого бедра — нож, точильный брусок и кресало с кремнем. В могиле 5 на ступнях лежал топор; чуть выше — нож острием вверх; на тазовых костях — железная пряжка, кремль и калачевидное кресало (рис. 2, 29, 30). В моги-

Рис. 2. Могильник Борк. Погребальный инвентарь

1-13 — раскоп 1: 1-5 — могила 2, 6-10 — могила 3, 11-13 — могила 4; 14 — раскоп 3, могила 2;
 15-28 — раскоп 4; 15-20 — могила 1, 21-26 — могила 2, 27 — могила 3, 28 — могила 4; 29-34 —
 раскоп 5; 29-30 — могила 5, 31-34 — могила 6

ле 6 у левого бедра обнаружен маленький топор; впритык к бедру — фрагменты ножа; на тазовых костях — бронзовая пряжка и кусочек ремня; под ними — бронзовая шестилучевая оковка кошелька с кусочком кожи, точильный брусок, железная пряжка и кусочки сильно проржавевшего железа (рис. 2, 31—34).

В детских погребениях найдены ножи: в могиле 1 (раскоп 2) — на груди, острием вниз; в могиле 2 — у правого бедра, острием вниз (рис. 2, 14); в могиле 2 (раскоп 5) — на уровне колен.

Подковообразные фибулы со спиралевидными концами найдены в городах Белоруссии, курганах Минской обл. (раскопки Веренько и Тышкевичей), Новгороде, могильниках Литвы¹⁰. Датируются они X—XI вв. Подковообразные фибулы с зооморфными концами были широко распространены среди древностей балтов в XI—XIV вв.¹¹ Многобусинные височные кольца найдены в каменном могильнике у д. Вензовщина (урочище Гончариха); в кургане 36 у д. Войская (Брестская обл.); в могильнике на берегу р. Саря; в Новгороде¹². Датируются XI—XIV вв. Серебряный перстень с ажурной решеткой-навершием аналогий не имеет. Витые из двух проволок перстни найдены в каменных могильниках (раскопки В. А. Шукевича), могильниках Литвы, в Новгороде¹³. Датируются XI—XV вв. Пряжки лировидной формы выявлены в каменных могильниках (раскопки Шукевича) и могильниках Литвы¹⁴. Датируются концом X—XI в. Бронзовые и железные пряжки круглой формы известны в Волковыске¹⁵. Датируются X—XI вв. Полукруглые железные пряжки имеют аналогии в древних городах Белоруссии и могильниках Литвы¹⁶. Датируются XI—XIV вв. Пряжки овальной формы с перемычкой в центре выявлены в Полоцке, Волковыске, Новгороде¹⁷, где датируются X в. Поясные железные кольца обнаружены в могильниках, раскопанных Шукевичем, в курганах Борисовского и Минского районов Минской обл. (раскопки Тышкевичей), в могильниках Литвы X—XI вв. В Новгороде они бытовали с середины X до середины XV в.¹⁸ Бронзовые шестилучевые оковки кошельков найдены и в могильнике на р. Саря¹⁹. Датируются они XII—XIII вв. Калачевидные кресала встречены в древних городах Белоруссии²⁰, курганах Борисовского и Минского районов Минской обл. (раскопки Тышкевичей)²¹, могильниках Литвы²². Датируются XI—XIII вв. Двулезвийные овальные кресала выявлены в древнерусских городах и могильниках Литвы²³. Датируются XI—XIV вв. Широколезвийные проушные топоры найдены в могилах Новогрудского р-на²⁴, могильниках Литвы²⁵, в Новгороде²⁶. Датируются X—XII вв. Шпоры с округлым шипом происходят из Берестья²⁷, где датируются X—XI вв.

Анализ конструкций каменных намагильных кладок, погребального обряда и инвентаря позволяет датировать могильник временем от конца X до начала XII в.

¹ Lietuvos archeologija. Vilnius, 1979. T. 1. S. 87. Pav. 18, 1.

² Воронин Н. Н. Древнее Гродно//МИА. М., 1954. № 41. С. 41. Рис. 15, 11; Малевская М. В. Некоторые исторические связи Новогрудка в X в.: По материалам керамики//КСИА. М., 1972. Вып. 129. С. 15. Рис. 5, 1, 2, 5.

³ Materiały wczesnośredniowieczne. Warszawa, 1956. T. 4. S. 38. Tab. VI, 6; VII, 1.

⁴ Штыхов Г. В. Раскопки в Лукомле в 1966—1968 гг.//Древности Белоруссии. Минск, 1969. С. 348. Рис. 27, 5.

⁵ Штыхов Г. В. Древний Полоцк. Минск, 1975. С. 30. Рис. 16, 22—26.

⁶ Малевская М. В. О датировке нижнего горизонта Новогрудка//КСИА. М., 1965. Вып. 104. С. 88, тип. 1.

⁷ Митрофанов А. Г. Железный век средней Белоруссии. Минск, 1978. С. 132. Рис. 39, 18, 22, 24.

⁸ Поболь Л. Д. Древности Белоруссии в музеях Польши. Минск, 1979. Рис. 130, 1, 2; 131, 1; Малевская М. В. О датировке ... Рис. 34, 2—4; Она же. Некоторые исторические связи ... Рис. 1, 2, 5; Зверуго Я. Г. Древний Волковыск

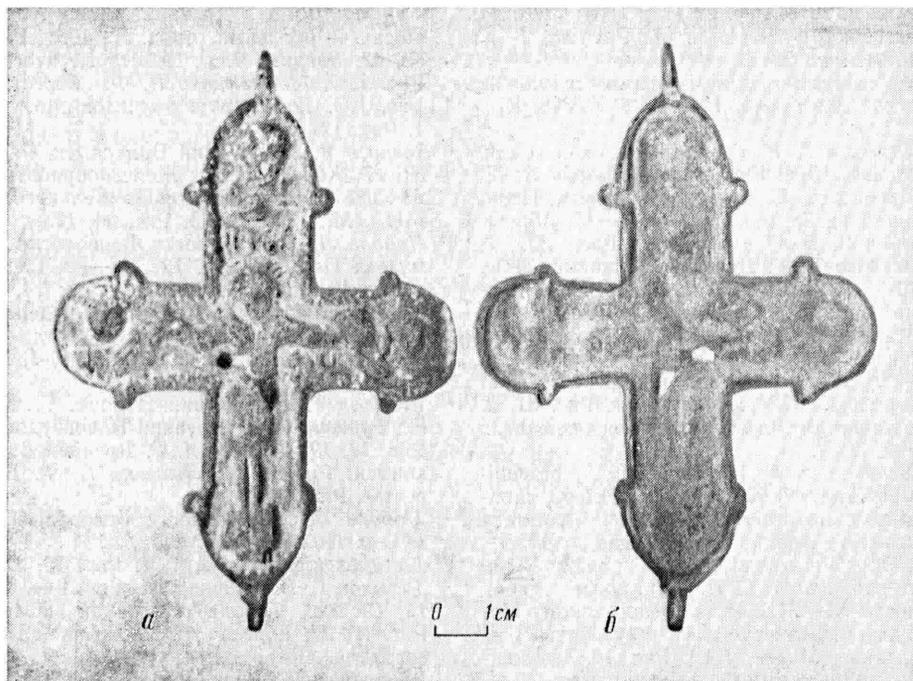
- Минск, 1975. Рис. 22 (тип IIA); Lietuvos archeologija. Т. 1. S. 87. Pav. 18, 1—3. S. 91. Pav. 22, 8.
- ⁹ Materiały starożytne i wczesnośredniowieczne. Warszawa, 1975. Т. 3. S. 326. Rys. 6, b, g.
- ¹⁰ Штыхов Г. В. Города Полоцкой земли. Минск, 1978. Рис. 20, 3; Поболь Л. Д. Древности Белоруссии в музеях Польши. Рис. 78, 6; 116, 3—5, 7—13; Малевская М. В. О датировке... Рис. 33, 1; Зверуго Я. Г. Древний Волковыск. Рис. 11, 4, 7, 9; Воронин Н. Н. Древнее Гродно. Рис. 16, 9; Лысенко П. Ф. Берестье. Минск, 1985. Рис. 177; Lietuvos archeologija. Т. 1. S. 60. Pav. 19, 1; Седова М. В. Ювелирные изделия древнего Новгорода, X—XV вв. М., 1981. Рис. 31, 2.
- ¹¹ Седова М. В. Ювелирные изделия... Рис. 30, 2.
- ¹² Szukiewicz W. Niektóre zabytki przedhistoryczne w pow. Lidzkim//Księga pamiątkowa na uroczystość setnej rocznicy urodzin Adama Mickiewicza (1798—1898). Warszawa, 1898. T. 2. S. 226, N 10; Коробушкина Т. Н. Курганные древности XI—XIII вв. в Белорусском Побужье//Древнерусское государство и славяне. Минск, 1983. Рис. 10, 6; Lietuvos archeologija. Т. 1. S. 90. Pav. 21, 1, 2; Седова М. В. Ювелирные изделия... Рис. 2, 10.
- ¹³ Lietuvos archeologija. Т. 1. Pav. 21, 20; 22, 14; Седова М. В. Ювелирные изделия ... Рис. 45, 12, 21.
- ¹⁴ Lietuvos archeologija. Т. 1. Pav. 14, 5.
- ¹⁵ Зверуго Я. Г. Некоторые итоги раскопок Волковыска//Древности Белоруссии. Минск, 1966. С. 285. Рис. 1, 3.
- ¹⁶ Гуревич Ф. Д. Древний Новогрудок: Посад — околный город. Л., 1981. Рис. 55, 12; Зверуго Я. Г. Некоторые итоги... Рис. 1, 5, 7; Лысенко П. Ф. Берестье. Рис. 163, 19; Lietuvos archeologija. Т. 1. Pav. 12, 5.
- ¹⁷ Зверуго Я. Г. Древний Волковыск. Рис. 31, 27; Колчин Б. А. Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого//МИА. М., 1959. № 65. Рис. 96, 12.
- ¹⁸ Поболь Л. Д. Древности Белоруссии в музеях Польши. Рис. 122, 16—22; Lietuvos archeologija. Т. 1. Pav. 12, 3; 14, 4; 15, 4; Седова М. В. Ювелирные изделия. Рис. 59, 13, 14.
- ¹⁹ Lietuvos archeologija. Т. 1. Pav. 6, 1, 2, 4, 5.
- ²⁰ Штыхов Г. В. Древний Полоцк. С. 60, 62; Гуревич Ф. Д. Древний Новогрудок... Рис. 12, 10; Зверуго Я. Г. Древний Волковыск. Рис. 9, 11; Лысенко П. Ф. Берестье. Рис. 160, 2.
- ²¹ Поболь Л. Д. Древности Белоруссии в музеях Польши. Рис. 105, 8, 9.
- ²² Lietuvos archeologija. Т. 1. Pav. 15, 5.
- ²³ Штыхов Г. В. Древний Полоцк. Рис. 18, 12; Он же. Города Полоцкой земли. Рис. 17, 22; Гуревич Ф. Д. Древний Новогрудок... Рис. 54, 8; Зверуго Я. Г. Древний Волковыск. Рис. 9, 15; Лысенко П. Ф. Берестье. Рис. 160, 3; Lietuvos archeologija. Т. 1. Pav. 2, 7; 3, 10.
- ²⁴ Поболь Л. Д. Древности Белоруссии в музеях Польши. Рис. 83, 1.
- ²⁵ Lietuvos archeologija. Т. 1. Pav. 11, 7, 8.
- ²⁶ Колчин Б. А. Железообрабатывающее ремесло... Рис. 9, 2.
- ²⁷ Лысенко П. Ф. Берестье. Рис. 151, 2, 6.

В. Г. ПУЦКО

СТВОРКА КРЕСТА-ЭНКОЛПИОНА ИЗ ГРАБЦЕВА

На территории земли вятичей при раскопках городищ не приходилось встречать кресты-энколпионы киевского типа с рельефными изображениями распятого Христа и Богоматери с младенцем. Поэтому исключительный интерес вызывает случайная находка верхней створки такого изделия в усадьбе Грабцево (северо-восточнее Калуги), около двух стоящих рядом церквей XVIII в.¹ В окрестностях Калуги, в районе впадающей в Оку р. Калужка, есть несколько курганов VI—VII вв., укрепленная усадьба XII в. и городское поселение². Существовало ли в этот же ранний период и поселение на месте Грабцева, неизвестно.

Створка, о которой пойдет речь (рис. 1), является частью четырехконечного энколпиона с округлыми концами (10,3×7,3 см). Найдена весной 1983 г.³ Каждая из створок была отлита отдельно и соединена с другой посредством шарниров на верхнем и нижнем концах. Вместе с оглавием энколпион достигал по высоте 12 см. Закругленные концы

Рис. 1. Створка креста-энколпиона из Грабцева. Калуга. Частное собрание
a — лицевая сторона; *б* — оборотная сторона

снабжены выступами (так называемые слезки), позволявшими после подтачивания граней и литейных швов более плотно соединить створки. На сохранившейся лицевой части энколпиона представлено изображение распятого Христа без выделения крестного древа, но с обозначением таблички над головой (титула) и подножия. Фигура почти прямая, с широко распростертыми руками, согнутыми в локтях, с окруженной нимбом головой, наклоненной к правому плечу. Нимб — с рельефным крестовидным делением. Нижняя часть фигуры от пояса до колен покрыта набедренной повязкой. В медальонах поперечной перекладины креста — погрудные изображения скорбящих Богоматери и юного Иоанна Богослова. В верхнем медальоне бюст бородатого святого (скорее всего Иоанна Предтечи). Изделие очень сильно патинизировано вследствие весьма длительного нахождения в земле, покрыто выступающими окислами.

Мелкие детали рельефных изображений неразличимы отнюдь не из-за физической изношенности энколпиона или же коррозии металла: створка отлита в глиняной форме по оттиску более раннего оригинала. Литье с техническим браком — двумя довольно большими отверстиями неправильной формы в нижней части средокрестья, образовавшимися вследствие неравномерного распределения бронзы в литейной форме. Рельефные изображения не обнаруживают следов дополнительной ручной обработки резцом, которые обычно бывают различимы даже в тех случаях, когда изделие покрывает более плотный слой патины. Примером этого, в частности, может служить неопубликованный энколпион из с. Мазуринцы Кременецкого р-на Тернопольской обл. (рис. 2; размеры 8×6,5 см). Последний заслуживает внимания не только потому, что представляет еще одну находку и на нем вполне различимы нанесенные

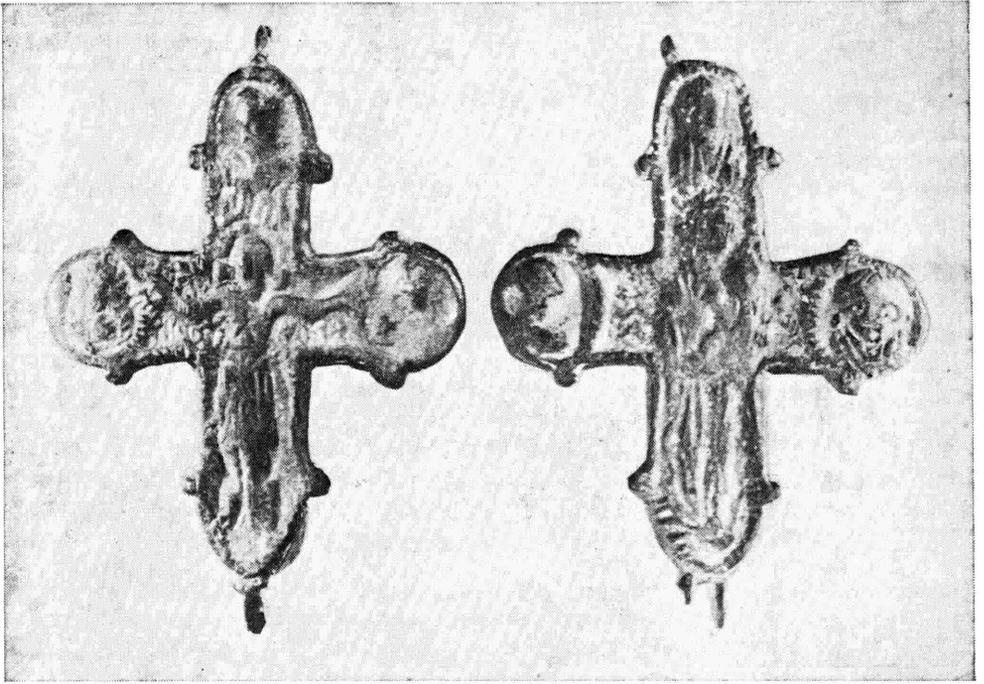
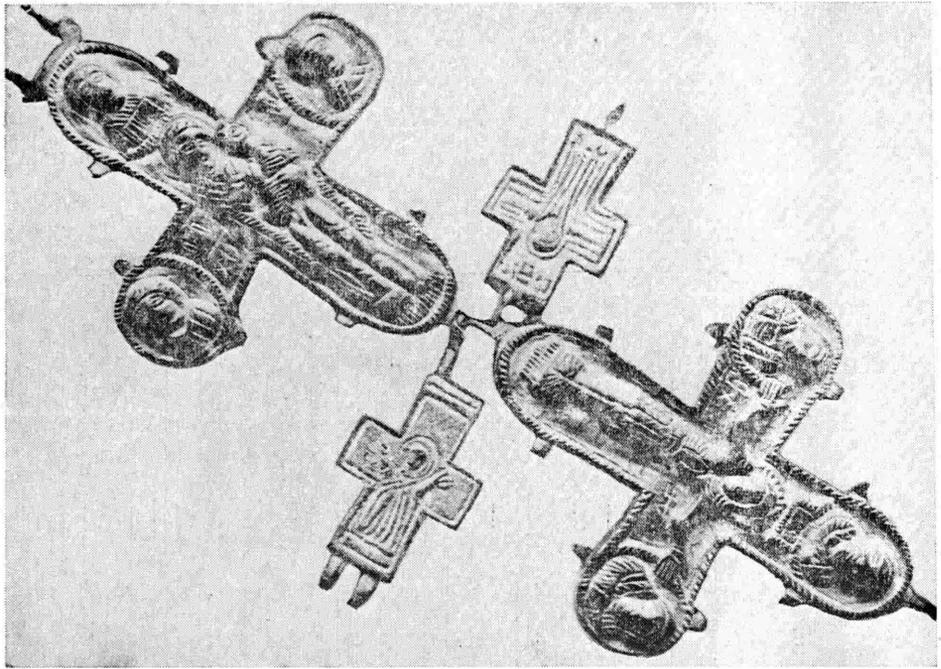

Рис. 2. Крест-энколпион из с. Мазурицы. Кременец. Краеведческий музей

резцом сопроводительные надписи. Это такой же вторичный отливоч, как и створка креста из Грабцева, по оттиску в глине, но с несколько иной интерпретацией деталей. Достаточно указать хотя бы на положение головы распятого Христа, приближающее изображение к типу Христа-триумфатора. Не следует упускать из вида обстоятельство, что кременецкий энколпион происходит из западнорусских земель — района сбыта продукции киевских ремесленников XII—XIII вв.⁴ В Северной Руси обнаружено лишь два энколпиона этого же типа, но относящихся к рельефно-черневой группе — в Новгороде и Белоозере⁵. Единственная находка в Северо-Восточной Руси фрагментарно сохранившейся верхней створки рельефного креста-энколпиона, подобной происходящей из Грабцева, связана с Ярополчем Залесским⁶. Аналогичные изделия были отнесены Г. Ф. Корзухиной ко второй половине XII в.⁷

В процессе систематизации обширного, в настоящее время довольно разбросанного материала В. Н. Зоценко выявил 64 киевских креста-энколпиона интересующего нас типа, включая как рельефные, так и рельефно-черневые изделия⁸. Что касается общего количества произведений, то оно, конечно, значительно больше: при проведенном подсчете остались не учтенными некоторые музейные коллекции, правда, депортированных образцов; выявляются и новые экземпляры, один из которых представляет публикуемый. В идеале следовало бы осуществить издание всех крестов энколпионов, что позволит разграничить не только их отдельные виды, но и оригинальные, а также полученные путем отпечатка в глиняной форме отливки.

Несмотря на то, что в Грабцева найдена лишь верхняя створка креста-энколпиона, представить его внешний вид в целом довольно легко, поскольку существует достаточно много аналогичных изделий, причем значительно лучшего качества. Достаточно указать хотя бы на нижнюю

Рис. 3. Крест-энколпион из окрестностей Книна. Сплит. Музей хорватских археологических памятников

створку креста-энколпиона с Выползовского городища в Козелецком р-не Черниговской обл.⁹ Едва ли не наиболее примечательным из всех известных нам экземпляров рельефной группы крестов-энколпионов рассматриваемого типа является происходящий из окрестностей Книна (средняя Далмация), ныне хранящийся в Музее хорватских археологических памятников в Сплите (рис. 3)¹⁰. На лицевой стороне этого изделия — аналогичная рельефная композиция, но полученная при литье в каменной форме; резцом выполнены только сопроводительные надписи. Естественно, в такой же технике выполнена и другая створка, с фигурой стоящей в рост Богородицы, склонившей голову к младенцу, которого она держит на левой руке, приложив правую к груди. В трех медальонах — бюсты святых без сопроводительных надписей и типологических признаков, которые могли бы позволить идентифицировать изображения. Тенденция к усилению массивности фигур, сопутствующая появлению грубоватой выразительности рельефа, сочетается с хорошей моделировкой объема и стремлением к широким обобщениям. Как бы стремясь избежать гладкой поверхности рельефа, мастер покрывает фигуры чисто декоративной штриховкой, усиливающей их выразительность. Изображение в рост Богородицы с младенцем соответствует иконографическому типу Перивлепты, сделавшемуся очень популярным в Византии после победы над арабами, одержанной Романом III Аргиром в 1030 г. и воспринятой как помощь носимой в поход иконы Богородицы. Император построил в ее честь монастырь в Константинополе и приказал чеканить изображения Богородицы Перивлепты на монетах¹¹. По-видимому, следствием указанного события стало появление отмеченного образа на крестах в Византии, а с третьей четверти XI в. — и в Киеве. По стилистическим признакам сплитский экземпляр, обнаруживающий

черты общности с киевской бронзовой иконкой того же времени¹², может быть отнесен именно к тем же десятилетиям.

Установление времени и места происхождения оригиналов, служивших моделью для получения повторных отливок (пусть даже и не непосредственно), при изучении образцов древнерусского литья совершенно необходимо. Пока что в большинстве случаев исследователям приходилось ограничиваться типологической классификацией киевских крестов-энколпионов, выделяя их видовые варианты. Однако общий состав изделий, почти постоянно пополняемый ранее неизвестными экземплярами, сейчас уже требует более дифференцированного подхода. Необходимой оказывается и проверка принятых датировок, опять-таки с учетом новых находок, в первую очередь археологических. Возникновение модели рассматриваемого креста-энколпиона вряд ли можно относить к началу XI в. Если судить по экземпляру из окрестностей Книна (а более ранние нам неизвестны), то скорее можно говорить о середине того же столетия. Это вполне согласуется с данными археологии: в слоях, более ранних, чем середина второй половины XI в. (в 1978 г. в Киеве, по ул. Рейтарская, 36—38), подобные энколпионы пока не обнаружены, тогда как в слоях конца XI — начала XII в. они найдены и в Киеве, и в Новгороде.

Остается сказать еще несколько слов относительно датировки «вторичных» крестов-энколпионов, типологически идентичных створке из Грабцева. Имеем в виду, конечно, подъемный материал. находка из Ярополча Залесского происходит из слоя сгоревшей наземной жилой постройки XII в. При раскопках киевского Подола в 1975 г. был обнаружен в слое XII — начале XIII в. деформированный в пожаре фрагмент нижней створки с рельефной фигурой Богородицы с младенцем¹³. Тем самым косвенно устанавливаем дату бытования изделий. Время изготовления опережает ее на несколько десятилетий, и следовательно, хронологические рамки второй половины XII в. остаются вполне приемлемыми. Появление нового типа киевских крестов-энколпионов, с обратной надписью, изготовлявшихся в XIII в. в большом количестве¹⁴, по-видимому, положило конец производству изделий, восходивших к киевскому оригиналу XI в. Во всяком случае о копировании в позднейшее время этой модели нам ничего неизвестно.

¹ Об усадьбе Грабцево см.: *Фехнер М.* Калуга. Боровск. М., 1972. С. 159—166.

² *Четыркин И. Д.* Городища, на которых по преданию находилась в древности Калуга//Изв. Калужской ученой архивной комиссии. Калуга, 1897. № 5. С. 5—10.

³ Собственность А. С. Ларина (Калуга), которому приношу благодарность за разрешение изучить и издать находку.

⁴ *Зоценко В. Н.* Об одном типе древнерусских энколпионов//Древности Среднего Поднепровья. Киев, 1981. С. 119.

⁵ *Седова М. В.* Ювелирные изделия древнего Новгорода, X—XV вв. М., 1981. С. 55, 57. Рис. 18, 3, 4; *Голубева Л. А.* Вещь и славяне на Белом озере X—XIII вв. М., 1973. С. 114.

⁶ *Седова М. В.* Ярополч Залесский. М., 1978. С. 117. Табл. 12, 10.

⁷ *Корзухина Г. Ф.* О памятниках «корсунского дела» на Руси//Византийский временник. М., 1958. Т. 14. С. 133. Табл. II, 12.

⁸ *Зоценко В. Н.* Об одном типе древнерусских энколпионов. С. 116.

⁹ Там же. С. 117. Рис. 3.

¹⁰ *Karaman Lj.* Pregled umjetnosti u Dalmaciji: Od doseljenja hrvata do pada Mletaka. Zagreb, 1952. S. 28. Sl. 32. Пользуюсь случаем выразить признательность проф. М. Зекану за предоставление фотоснимка креста-энколпиона.

¹¹ *Fagerlie J. M.* Milliaresion of Romanus III and nomisma of Michael IV//Museum Notes. N. Y., 1964. V. XI. P. 227—236.

¹² *Пуцко В. Г.* Русская путевая икона XI в.//Памятники культуры. Новые открытия: Ежегодник 1981. Л., 1983. С. 199—206.

¹³ *Гупало К. М., Івакін Г. Ю., Сагайдак М. А.* Дослідження кївського Подолу (1974—1975 рр.)//Археологія Київ: Дослідження і матеріали. Київ, 1979. С. 62. Рис. 19.

¹⁴ *Рыбаков Б. А.* Ремесло древней Руси. М., 1948. С. 455, 456, 527—529.

БЕРЕСТА С РИСУНКОМ ИЗ КРЕМЛЯ ПЕРЕЯСЛАВЛЯ РЯЗАНСКОГО

Открытие берестяных грамот в Новгороде, Старой Руссе, Смоленске, Пскове и других древнерусских городах заставило обратить внимание исследователей на возможность существования аналогичных грамот и в Рязанском крае. Находки подобных грамот для Рязани имели бы большое значение, так как местные летописи не сохранились, а в общерусских летописных сводах встречаются лишь отрывочные сообщения о событиях в Рязанском княжестве.

Косвенно о том, что в Рязанской земле существовали берестяные грамоты, говорят находки писал. Они встречены в Старой Рязани, Вышгороде и других городах¹.

В 1952 г. близ д. Щигрово Рязанского р-на найден клад серебряных изделий и гривен новгородского типа. Вещи были завернуты в бересту и вложены в медный котел. На плохо сохранившейся бересте замечены процарапанные значки, крестики и буквы². Это было первое известие о существовании в Рязанской земле берестяных грамот.

Небольшие исследования, проведенные В. А. Городцовым, Н. П. Милоновым, А. Л. Монгайтом, охранные раскопки экспедиции Рязанского историко-архитектурного музея-заповедника на территории рязанского кремля не дали находок берестяных грамот, хотя почвенные условия довольно благоприятны для сохранения органики — в культурном слое хорошо консервируются дерево, кожа, береста³.

В августе 1978 г. в фонды Рязанского музея-заповедника поступил разорванный на две части берестяной свиток (боковая часть туска), обнаруженный при рытье водопроводной траншеи во дворе дома 37 по ул. Рабочих (юго-восточная часть кремля)⁴. В результате опроса рабочих выяснено, что береста найдена в отвале траншеи, глубина которой была более 2 м, здесь же собрано большое количество щепы, обрывков бересты, фрагменты керамики XIV—XVII вв. Стратиграфических данных об условиях нахождения бересты получить не удалось.

Береста представляет собой прямоугольник размерами 32,5×11,5 см. По трем краям берестяного полотна пробиты отверстия для крепления дна и соединения концов бересты между собой. На каждой из боковых сторон имеется по 14 отверстий, расположенных в два ряда, а на третьей ее стороне — следы 15 отверстий, предназначенных для крепления дна туска.

На бересте четко виден прочерченный рисунок (по манере исполнения, безусловно, детский), изображающий бытовую сцену (рис. 1). Это всадник на коне, держащий в руках поводья. Седло не изображено, но хорошо прочерчено стремя. Голова лошади непропорционально мала, но заметны морда и ухо животного. Туловище лошади сильно удлинено. Хорошо прорисована голова всадника без головного убора. Его одежда намечена беспорядочными штрихами. На лице видны большие закрученные усы. Рот показан двумя точками, а рука и левая нога, находящаяся в стремени, — небрежными штрихами. Лошадь впряжена в волокуши, на которых сидит человек в остроконечном головном уборе, — возможно, это изображение женщины. Ее глаза намечены двумя точками, рот и нос — штрихами, щеки — двумя галочками (рис. 2).

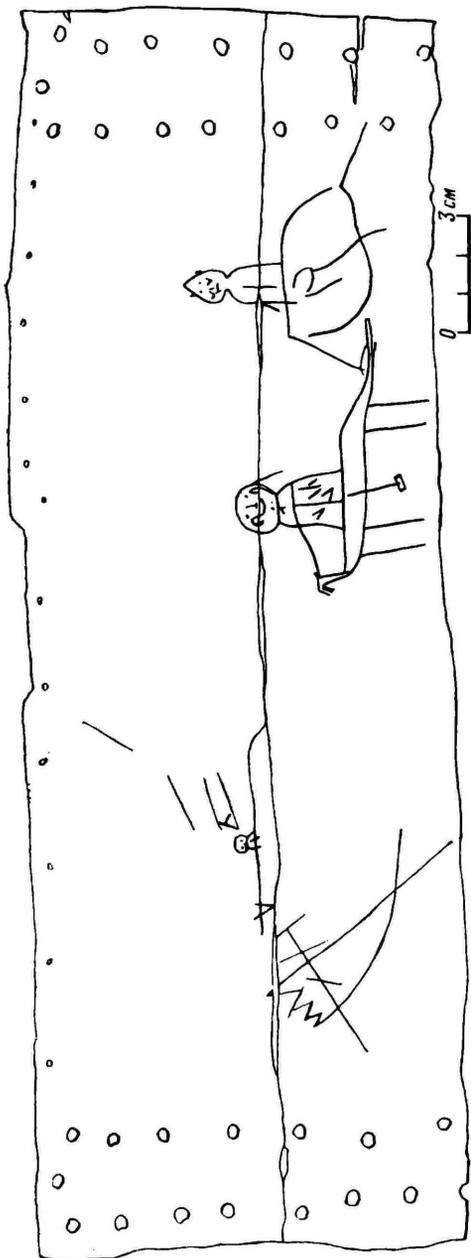
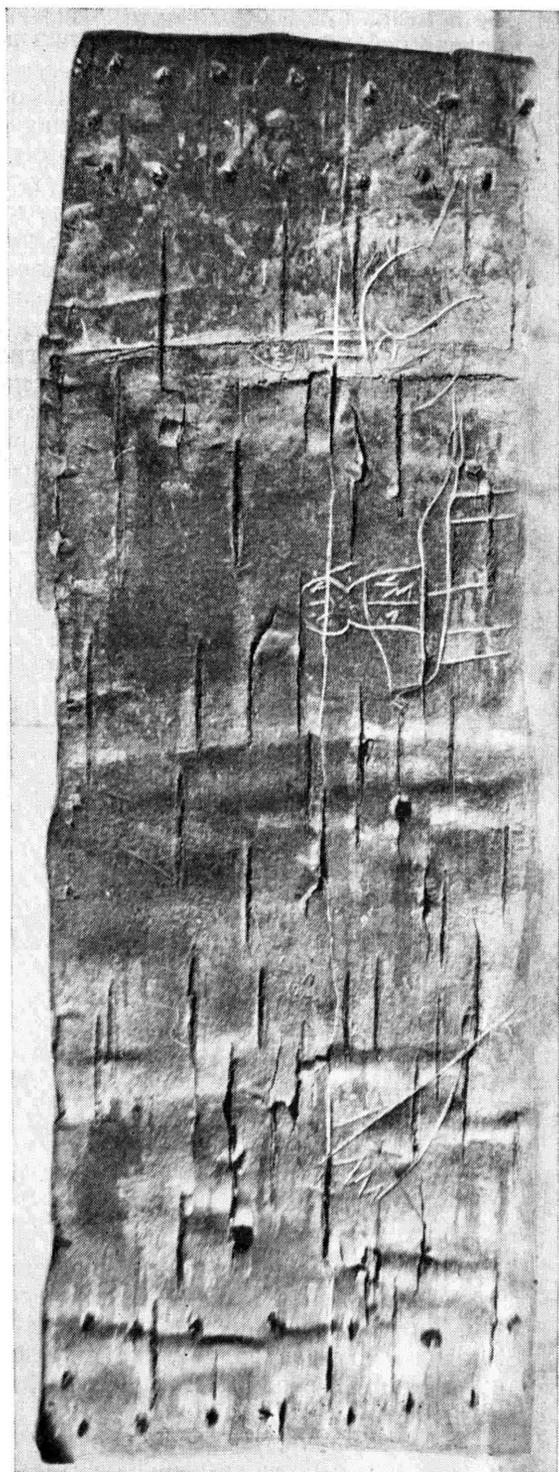

Рис. 1. Прорисовка рисунка на бересте

→
Рис. 2. Береста с рисунком

В левой части бересты — поясное изображение третьего человека, вероятно ребенка. Там же процарапан восьмиконечный крест, находящийся в руке.

Ближайшие аналогии рисунку на бересте из Переяславля Рязанского есть в Новгороде. Здесь в раскопках 1956 г. найден ряд детских рисунков, выполненных мальчиком Онфимом⁵. Наиболее близкий рязанскому по стилю рисунок имеется на бересте № 200. Рука, держащая крест, на рязанской бересте изображена с четырьмя пальцами. В Новгороде человеческие руки начертаны с тремя, шестью, восемью пальцами. Близко к новгородским рисункам изображены человеческие фигуры и лошадь.

В связи с неясностью стратиграфии находки возможности ее точной датировки ограничены. Но используя наблюдения, сделанные в результате археологических работ на других участках кремлевской платформы, можно констатировать, что в большинстве случаев на глубине 1,5—2 м от дневной поверхности залегают напластования XIII—XIV вв.⁶ Новгородские аналогии рязанскому рисунку А. В. Арциховский датировал рубежом XII—XIII вв.⁷ Таким образом, можно предположить, что береста с рисунком из рязанского кремля относится к XIII—XIV вв.

¹ Монгайт А. Л. Рязанская земля. М., 1961. С. 197. Рис. 82; *Он же*. Старая Рязань//МИА. М., 1955. № 49. С. 181. Рис. 40; Петруцкий А. А. Новые материалы по истории Романово-Борисоглебского городища Рязанской обл.//СА. 1979. № 2. С. 275. Рис. 1, 1.

² Ерохин В. С. Шигровский клад//КСИ-ИМК. М., 1954. Вып. 53. С. 145—147.

³ Милонов Н. П. Разведки 1929—1930 гг. в Переяславле Рязанском//ПИДО. Л., 1935. № 5/6; Монгайт А. Л. Рязанская земля. С. 162—189; Челяпов В. П. Отчет о раскопках и разведках на территории Спасского и Рязанского районов Рязанской обл. в 1981 г.//Архив ИА. Р-1. № 8501.

⁴ Фоломеев Б. А., Гласко М. П., Свирина А. Б., Трусов А. В., Челяпов В. П., Чернай И. Л. Работы в бассейне средней Оки//АО 1978 г. М., 1979. С. 102.

⁵ Арциховский А. В. Берестяные грамоты мальчика Онфима//СА. 1957. № 3; Арциховский А. В., Борковский В. И. Новгородские грамоты на бересте: Из раскопок 1956—1957 гг. М., 1963.

⁶ Кузьмин А. Г. Некоторые данные по топографии и археологии кремля Переяславля Рязанского//Краеведческие зап. Рязань, 1959. С. 94—105.

⁷ Арциховский А. В. Берестяные грамоты... С. 217.

Е. Н. НОСОВ, Л. С. РОЗАНОВА

ТЕХНОЛОГИЯ ОБРАБОТКИ ЖЕЛЕЗА НА ПОСЕЛЕНИЯХ ПРИИЛЬМЕНЬЯ В IX—X ВВ.

Изучение железообрабатывающего производства у сельского населения Приильменя в конце I тысячелетия н. э. представляет значительный интерес в связи с поисками истоков знаний в кузнечном ремесле Новгорода, характер, техника и технология которого нам хорошо известны благодаря работам, проводившимся еще в 50-х годах Б. А. Колчиным.

Б. А. Колчин, исследовав с помощью металлографического метода многочисленный железный инвентарь, бытовавший в Новгороде с середины X до середины XV в., сделал вывод о высоком профессионализме новгородских ремесленников — изготовителей разнообразной кузнечной продукции¹. В своей практике они освоили все основные приемы техни-

киковки, сварки, пайки и термической обработки уже на самом раннем этапе истории города. Среди производственных технологий предпочтение отдавалось наиболее сложной — технологии трехслойного пакета, требовавшей от кузнеца такого профессионального умения и опыта, что выполнение ее было под силу только высококвалифицированному мастеру.

Исходя из того, что был необходим опыт многих поколений, чтобы освоить и оценить среди других технологических вариантов технологию многослойной сварки, Б. А. Колчин высказал предположение, что переход к новой сложной технике должен был произойти в VII—VIII вв.

Изучение обработки железа на поселениях новгородской округи, датируемых концом I тысячелетия н. э., позволит выяснить ряд важных историко-технологических вопросов, в частности, уточнить время появления развитой техники в указанном регионе и наметить направление ее истоков, что в конечном итоге даст ключ к пониманию становления железообрабатывающего ремесла в древней Руси в целом.

Мы располагаем материалами трех поселений, относящихся в основном к IX в. Это селище Золотое Колено, расположенное в среднем течении р. Мста, рядом с самой крупной из известных в Поместье групп сопок (17 насыпей), городище Сельцо на р. Ларинка в нижнем течении р. Пола и укрепленное поселение Холопий городок на правом берегу р. Волхов, несколько севернее Новгорода. Судя по наиболее массовому материалу — лепной керамике, все три памятника относятся к культуре сопок.

Объектом изучения послужила коллекция железных изделий, в состав которой вошли разнообразные орудия труда и оружие (табл. 1). Особый интерес представляет клад сельскохозяйственных орудий IX в. из Холопьяго городка (рис.)².

В основу исследования положен метод металлографического анализа.

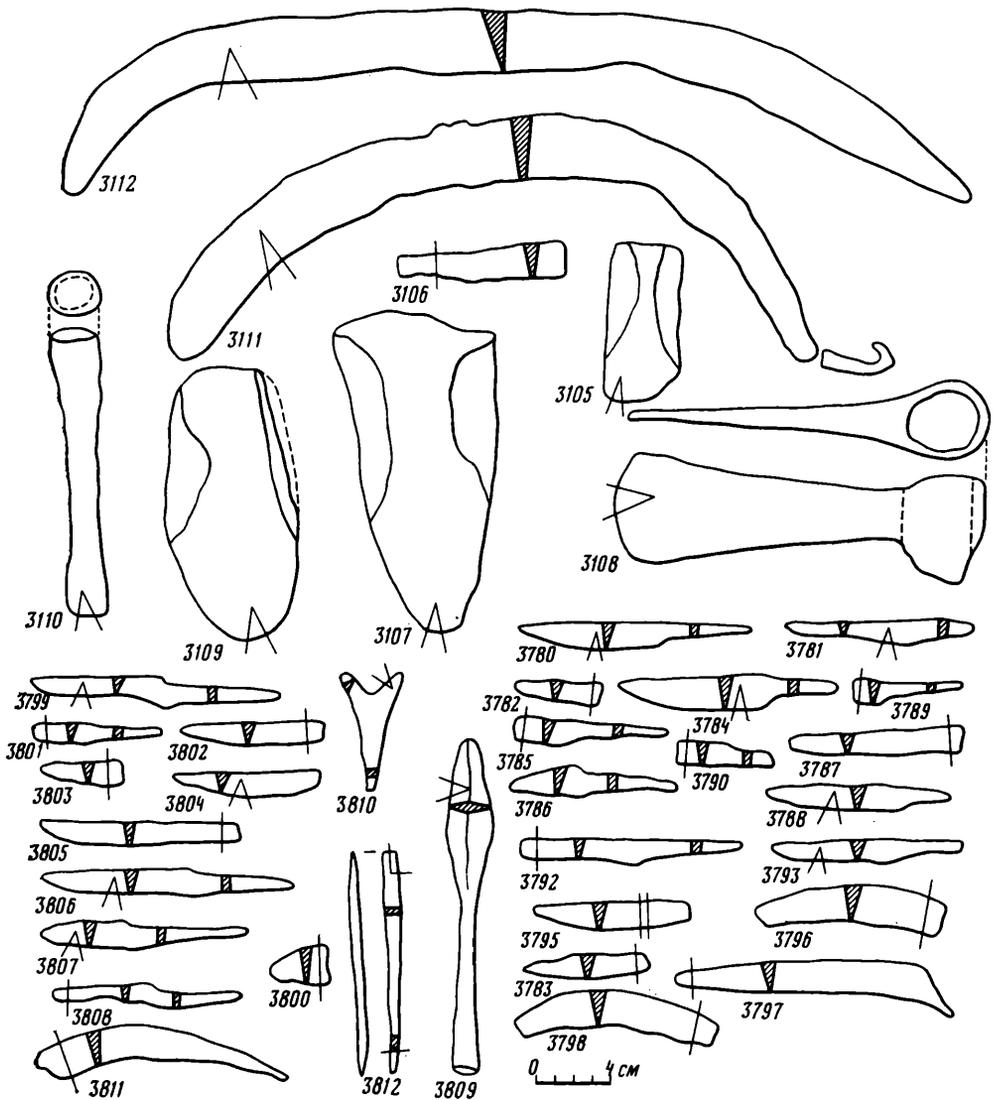
Среди факторов, определяющих уровень ремесла, одно из главных мест принадлежит технологии производства основных видов орудий труда и инструментария. При микроскопическом исследовании установлено применение шести технологических схем (табл. 2).

Подавляющее большинство (80%) изделий изготовлено по простым схемам. Целиком из железа и малоуглеродистой стали (практически железа) без дополнительных операций по улучшению рабочей части изготовлена 1/3 исследованных предметов (32,5%). Применение этой технологии прослеживается на всех памятниках. К простому технологическому варианту относится цельностальная конструкция, зафиксированная на трех ножах поселения Золотое Колено. Эта технология охватывает 7,5% всех исследованных изделий.

Среди простых технологических конструкций наиболее представительную группу составляют изделия, изготовленные из металллолома и отходов производства. Заготовкой служил пакетный металл, сваренный из полос железа и малоуглеродистой стали (40%). Эта технология использовалась кузнецами всех трех поселений (табл. 3).

Как показывают аналитические данные по Восточной Европе, прослеженные технологии архаичны: они являются ведущими в кузнечном производстве раннего железного века и раннего средневековья.

Из сложных технологических конструкций, применявшихся на поселениях, обнаружены схемы наварного и вварного лезвия. Материалом для наварного лезвия служила опять-таки малоуглеродистая сталь (ан. 3795). При вварной технологии материалом для рабочей части служила не стальная, как обычно, заготовка, а железная с повышенной твердостью, равной твердости высокоуглеродистой стали, полученной за

Рис. Поселения Прильменя. Предметы, подвергшиеся металлографическому исследованию

Цифры соответствуют номерам анализов: 3105—3112 — Холопий городок; 3780—3798 — селище Золотое Колено; 3799—3812 — городище Сельцо

счет концентрации в ней фосфора (ан. 3106, 3110, 3783, 3800, 3803, 3811). Факт использования высокофосфорного железа в виде тонких пластинок-вставок не является особенностью местного производства. Технология высокофосфорных вставок прослежена на наконечниках копий у пруссов, известна на памятниках ФРГ³.

Важным показателем для определения уровня железообрабатывающего производства служит характер используемого поделочного материала. Основным сырьем, как показало микроскопическое исследование, являлись сырдутное железо и малоуглеродистая сырцовая сталь, полученная случайно в горне во время металлургического процесса. Доля такого материала составляет 87,5%. Железо применялось двух

Таблица 1
Категории железных изделий с поселений Приильменья

Памятник	Ножи	Серпы	Косы	Топоры	Сош-ники	Тесла	Пешни	Шилья	Наконечники		Всего
									стрел	копий	
Сельцо (городище)	9	1	—	1	—	—	—	1	1	1	14
Холопий городок (клад)	1	—	2	1	2	1	1	—	—	—	8
Золотое Колено (селище)	16	2	—	—	—	—	—	—	—	—	18
<i>Итого:</i>	26	3	2	2	2	1	1	1	1	1	40

Таблица 2
Применение технологических схем к различным категориям железных изделий

Технология	Ножи	Серпы	Косы	Топоры	Сош-ники	Тесла	Пешни	Шилья	Стрелы	Копья	Всего
Целиком из железа	7	—	—	—	1	1	—	1	—	1	11
Целиком из сырцово-вой стали	1	(1)*	1	—	—	—	—	—	—	—	3 (1)
Целиком из высокоуглеродистой стали	(3)	—	—	—	—	—	—	—	—	—	3 (3)
Пакетный металл	11	1	(1)	(1)	(1)	—	—	—	1	—	16 (3)
Вварка	3	1	—	1	—	—	1	—	—	—	6
Наварка	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1
<i>Итого:</i>	26	3	2	2	2	1	1	1	1	1	40 (7)

* В скобках указано количество термообработанных изделий.

Таблица 3
Применение технологических конструкций на памятниках Приильменья

Памятник	Дата (ав.)	Количество изделий	Железо	Малоуглеродистая сталь	Пакетный металл	Высокоуглеродистая сталь	Вварка	Наварка	В том числе термообработаны
Сельцо (городище)	IX—X	14	7	—	4	—	3	—	—
Холопий городок (клад)	IX	8	2	1	3	—	2	—	3
Золотое Колено (селище)	IX	18	2	2	9	3	1	1	4
<i>Итого:</i>		40	11	3	16	3	6	1	7

сортов: мягкое и твердое. Твердость достигалась за счет высокого содержания в железе фосфора, переходящего в металл из руд во время его выделки. Фосфор — очень вредная примесь, препятствующая науглероживанию железа. Высокая концентрация фосфора в железе, по-видимому, создавала трудности в получении специальной цементованной стали,

которую местные кузнецы имели, судя по нашим данным, в очень ограниченном количестве. Процент использования цементованной стали в качестве сырья крайне незначителен. Всего в трех случаях из 40 зафиксировано применение высокоуглеродистой стальной заготовки. Длительная практика работы с высокофосфорным железом, не уступающим по твердости качественной стали, позволяла отдельным кузнецам использовать его при технологических конструкциях вместо стального материала.

Еще одним показателем уровня железообработки служит качество выполнения кузнечных операций. Как установлено результатами исследования, качество исполнения значительного большинства изделий невысокое, о чем свидетельствуют большое количество неметаллических включений в металле, широкие сварочные швы, забитые шлаками, нарушение при ковке и сварке температурного режима, проводимого в зоне высоких температур.

Итак, отсутствие четко отработанных схем при изготовлении однотипных изделий, низкое качество исполнения, неширокий круг технических приемов, включающий простые технологические схемы, дают основание считать, что исследованные предметы являются продукцией догородского ремесла и что отковавшие изделия кузнецы были универсальными мастерами, умевшими изготавливать все необходимые поковки, используя несложные приемы.

Сравнение исследуемых изделий с аналогичными категориями из нижних горизонтов Новгорода выявляет существенные различия в технике и технологии их изготовления. Для новгородского ремесла, судя по работам Б. А. Колчина, типично изготовление большинства изделий и особенно ножей только в технологии трехслойного пакета⁴. Характерными особенностями ремесла сельских поселений Приильменя IX в. следует считать изготовление кузнечной продукции из железа, сырцової стали и пакетного металла (металлолома), практическое отсутствие специально полученной стали, сильную загрязненность металла, использование варки и наварки.

Таким образом, способы обработки железа на поселениях Приильменя в IX—X вв. были довольно архаичны и традиционны для догородского ремесла. Указанные различия в кузнечном ремесле приильменских поселений IX—X вв. и Новгорода X—XI вв. свидетельствуют о принципиальных изменениях в ремесленном производстве, произошедших в канун становления города.

¹ Колчин Б. А. Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого. // МИА. М.; Л., 1959. № 65.

² Носов Е. Н. Археологические памятники Новгородской земли VIII—X вв. // Археологические исследования Новгородской земли. Л., 1984. С. 97; Конецкий В. Я., Носов Е. Н. Загадки Новгородской округи. Л., 1985. С. 21, 22.

³ Кулаков В. И., Толмачева М. М. Техно-

логия изготовления копий пруссов: По данным могильника Ирзекапиннс // КСИА. М., 1986. Вып. 190; Thomsen R. Metallografische Untersuchungen an drei vikingerzeitlichen Eisenäxten aus Haithabu // Berichte über die Ausgrabungen in Haithabu. Neumünster, 1971. Bericht 5. S. 30—56.

⁴ Колчин Б. А. Железообрабатывающее ремесло... С. 101.

КУЗНЕЧНЫЕ ИЗДЕЛИЯ САЛТОВО-МАЯЦКОЙ КУЛЬТУРЫ ПО МАТЕРИАЛАМ ЮТАНОВСКОГО МОГИЛЬНИКА

Ютановский могильник расположен в Волоконовском р-не Белгородской обл., на правом берегу р. Оскол. Он принадлежит к аланскому лесостепному варианту салтово-маяцкой культуры, датируется второй половиной VIII — началом X в. Могильник входит в единый археологический комплекс с селищем и городищем. Раскопки ведутся Г. Е. Афанасьевым, которого автор благодарит за предоставление материалов для исследования. На городище и селище пока не обнаружены железные изделия, пригодные для структурного анализа. Исследуемую коллекцию составляют железные изделия из катакомбных погребений могильника. Материал представлен в основном предметами вооружения и конского снаряжения. Орудий труда и бытовых находок мало, инструменты отсутствуют. Сохранность черного металла в Ютановском могильнике, как, впрочем, и на других памятниках салтовской культуры, неудовлетворительная: изделия сильно коррозированы, и металл, пригодный для исследования, сохраняется только в срединной их части. Для микроскопического изучения отобрано семь топоров-секир, девять тесел-мотыжек, два обломка ножей, два стремени, два псаля, две пряжки, одна оковка седла, одно кольцо от конской упряжки, три фрагмента скрепляющих скоб. Исследование проводилось по методике, разработанной Б. А. Колчиным¹.

Изучение топоров-секир позволило выделить пять основных технологических приемов при изготовлении этого вида оружия (рис.). Сохранность топора 3702 плохая, режущий край утрачен. Микроскопическое исследование показало, что лезвийная часть откована из грубого кричного железа (микротвердость 160—193 кг/кв. мм). Это самый простой технологический прием при изготовлении железных изделий. Кузнечные операции при нем ограничиваются выведением формы поковки. Два топора (3699, 3701) изготовлены с применением поверхностной цементации. Секира 3699 была подвергнута двустороннему науглероживанию. Вдоль одной ее плоскости глубина цементированного слоя и содержание углерода в нем незначительны (0,1—0,2%, микротвердость 221 кг/кв. мм). Вдоль другой плоскости слой стали шире, она восприняла закалку (микротвердость 322—350 кг/кв. мм). На острие топора цементированный слой, видимо, стерся в результате эксплуатации. Сохранность лезвия секиры 3701 неудовлетворительная. Микроскопическое исследование фиксирует цементацию только вдоль одной плоскости топора. В центральной части стальной полосы наблюдается участок классической картины цементации — постепенный переход от чистого феррита к перлитной структуре с содержанием углерода 0,8% (микротвердость 193—274 кг/кв. мм). Технология цементации отражает более целенаправленный подход к изготовлению изделий, однако процесс этот трудоемкий и требует значительных временных затрат.

При изготовлении топора 3700 использована технология пакетной сварки. Топор состоит из четырех полос: двух железных и двух стальных. Сварка выполнена качественно. Полосы стали, видимо, выходили на рабочий край. Изделие прошло местную термическую обработку в

холодной воде. Наблюдается переход закаленных структур от мартенсита (микротвердость 572 кг/кв. мм) к мартенсито-трооститу (микротвердость 514 кг/кв. мм), а затем к сорбиту (микротвердость 383 кг/кв. мм). Технологию изготовления двух секир (1714, 1944) можно рассматривать как наварку, а можно трактовать как частный случай пакетной сварки. Однако при исследовании секиры 1714 были взяты пробы в разных местах корпуса, которые свидетельствуют, что все части корпуса откованы из единой монолитной болванки железа (микротвердость 160—181 кг/кв. мм). И только щеки были укреплены двумя полосами стали. Конечной операцией при изготовлении этой секиры была закалка (микротвердость стали 295—322 кг/кв. мм). На лезвии топора 1944 стальные полосы также наварены с двух сторон с выходом одной из них на режущий край. Структура наварной полосы на острие — крупноигльчатый мартенсит (микротвердость 350 кг/кв. мм), на незатронутых закалкой участках — феррито-перлит с содержанием углерода 0,1—0,2%, а выше — чистый феррит. Вероятно, полосу предварительно подвергли цементации, а затем ею укрепили лезвие. Наварная полоса вдоль другой плоскости имеет феррито-перлитную структуру с содержанием углерода 0,4%. Следовательно, закалка была местной, осуществлялась в холодной воде.

Лезвие секиры 3698 сварено из трех полос металла: в центре — сталь, по краям — железо. Структура стали — мелкоигльчатый мартенсит (микротвердость 826—646 кг/кв. мм). Судя по форме полосы, при изготовлении была использована технология вварки качественной стали в железную основу. Конечной операцией была закалка в холодной воде.

Топоры-секиры, откованные с применением сварки, технологически, с одной стороны, более сложны, с другой — более прогрессивны и функционально более оправданы. Изучение семи топоров-секир Ютановского могильника показывает, что в этой группе изделий преобладал металл хорошего качества: мелкозернистый и мелкодисперсный, шлаковые включения сильно вытянуты в результате длительнойковки; исключение представляет секира 3702, откованная в примитивной технологии (из простого железа).

По типологии, разработанной С. А. Плетневой для топоров-секир салтовской культуры², секиры 1714, 1944, 3698, 3699, 3700 относятся к отделу I (с молоткообразным обухом). Из них секиры 3698, 3699 относятся к типу 1 (с треугольным лезвием), а секиры 1714, 1944, 3700 — к типу 2 (лезвие с бородкой). К отделу II (с простым прямоугольным обухом) принадлежат секиры 3701, 3702: первая — типа 1 (с треугольным лезвием), вторая — типа 2 (лезвие с бородкой). Хронологически топоры-секиры отдела I более ранние: второй половины VIII — середины IX в. Отдел II датируется серединой IX — началом X в.³ Четкого соответствия между типологией и технологией изготовления не наблюдается, однако нетрудно заметить, оценивая технологическую целесообразность, что для секир отдела II избраны примитивные технологические решения (цельножелезные, односторонняя поверхностная цементация). Секиры отдела I отражают более целенаправленный подход кузнецов к функциональному назначению поковки.

Кузнечные приемы по конструированию корпуса топора-секиры состояли из выковки прямоугольного бруска заданных размеров. Отверстие для рукояти изготавливалось методом пробивки. Дальнейшие операции сводились к расковке лезвия, окончательной отделке формы, заточке. Для секир отдела I операции были более усложненными, так как молоткообразный обух требовал дополнительных работ. Здесь следует обратить внимание на тот факт, что молоткообразные секиры, независимо от лезвия (треугольное или с бородкой), не однотипны. С точки зре-

ния технического оформления обуха можно провести более дробную дефиницию отдела. Так, секира 3699 имеет короткий (длина 25 мм) обух круглого сечения. Отковка круглого в сечении обуха требовала дополнительной работы на оправках или вытягивания всего корпуса из круглого в сечении бруска. Толстая, почти шарообразная пятка секиры (диаметр 21 мм, толщина 11 мм) откована отдельно и присоединена к обуху методом кузнечной сварки. У секир 1714, 3698, 3700 обух, по сравнению с предыдущей, значительно удлиняется (от 40 до 55 мм) и имеет уже прямоугольное сечение. Пятка также присоединена к обуху с помощью кузнечной сварки, однако, оставаясь круглой в плане, она значительно уплощена (толщина 3,5—5 мм).

Секира 1944 представляет еще большее упрощение в технике выковки молоткообразного обуха. Ее длинный прямоугольного сечения обух составляет с пяткой единое целое. Припухлое молотковидное расширение пятки выполнено с помощью кузнечной операции осаживания всего обуха. Секира 1944 представляет собой последнее упрощение молоткообразных топоров. Следующий этап представлен секирой 3702, которая уже относится к отделу II.

Таким образом, в технике конструирования формы топора-секиры происходит дополнительный процесс упрощения кузнечных операций и отказ от дополнительных деталей формы. Процесс этот закономерен и характерен для большинства археологических категорий. Однако в области технологии изготовления топоров-секир также идет процесс упрощения: отказ от совершенных технологий и переход к примитивным. Процесс этот не является закономерным, обычно наблюдается обратное. Для решения этой проблемы наша серия исследований недостаточно представительна, и расширение базы исследования, возможно, приведет к поправке или объяснению этого явления.

Тесла-мотыжки представляют собой орудия труда, назначение которых определено по следам в катакомбах и связано с долблением и тесанием мелового грунта. Типология тесел-мотыжек не разработана, поэтому связать технологию изготовления с какими-либо изменениями в типе не представляется возможным. Металлографическое изучение девяти тесел-мотыжек показывает, что технология изготовления большинства из них может быть определена как пакетная сварка различных сортов железа и стали. Однако по подбору полос и их составу эту группу можно дифференцировать по видам.

Тесло 1943 отковано из нескольких полос железа, в центральной полосе наблюдается незначительная науглероженность (микротвердость 122—151 кг/кв. мм). Это изделие по техническим данным и рабочим качествам отражает самый низкий уровень в технологии изготовления.

Два тесла (1713, 3706) имеют в целом стальное лезвие. Оно получено у тесла 1713 сваркой двух стальных полос с содержанием углерода 0,3—0,4 и 0,4—0,5%, а у тесла 3706 — сваркой трех стальных полос приблизительно равного состава (0,5—0,7%). Оба тесла подвергнуты местной закалке в холодной воде (структуры мелкоигольчатого мартенсита, микротвердость тесла 1713—464 кг/кв. мм; 3706 — 514—642 кг/кв. мм). Тесло 3707 близко к цельностальным, хотя в центре помещена узкая полоска простого железа. Оно подвергнуто местной закалке в холодной воде (микротвердость мартенсита 464—642 кг/кв. мм). Возможно, оно побывало в огне, так как по краям изделия наблюдается выгорание углерода. Пакетную сварку тесел 3703, 3705, 3708 можно рассматривать как вварку стали в пакетную основу. У тесел 3703, 3708 вварены полосы, согнутые из пакетной заготовки.

Технологией изготовления тесел 1715, 3704 была наварка качественной стали на железную основу. У тесла 1715 наварена полоса вдоль одной плоскости лезвия, у 3704 — вдоль обеих плоскостей с выходом на острие. Закалка была произведена в холодной воде (структуры мелкоигольчатого мартенсита с микротвердостью у тесла 1715 — 464—514 кг/кв. мм, у 3704 — 460—1100 кг/кв. мм).

Анализ девяти мотыжек Ютановского могильника показывает, что основным технологическим приемом при изготовлении этого орудия была пакетная сварка. Обнаружены изделия, отражающие низкий технический уровень (1943), и одновременно — высококачественные (1715, 3704).

Универсальное орудие труда — ножи — представлены в коллекции двумя обломками неопределенной формы. Структурное исследование показало, что нож 1716 откован в технологии наварки и подвергнут местной закалке в мягкой среде (структура сорбит-закалки, микротвердость 322 кг/кв. мм). Нож 3709 откован из пакетного металла, состоящего из тонких полос железа и малоуглеродистой стали, в центральной части помещена полоса стали, способная воспринять закалку (микротвердость 297 кг/кв. мм). Хотя предметы сильно коррозированы, качество металла и сварочных работ очень хорошее.

Исследование предметов конской упряжи показывает, что стремяна (1709, 1710), оба псалия (1711А, Б), две пряжки (1708, 1712), оковка седла (1707) и кольцо (1705) откованы из сырцово-стали (содержание углерода 0,1—0,7%) или из железа с участками кричной науглероженности. Возможно, что заготовка для стремени 1710 была предварительно процементирована. Кольцо 1705 отковано из железа, на ребро жесткости наварена полоса малоуглеродистой стали. Фрагменты скоб (1706А, Б, В) изготовлены из сырцово-стали или пакетного металла. Все перечисленные предметы имеют видманштеттное строение, образующееся в результате перегрева изделия на заключительном этапековки или пребывания готового изделия в области высоких температур (в огне). Поскольку выковка столь разнородных предметов вряд ли происходила одновременно, то связывать это с ошибками кузнецов трудно. Интересно другое. Предметы с видманштеттной структурой найдены в одном и том же захоронении коня. Никаких следов огня в погребении не было. Псалии, стремяна, кольцо, оковка седла и фрагменты скоб (вероятно, тоже от седла) лежали кучкой в одном месте. На основании же микроскопического изучения можно полагать, что в ритуал захоронения коня входило предварительное помещение всех предметов конской упряжи в огонь.

Подводя итоги изучения коллекции железных предметов Ютановского могильника, можно сделать следующие выводы. Основным материалом для их изготовления служили железо и сырцовая сталь. Проковка заготовки была длительной, особенно тщательно ковали предметы вооружения и снаряжения всадника, мотыжки откованы более небрежно. Применение специально приготовленной качественной стали фиксируется только при изготовлении топоров-секир и тесел-мотыжек. Большое место среди технологических приемов занимает пакетная сварка. Технологические схемы, улучшающие качество лезвий (цементация, варка, наварка), также представлены. Все предметы конской сбруи откованы самым простым способом, что вполне соответствует их функциональному назначению.

Среди изделий, требующих улучшенного качества (топоры-секиры, тесла-мотыжки, ножи), обнаружены как примитивные, так и совершенные технологически.

Сравнивая полученные результаты изучения с данными металлографического исследования Нижне-Лубянского и Дмитриевского могильников, мы наблюдаем единство и однородность в технике и технологии изготовления железных изделий. Это свидетельствует о том, что кузнечное производство на лесостепной территории салтово-маяцкой культуры приобрело устойчивые черты, т. е. отличалось стабильностью.

¹ Колчин Б. А. Черная металлургия и металлообработка в древней Руси//МИА. М.; Л., 1953. № 32. С. 12—15.

² Плетнева С. А. От кочевий к городам. М., 1967. С. 137.

³ Там же. С. 142, 143.

Н. Н. ДЕМИЧЕВА

О ДАТИРОВКЕ ПАМЯТНИКОВ ДОМОНГОЛЬСКОГО ЗОДЧЕСТВА В ПСКОВЕ

В статье предпринята попытка датировки домонгольских храмов Пскова при помощи анализа строительных материалов.

В отличие от новгородских храмов, которые по преимуществу точно датируются летописью, датировка псковских церквей очень приближительна. О Спасо-Преображенском соборе Мирожского монастыря, например, летопись впервые упоминает под 1156 г., когда перечисляются постройки новгородского архиепископа Нифонта, занимавшего кафедру более 25 лет: «А Плескове церковь Святого Спаса съезда камяну»¹. Дореволюционные историки и датировали собор приблизительно 1156 г.² А. И. Некрасов тоже пишет, что «собор был вполне закончен в 1156 г.»³. Такой же точки зрения придерживается Ю. П. Спегальский⁴. Г. Алферова относит строительство собора к 1137—1138 гг., связывая его с именем Всеволода-Гавриила — князя, изгнанного из Новгорода и принятого псковичами в 1137 г.⁵ М. Н. Соболева датирует собор 1148—1149 гг. или более поздним временем (до 1154 г.), исходя из анализа Синодика Спасо-Мирожского монастыря, в котором первым вкладчиком назван Ярослав, княживший в Новгороде, как считает М. Н. Соболева, с 1148 по 1154 г.⁶ Она связывает строительство храма с конфликтом между греческой церковью, на стороне которой стоял Нифонт, и киевской, сторонницей самостоятельного развития. Таким образом, амплитуда датировки собора колеблется между 1137 и 1156 гг.

Второй сохранившийся в Пскове домонгольский храм — собор Иоанна Предтечи — исследован значительно меньше. Дореволюционные историки датировали его началом 40-х годов XIII в., так как в летописи он упоминается под 1243 г. как место погребения псковских княгинь⁷. Однако уже в довоенной советской историографии на основе сравнения постройки с новгородскими храмами первой половины XII в. появляются попытки датировать собор XII в. А. И. Некрасов, например, относит его к первой половине XII в.⁸ Ю. П. Спегальский более осторожен. Он пишет: «Возможно, к XII в. относится и собор Ивановского монастыря»⁹. Этот исследователь считает, что первые каменные храмы появились в Пскове только во второй половине XII в. Итак, амплитуда датировки Иоанновского собора еще более широка — от первой половины XII до 40-х годов XIII в.

О церкви Дмитрия Солунского летописи упоминают несколько раз, причем сведения разных летописей, на первый взгляд, противоречат друг другу. В Первой Псковской летописи при упоминании о перестройке церкви в 1524 г. сказано: «...а стояла первая церковь в Домантове стене великомученик христов Дмитрией 400 лет без 20»¹⁰, т. е. была построена в 1144 г. Но в Третьей Псковской летописи читаем: «Тоя же зимы Всеволод преставися в Плескове, месяца февраля въ 11 день, в четверток масленныя недели; а в неделю положен бысть в церкви святого мученика Дмитрия, еже сам создал»¹¹.

Это противоречие можно объяснить тем, что Всеволод поставил деревянную церковь, которая и стала его усыпальницей, а в 1144 г. был выстроен новый каменный храм.

В. Д. Белецкий, раскрывший фундаменты церкви Дмитрия Солунского в Довмонтовом городе, считает, однако, что Всеволодом в 1137—1138 гг. был возведен каменный храм¹². Свой вывод исследователь основывает на сходстве с планом и строительной техникой новгородской церкви Успения на Торгу 1135 г. Среди клейм и знаков, обнаруженных на кирпичях храма, есть клеймо, сходное с так называемыми знаками Рюриковичей. В. Д. Белецкий считает это также аргументом в пользу того, что церковь построена Всеволодом¹³.

О Троицком соборе упоминает Первая Псковская летопись в рассказе о смерти Всеволода: «...а в неделю положен бысть в церкви святых Троица, ея же бе сам создал»¹⁴. Вряд ли это так. Скорее всего Всеволод действительно был первоначально похоронен в Дмитриевской церкви, и лишь после его канонизации в 1193 г. останки князя перенесли в Троицкий собор. Дореволюционные историки вслед за летописью датируют собор 1137 г.¹⁵, а в современной историографии после исследования Н. Н. Воронина¹⁶ господствует более поздняя датировка — конец XII в.

Таким образом, сомнения в датировке рассматриваемых храмов остаются, даты называются самые разные — от 30-х годов XII до 40-х годов XIII в. Чтобы уточнить датировку построек, необходимо свидетельство объективных материалов. С этой целью можно опереться на технические особенности памятников. Методологической основой нашей работы послужило исследование П. А. Раппопорта¹⁷. Кроме того, ее облегчала составленная Г. М. Штендером таблица размеров кирпичей новгородских построек XII — 40-х годов XIII в.¹⁸

Для того чтобы сопоставить датировку псковских и новгородских церквей, надо знать средние размеры кирпичей псковских храмов. П. А. Раппопорт считает, что для выделения основного формата необходимо обмерить два-три десятка кирпичей¹⁹. По различным обстоятельствам не было возможности провести столько замеров, поэтому расчеты, по-видимому, имеют некоторую погрешность. Разница же размеров на 1—1,5 см допускалась техникой изготовления плинфы²⁰.

Некоторые размеры кирпичей церкви Дмитрия Солунского опубликованы В. Д. Белецким²¹, остальные были им любезно предоставлены в мое распоряжение. Обмерено 13 кирпичей и фрагментов (табл. 1).

Как видно из таблицы, кирпичи приблизительно одного размера: длина — в пределах 30,5—33 см, ширина — 23—24,5 см, толщина — 4,5—5 см.

Кирпичи Спасского собора обмерялись в кладке южной стены северо-западной палатки, западной стены основного объема и юго-восточного столба²². Обмерено восемь кирпичей, причем все три параметра можно было определить лишь у трех, так как обмеры проводились в кладке. Кроме того, большая часть стены оштукатурена, что также затрудняло работу. Однако на лицевую поверхность стены выходят не только лож-

Таблица 1
Размеры кирпичей церкви Дмитрия Солунского (см)

Ложок (длина)	Тычок (ширина)	Толщина (высота)	Ложок (длина)	Тычок (ширина)	Толщина (высота)
30,5	23	5,5	32,5	—	3,5
31	23,5	4,5	—	24	5
32,5	23,5	5	—	23	4,5
33	23	4,7	—	23	5
32,5	24	5	—	23	5
32,5	24,2	5	—	24	5
31,5	24,5	5			

Таблица 2
Размеры кирпичей Спасо-Преображенского собора
Мирожского монастыря (см)

Ложок (длина)	Тычок (ширина)	Толщина (высота)	Ложок (длина)	Тычок (ширина)	Толщина (высота)
35	23	5,2	—	16	6
33	23	5,5	—	19,5	6
33	23	5,5	—	23	5
38,5	—	5,5	—	17,3	5,3
—	21,8	5,3			

Таблица 3
Размеры кирпичей Иоанно-Предтеченского собора
Иоанновского монастыря (см)

Ложок (длина)	Тычок (ширина)	Толщина (высота)	Ложок (длина)	Тычок (ширина)	Толщина (высота)
38	16	4,5	34,5	—	5
36,5	22	5	36	—	6
35	23	3,5	32	—	4,5
35	23,5	4	—	24	6
38	16	4	—	28	4,5
35	23	4,5	—	21	5,5
35	28	4,5	—	28	4,5
34,5	—	5	—	27	4,5

ковые, но и тычковые стороны кирпичей, что позволило выяснить их средние величины: длина — в пределах 33—35 см, ширина — 21—23 см, толщина — 5—6 см (табл. 2). Кирпичи значительно отличаются по размерам, что, однако, не мешает определить основной формат.

Обмеры кирпичей Ивановского собора проводились во время реставрации в разных частях здания (в западной и южной стенах, барабане, кладке западной подпружной арки, северо-западного угла и пр.)²³. Обмерено 16 кирпичей. Плинфа, как и в Спасском соборе, разной величины. Наиболее часто встречающиеся размеры: длина — в среднем 34,5—36 см, ширина — 21—24 см, толщина — 4,5—5,5 см (табл. 3).

Экспедиции Эрмитажа удалось найти несколько обломков плинфы Троицкого собора XII в.²⁴ Длину и ширину по этим фрагментам определить нельзя, но по толщине (4,5—6 см) они близки кирпичам рассмотренных построек.

Сопоставление средних размеров плинф псковских и новгородских храмов первой половины XII в. приводит к заключению, что храмы были построены почти одновременно, с разницей в несколько лет.

Технологическое сравнение кирпичей позволяет предположить, что все они изготовлены в одной мастерской. Рентгенограммы кирпичей Троицкого, Дмитриевского, Иоанновского соборов²⁵ показывают, что они изготовлены из плохо промышленной глины, иногда с включением кирпичной крошки. В изломе встречаются пустоты и угольки. Обожжены плинфы одинаково, почти все деформировались при обжиге.

Техника кладки в сохранившихся соборах и обнаруженных фрагментах стен Дмитриевской церкви идентична. Это чередование рядов кирпича и известняковой плиты, скрепленных известково-цемяночным раствором²⁶.

Приведенные выше опорные даты, сравнение средних форматов кирпичей новгородских и псковских храмов, технико-технологический анализ позволяют предположить, что в 30—40-х годах XII в. в Пскове работала артель мастеров, выполнявшая заказы князя и архиепископа и построившая четыре храма: Троицкий и Иоанновский соборы, Дмитриевскую церковь и Спасо-Преображенский собор Мирожского монастыря. Думается, можно согласиться с В. А. Булкиным, который относит первое появление артели в Пскове к 20-м — началу 30-х годов XII в. и связывает со строительством Троицкого собора. Возможно также, что Всеволод поставил в Пскове Иоанновский собор, строительство которого в таком случае можно отнести к 1130—1135 гг. В эти годы княжения Всеволода в Новгороде не велось каменное строительство. Иоанновский собор в архитектурном отношении, возможно, повторял Троицкий храм. Это постройка круга новгородского мастера Петра — шестистолпный трехапсидный храм с хорами в западной части. Правда, в отличие от построек мастера Петра, хоры освещены не одной дополнительной главой, а двумя, и лестница на хоры помещается не в башне, а в западной стене, как в церкви Успения на Торгу 1135 г. в Новгороде.

Среди клейм и знаков, обнаруженных на кирпичах церкви Дмитрия Солунского, встречается характерный знак, напоминающий так называемые знаки Рюриковичей²⁷. В сводных таблицах знаков Рюриковичей²⁸ точно такого же знака найти не удалось, но знак, отличающийся от интересующего нас на один элемент, имеется. Он принадлежит черниговскому князю Олегу. При переходе от отца к сыну знак обычно приобретал какой-либо «отпатыныш» или лишался какого-нибудь элемента. Таким образом, знак на плинфе Дмитриевской церкви мог бы принадлежать либо отцу Олега, Святославу Ярославичу, что исключено, так как он умер в 1076 г., либо сыну Олега. У Олега было три сына. Один из них, Святослав Ольгович, был приглашен на новгородское княжение после изгнания Всеволода в 1136 г. и оставался на княжеском престоле до 1138 г., вторично он княжил в Новгороде с 1139 по 1141 г.²⁹ В первое княжение он не мог поставить эту церковь, так как, во-первых, Всеволод в это время находился в Пскове; во-вторых, в Новгороде шло строительство Успенской церкви. Строительство Дмитриевской церкви началось, возможно, в 1139—1141 гг., а закончилось в 1144 г., как сообщает летопись.

Вероятно, последней известной постройкой артели в Пскове был Спасо-Преображенский собор. Как уже сказано, М. Н. Соболева считает

датой возведения собора 1148—1149 г. или даже 1154 г., опираясь на время княжения Ярослава. Но историки называют другую дату княжения Ярослава — 1150—1154 г.³⁰ Попробуем еще раз проанализировать данные Синодика. В числе первых вкладчиков в нем названы «благоверные князья» Ярослав, Юрий, Святослав, Мстислав, Борис, Глеб и Святополк³¹. То, что Ярослав назван первым, и позволило М. Н. Соболевой сделать свой вывод. Упоминание в списке Святополка она объясняет тем, что Святополк после изгнания из Новгорода мог пребывать некоторое время в Пскове³². Но этот факт ничем не подтверждается. Синодик, как считает Л. А. Творогов, был составлен в XIII в.³³ Поэтому вполне возможно, что очередность князей была перепутана. По-видимому, упоминание в списке Святополка говорит как раз о том, что он был одним из первых вкладчиков и что храм построен в его княжение. То, что его имя стоит последним, можно связать либо с поздним составлением Синодика, либо с неуважением псковичей к князю, изгнанному «злобы его ради».

Святополк княжил в Новгороде с 1142 по 1148 г.³⁴ А в летописи при перечислении деяний архиепископа Нифонта Спасский собор упомянут после работ 1144 г. в Софийском соборе и перед церковью Климента в Ладоге, выстроенной в 1153 г.³⁵ Если порядок перечисления соответствует очередности постройки, то Спасский собор был возведен между 1144 и 1148 г.

Какова дальнейшая судьба артели? Думается, что в конце 40-х годов XII в., оставив Псков, она отправилась в Ладогу, где в 1153 г. появляется церковь Климента, двойник Спасо-Преображенского собора, а немного позднее — Успенский, Георгиевский соборы и несколько обнаруженных зондированием подобных им храмов. Однако эта мысль требует подтверждения, в частности, при помощи технологического анализа кладки этих церквей.

Таковы некоторые выводы о датировке домонгольских псковских храмов. Безусловно, они не окончательны, но одно очевидно: Троицкий, Иоанновский, Дмитриевский и Спасский соборы в Пскове — звенья одной цепи построек 30—40-х годов XII в.

¹ ПСРЛ. СПб., 1841. Т. III. С. 12.

² *Васильев И. И.* Археологический указатель г. Пскова и его окрестностей. СПб., 1898. С. 64; *Окулич-Казарин Н. Ф.* Спутник по древнему Пскову. Псков, 1911. С. 244.

³ *Некрасов А. И.* Древний Псков. М., 1923. С. 10.

⁴ *Спегальский Ю. П.* Псков. Л., 1972. С. 20.

⁵ *Алферова Г.* Собор Спасо-Мирожского монастыря//Архитектурное наследство. М., 1958. Т. 10. С. 5.

⁶ *Соболева М. Н.* Стенопись Спасо-Преображенского собора Мирожского монастыря в Пскове//Древнерусское искусство: Художественная культура Пскова. М., 1968. С. 42, 43.

⁷ ПСРЛ. Т. III. С. 53; *Васильев И. И.* Археологический указатель... С. 69.

⁸ *Некрасов А. И.* Древний Псков. С. 17.

⁹ *Спегальский Ю. П.* Псков. С. 22.

¹⁰ Псковские летописи. М.; Л., 1941. Т. I. С. 103.

¹¹ Псковские летописи. М.; Л., 1955. Т. II. С. 77.

¹² *Белецкий В. Д.* Клейма и знаки на кирпичах XII в. из церкви Дмитрия Солунского в Пскове//СА. 1971. № 2. С. 277.

¹³ Там же. С. 274, 276, 277.

¹⁴ Псковские летописи. Т. I. С. 10.

¹⁵ *Васильев И. И.* Археологический указатель... С. 12.

¹⁶ *Воронин Н. Н.* У истоков русского национального зодчества//Ежегодник Ин-та истории искусства. М., 1952. С. 257—316.

¹⁷ *Раппопорт П. А.* Метод датировки памятников смоленского зодчества по формату кирпича//СА. 1976. № 2. С. 83—93.

¹⁸ *Штендер Г. М.* Таблица средних размеров кирпичей новгородских построек XII — 40-х годов XIII в.//Памятники культуры: Новые открытия. 1977. М., 1979.

¹⁹ *Раппопорт П. А.* Метод датировки... С. 84.

²⁰ Там же.

²¹ *Белецкий В. Д.* Клейма и знаки... С. 272.

- ²² Обмеры проводились сотрудником Псковского историко-архитектурного и художественного музея-заповедника И. И. Лагуниным, В. А. Булкиным и автором.
- ²³ Обмеры проводились сотрудником Псковской специальной научно-исследовательской реставрационной мастерской С. П. Михайловым и любезно предоставлены им в мое распоряжение.
- ²⁴ Фрагменты, хранящиеся в ГЭ, были любезно предоставлены мне В. Д. Белецким.
- ²⁵ Автор приносит благодарность В. Д. Белецкому за ознакомление с рентенограммами плинф.
- ²⁶ На сходство техники постройки Спаского и Иоанновского соборов указывал еще П. Н. Максимов, исследовавший собор Иоанновского монастыря. Материалы его исследования использованы в статье: *Алферова Г.* Собор Спасо-Мирожского монастыря. С. 26, 27.
- ²⁷ *Белецкий В. Д.* Клейма и знаки. ... С. 273. Рис. 1, 14—16.
- ²⁸ *Рыбаков Б. А.* Знаки собственности в княжеском хозяйстве Киевской Руси X—XII вв.//СА. М.; Л., 1940. Т. 6. С. 232; *Янин В. Л.* Княжеские знаки суздальских Рюриковичей//КСИА. М., 1956. Вып. 62. С. 16.
- ²⁹ *Подвигина Н. Л.* Очерки социально-экономической и политической истории Новгорода Великого в XII—XIII вв. М., 1976. С. 123—125.
- ³⁰ Там же.
- ³¹ *Соболева М. Н.* Стенопись Спасо-Преображенского собора... С. 40.
- ³² Там же. С. 41.
- ³³ Там же. С. 40.
- ³⁴ *Подвигина Н. Л.* Очерки ... С. 124.
- ³⁵ ПСРЛ. Т. III. С. 12.

ХРОНИКА

О. А. ЩЕГЛОВА

ОТДЕЛ СЛАВЯНО-ФИНСКОЙ АРХЕОЛОГИИ
В 1985—1987 ГГ.

Отдел славяно-финской археологии Ленинградского отделения Института археологии АН СССР работал по трем основным направлениям: история и культура ранних славян; культура и города древней Руси; археология Северо-Запада РСФСР (славяне и финны).

В отчетный период завершены плановые темы А. Н. Кирпичникова «Ладога VIII—XII вв.: Этапы развития города по археологическим и письменным источникам»; «Ладога XII—XIV вв.»; П. А. Раппопорта «Взаимосвязи и взаимовлияния древнерусских архитектурных школ»; О. В. Овсянникова «Вельское городище — укрепленная феодальная усадьба XV в.»; «Зарождение и развитие города на территории Архангельского Севера в эпоху средневековья: Историко-археологическое исследование» (представлена в качестве диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук); В. А. Назаренко «Приладожская курганная культура» (САИ); В. П. Петренко «Средневековые лодки и корабли из раскопок Старой Ладogi»; В. М. Горюновой «Комплекс раннесредневековых памятников у с. Картамышево Курской обл.»; В. И. Кильдюшевского «Керамика Северо-Западной Руси XIII—XVII вв.»; М. В. Малевской «Оборонительные сооружения западнорусских земель второй половины XIII—XIV в.»; А. И. Саксы «История исследования археологических памятников Финляндии и северо-западного Приладожья в конце I — начале II тысячелетия н. э.»; К. В. Павловой «Население Верхнего Понеманья X—XIII вв. по материалам погребальных памятников»; «Жилье и хозяйственные постройки городища Осовик»; Д. И. Фоякова «Обработка черных и цветных металлов в древнем Торопце»; Н. В. Хвоцинский «Могильник Залахтове: Погребальный обряд». В 1985—1987 гг. сотрудники Отдела опубликовали два сборника: «Новое в археологии Северо-Запада СССР» (Л., 1985; 1986), а также три научно-популярные книги: Концевий В. Я., Носов Е. Н. «Загадки Новгородской округи» (Л., 1985); Раппопорт П. А. «Зодчество древней Руси» (Л., 1986); Якобсон А. Я. «Закономерности в развитии средневековой архитектуры» (Л., 1985).

За три года вышло из печати более 160 статей и заметок, написанных сотрудниками Отдела, общим объемом свыше 120 авторских листов. Среди них — главы тома «Археологии СССР»: «Древняя Русь: Город, замок, село», написанные А. Н. Кирпичниковым и П. А. Раппопортом; раздел «Русь и варяги» в коллективной монографии «Славяне и скандинавы» (М., 1986), составленный А. Н. Кирпичниковым в соавторстве с Г. С. Лебедевым и И. В. Дубовым, и др. Подготовлены к печати международные коллективные труды «Финны в Европе» и «Древности славян

и финно-угров», а также монографии В. П. Петренко «Сопки северного Поволжья»; Д. И. Фоякова и М. В. Малевской «Древний Торопец»; научно-популярные работы П. А. Раппопорта «Архитектура XV—XVII вв.» и Д. И. Фоякова «Город над Торопой».

Успешно защитили кандидатские диссертации В. А. Лапшин («Сельские поселения центральных районов Ростово-Суздальской земли X—XIII вв.», 1985 г.), Д. И. Фояков («Древний Торопец IX—XVI вв.», 1986 г.), целевой аспирант Удмуртского университета Л. Д. Макаров («Вятская земля в эпоху средневековья», 1986 г.), аспирант, сотрудник Музея этнографии народов СССР О. А. Кондратьева («Изделия косторезного ремесла Руси IX—XI вв.: По материалам гребней», 1987 г.), сотрудник Института истории АН ЭССР П. Х. Лиги («Водские элементы в культуре средневековой Эстонии», 1987 г.) и О. А. Щеглова («Проблемы формирования славянской культуры VIII—X вв. в Среднем Поднепровье: Памятники конца VII — первой половины VIII в.», 1987 г.).

Отдел обсудил и рекомендовал к защите названную выше докторскую диссертацию О. В. Овсянникова, работы аспирантов А. А. Песковой («Древнерусский город XII—XIII вв. по материалам городища у д. Городище близ Шепетовки») и Н. И. Платоновой («Погосты Новгородской земли IX—XII вв.»), соискателя Ю. В. Уртана («Языческие культовые памятники Латвии»), а также Ф. Ш. Хузина (Казань) («Биллярское городище: Стратиграфия, хронология») (успешно защищена в 1987 г.) и В. И. Ланга (Таллинн) («Археологические памятники низовьев р. Пирита»).

Сотрудники Отдела разрабатывали серию долговременных исследовательских тем: А. Н. Кирпичников — «Русские средневековые города по рисункам голландского путешественника Николаса Витсена: Псков, Новгород, Москва, Гверь, Торжок»; П. А. Раппопорт — «Очерки истории русской архитектуры XIII—XVII вв.»; Е. Н. Носов — «Новгородская земля IX—XI вв.»; О. В. Овсянников — «Археологическая карта русских средневековых памятников арктического побережья европейской части СССР»; Е. А. Рябинин — «Финно-угорские племена в составе древней Руси: К истории формирования древнерусской народности»; В. П. Петренко — «Памятники Курземского Приморья VII—X вв. и проблема балто-скандинавских связей»; В. М. Горюнова — «Памятники днепровского левобережья в III—VII вв. н. э.»; В. И. Кильдюшевский — «Декоративная керамика Пскова XVI—XVII вв.»; А. И. Сакса — «Материальная культура населения Финляндии и северо-западного Приладожья в конце I — начале II тысячелетия н. э.»; В. А. Тюленев — «Средневековые культовые постройки г. Выборг». Проводятся систематические работы по составлению археологической карты Ленинградской обл. (В. А. Лапшин). Раздел этой работы, посвященный памятникам Волосовского, Гатчинского, Кингисеппского и Ломоносовского районов, завершен.

Отдел ежегодно проводит полевые исследования. Архитектурно-археологическая экспедиция под общим руководством П. А. Раппопорта работала в составе нескольких отрядов. Волынский отряд (М. В. Малевская) завершил исследования двух интереснейших средневековых памятников Луцка — церкви Иоанна Богослова XII в., в которой раскопками открыты фрагменты фресковой росписи XIV в., и княжеского дворца в замке, построенного во второй половине XIII в. Ярославский отряд (О. М. Иоаннисян) исследовал памятники XIII в.: собор Спасского монастыря в Ярославле и Борисоглебскую церковь в Ростове. Остатки колокольни XVI в. изучались в Антониевом монастыре Новгородским отрядом под руководством В. А. Булкина. Кроме того, группа сотрудников Архитектурно-археологической экспедиции участвовала в работе

экспедиции в Гродно и Чернигове, где исследовались памятники древнерусского зодчества. Староладожская экспедиция (А. Н. Кирпичников) продолжала многолетние исследования древнейшего культурного слоя и остатков построек Земляного городища. Прослежен участок жилой застройки, открыты срубные постройки X в. Приладожским курганным отрядом (В. А. Назаренко) исследовались погребальные памятники приладожской чуди в Тихвинском и Волховском районах Ленинградской обл. В 1986 г. на р. Паша у д. Горка наряду с курганами было распотано дерево-земляное погребальное сооружение типа «избы мертвых» с сохранившимися венцами сруба, очагом и следами столбов, поддерживавших кровлю. Остатки кремаций располагались на земляных лавках вдоль стен помещения.

Новгородская областная экспедиция (Е. Н. Носов) продолжила работы на Рюриковом городище, где была открыта постройка конца XII—начала XIII в., входившая в состав княжеского двора. Обнаружена также стенка сооружения из плинфы, возведенного ранее XII в. Велось археологическое обследование округа Новгорода: Ильменского Поозерья и нижнего течения р. Мста. Начаты раскопки на селище Васильевском VIII—X в. Гдовским (С. Г. Попов) и Лужским (Н. И. Платонова) отрядами проведены рекогносцировочные раскопки на городище Сторожинец; на Передольском погосте, содержащем слои от IX в. до позднего средневековья; на городище Косицком в Полужье.

Ижорский отряд Ленинградской областной экспедиции (Е. А. Рябинин) завершил исследование погребальных памятников води. Раскопки сплошной площадью могильников у деревень Великино, Валговицы, Вердия и Бегуницы Кингисеппского и Волосовского районов позволили проследить эволюцию погребальных сооружений от поверхностных каменных вымоств с рассеянными остатками кремаций на стороне (I тысячелетие н. э.) до грунтовых могильников с труположениями (XV—XVII вв.). Приозерный отряд той же экспедиции (А. И. Сакса) исследовал ряд разновременных памятников близ пос. Куркиеки Лахденпохского р-на Карельской АССР. Разведочный отряд (В. А. Лапшин) завершил обследование и фиксацию средневековых памятников в западных районах Ленинградской обл. и продолжил работы по составлению археологической карты в ее восточной части.

Архангельская арктическая экспедиция (О. В. Овсянников) вела обследование памятников археологии в Подвинье, Ненецком автономном округе, на побережье Белого моря. Раскопки городищ XIV—XV вв., в частности Вельского, почти полностью изученного, дали возможность судить о внутренней планировке, оборонительных сооружениях и жилищах центров феодальных вотчин на Двине.

Выборгская архитектурно-археологическая экспедиция (В. А. Тюленев) исследовала собор францисканского монастыря XV в. и кафедральный собор XV—XVI вв.

Сотрудники Отдела вели большие охранные работы в средневековых городах. Так, с 1980 по 1987 г. Ивангородская экспедиция (В. П. Петренко) обнаружила более 60 деревянных и каменных сооружений, относящихся к разным хронологическим этапам городской жизни в Ивангородской крепости XV—XVII вв. Псковский отряд (В. И. Кильдюшевский) проводил охранные раскопки в районе Запсковья, ежегодно исследуя широкие площади городской застройки XV—XVII вв.

Торопецкий отряд (Д. И. Фояков) возобновил в 1986 г. раскопки в г. Торопец Калининской обл. Исследовался посад, где выявлены слои и сооружения XIV—XVI вв. Проведены охранные работы на территории Торопецкого курганного могильника IX—X вв.

Курземская экспедиция (В. П. Петренко) в сотрудничестве с Институтом истории АН Латвийской ССР и Исследовательским советом по охране памятников истории и культуры Латвийской ССР начала раскопки грунтового и курганного могильников V—XII вв. у г. Гробиня, оставленных куршами и выходцами из Скандинавии.

Днепровский левобережный отряд (В. М. Горюнова) возобновил работы на юге Курской обл., где обследован ряд памятников I тысячелетия н. э. в верхнем течении р. Псел. На некоторых проведены спасательные и рекогносцировочные раскопки. Отрядом начаты исследования поселений близ с. Гочево Беловского р-на, относящихся к киевской, черняховской и волынцевской культурам, и селища колочинской культуры близ с. Шмырево Обоянского р-на.

За три года сотрудники Отдела выступили с докладами и сообщениями на конгрессах, конференциях, симпозиумах и семинарах разного уровня: от международных и всесоюзных до региональных. Можно отметить участие в работе V Международного конгресса славянской археологии (Киев, 1985 г., доклады А. Н. Кирпичникова, П. А. Раппопорта, Е. Н. Носова, В. М. Горюновой, Ф. Д. Гуревич, М. В. Малевской); VI Международного конгресса финно-угроведов (Сыктывкар, 1985 г., доклады А. Н. Кирпичникова, Е. А. Рябиной, А. И. Саксы, А. Д. Макарова); всесоюзных археологических конференций «Достижения советской археологии в XI пятилетке» (Баку, 1985 г., доклады А. Н. Кирпичникова, О. В. Овсянникова), «Задачи советской археологии в свете решений XXVII съезда КПСС» (Суздаль, 1987 г., доклады А. Н. Кирпичникова, О. В. Овсянникова, Е. Н. Носова, Е. А. Рябиной, В. А. Назаренко, В. А. Лапшина, М. В. Малевской, А. И. Саксы); XVII конференции финно-угроведов (Ижевск, 1987 г., доклады А. Н. Кирпичникова, А. И. Саксы).

Сотрудники Отдела постоянно участвуют в семинарах «Археология Пскова и Псковской земли» (В. И. Кильдюшевский, А. Н. Кирпичников, О. В. Овсянников, В. А. Тюленев, Н. И. Платонова) и конференциях по истории и археологии Новгородской земли (А. Н. Кирпичников, В. А. Тюленев, О. В. Овсянников, Н. И. Платонова). П. А. Раппопорт и М. В. Малевская регулярно выступают с докладами по истории архитектуры на конференциях искусствоведов: «Лазаревские чтения» (М., 1985 г.); Всесоюзная научная конференция ВНИИ искусствоведения и музеев Московского Кремля (М., 1985 г.), Всесоюзная научная конференция по истории древнерусского искусства (М., 1987 г.). С сообщениями по истории и археологии Русского Севера О. В. Овсянников выступил на Ломоносовской конференции Географического общества в Архангельске (1986 г.), на конференциях «Октябрь и северное крестьянство» (Вологда, 1987 г.) и «150 лет археологических работ в Арктике» (Л., 1987 г.).

В рамках договоров о научном сотрудничестве развиваются творческие связи Отдела с коллегами из Эстонии и Латвии. Так, в 1986 г. А. Н. Кирпичников выступил с докладом об архитектуре Дании в Министерстве культуры Эстонской ССР, а в 1987 г. с успехом прошла встреча сотрудников Отдела с эстонскими археологами в Таллинне, где А. Н. Кирпичников, В. П. Петренко, В. А. Назаренко, А. И. Сакса и Д. И. Фоянков доложили о новейших результатах своих исследований. В. П. Петренко принимал участие в Межреспубликанской конференции «Проблемы этнической истории балтов» (Рига, 1985 г.) и научной отчетной сессии об археологических исследованиях в 1984—1985 гг. (Рига, 1986 г.), а Е. Н. Носов выступил с докладом об изучении раннесредневековых городов на Методологическом семинаре Института истории АН Латвийской ССР (1986 г.).

Активная деятельность Отдела в области охраны памятников истории и культуры отражена в докладе А. Н. Кирпичникова на V съезде ВООПИК в г. Горький (1987 г.), где была представлена программа реформ в деле охраны и использования культурного наследия, а также на конференции по истории Ямбургской земли (Кингисепп, 1986 г., В. П. Петренко, В. И. Кильдюшевский), юбилейных чтениях «600 лет Порховской крепости» (Порхов, 1987 г., А. Н. Кирпичников), конференции Объединения музеев Ленинградской обл. в Тихвине (1987 г., В. А. Назаренко). По инициативе Отдела в 1987 г. Советский фонд культуры установил попечительство над архитектурно-археологическим заповедником в Старой Ладоге.

В 1985—1987 гг. значительно расширились международные связи Отдела. На первом месте по традиции стоят связи с финскими археологами. В мае 1986 г. сотрудники Отдела были хозяевами V советско-финляндского археологического симпозиума «Древности славян и финно-угров», в работе которого приняли участие 12 финских специалистов — представителей различных археологических учреждений — и 18 советских ученых из ведущих центров финно-угроведения. Отдел был представлен шестью докладчиками (А. Н. Кирпичников, Т. Эдгрэн — «Научное сотрудничество СССР и Финляндии в области археологии»; О. В. Овсянников, И. А. Верещагина — «Памятники XII—XIII вв. в среднем течении Северной Двины»; Е. А. Рябинин — «Чудь Водской пятины»; Е. Н. Носов — «К вопросу о происхождении легенды о призвании варягов»; В. А. Тюленев — «Кафедральный собор Выборга»; А. Н. Кирпичников, В. А. Назаренко, А. И. Сакса — «Каменные кучи в Северной Европе»). По материалам симпозиума подготовлена книга «Древности славян и финно-угров». В 1985 г. Е. А. Рябинин выступал на симпозиуме «Этнокультурные связи Финляндии с Востоком» в Хельсинки, а в 1987 г. В. А. Тюленев познакомился в Финляндии с материалами по строительной истории Выборга и передал в дар Архиву ЛОИА копии обнаруженных в архиве строительного отдела Музейного ведомства Финляндии чертежей средневековых памятников города.

Отдел принимает активное участие в разработке проблем, связанных с историей городов Балтийского региона. Так, в 1986 г. А. Н. Кирпичников принял участие в I коллоквиуме советских и датских историков «Исследования городов (800—1500 гг.) в Советском Союзе и Дании» (Копенгаген), а в 1987 г. — в международной конференции «Ольденбург — Волин — Ладога — Новгород — Киев: Торговля и торговые связи в эпоху раннего средневековья» (Киль, ФРГ). Перед сотрудниками Отдела выступили директор Национального музея Копенгагена Олаф Ольсен с докладом «Исследование средневековых городов Дании» и Торстейн Камелле (Мюнстерский университет, ФРГ) с сообщениями «Украшения эпохи викингов» и «Проблемы изучения средневековых городов Балтики». Вопросам, связанным с образованием раннегородских центров на территории Северо-Запада СССР, посвящены выступления Е. Н. Носова перед археологами Варшавы и Щецина (1987 г.). С изучением средневековых городов Румынии познакомил Отдел румынский исследователь Мирча Матей.

Отдел регулярно проводит заседания, на которых за три года заслушано и обсуждено 65 научных докладов сотрудников Отдела и 63 доклада представителей других академических учреждений, музеев и высших учебных заведений.

КОНФЕРЕНЦИЯ «АРХЕОЛОГИЯ И ИСТОРИЯ ЗАПАДНЫХ БАЛТОВ»

Межреспубликанская конференция «Археология и история западных балтов» состоялась 19—21 апреля 1989 г. в г. Клайпеда (Литовская ССР). Ее организаторами были недавно образованное Археологическое общество Литвы, Институт реставрации памятников и Клайпедский краеведческий музей.

В древности балты составляли обширную этноязыковую общность, которая уже во II тысячелетии до н. э. дифференцировалась на несколько крупных племенных группировок. Одной из них и были западные балты, история которых на протяжении веков тесно соприкасалась с историей славян, а также различных германских племен. Культурные импульсы поступали в западнобалтский ареал из Скандинавии, Римской империи, дунайских земель. Поэтому археология западных балтов составляет важные разделы европейской археологии.

Западные балты не дожили до наших дней. В эпоху средневековья они растворились среди иных этносов: часть их вошла в состав литовской и латышской народностей, другая влилась в древнерусскую и польскую народности, третья оказалась ассимилированной в составе Тевтонского ордена. В этой связи понятна существенная роль археологии в изучении истории и культуры западных балтов.

Конференция в Клайпеде была первым научным форумом, посвященным истории западных балтов. Она собрала специалистов по западнобалтской археологии из различных научных учреждений, ВУЗов и музеев Литвы, Латвии, России и Белоруссии. В программу работы конференции не были включены широкие обобщающие доклады. Задачей ее был анализ круга вопросов, связанных с историей и культурой отдельных западнобалтских племен. Приблизив рассмотрение этих вопросов к конкретным материалам археологии, следовало показать состояние и уровень современных знаний археологии о каждом из племенных образований западных балтов.

Региону, заселенному в раннем средневековье куршами, было посвящено три доклада. М. Михельбертас (Вильнюс) в докладе «Заселение западной Литвы в древнем железном веке и некоторые вопросы этнической истории данного региона» показал, что Литовское поморье было наиболее плотно заселенной областью. Разработав абсолютную хронологию древностей раннего железного века западной Литвы, докладчик продемонстрировал динамику заселенности региона на протяжении I—IV вв. К концу этого периода количество поселений здесь резко сокращается в результате отлива населения в Жемайтию и северные районы Литвы. Трудность проблемы этногенеза куршей заключается в отсутствии генетической преемственности между могильниками с каменными венцами, исчезающими в VI в. н. э., и последующими древностями. Поэтому племенная принадлежность памятников I—V вв. Литовского поморья остается дискуссионной.

Важные выводы о заселении куршами не только Литовского поморья, но и западной Жемайтии содержались в докладе Л. Вайткунскене (Вильнюс), озаглавленном «О восточных границах этнической территории куршей в первой половине I тысячелетия н. э.» Анализировались материалы могильника у д. Жвиляй (Шилальский р-н), раскапываемого докладчицей в течение шести полевых сезонов. Исследовано более 160 по-

гребений III—V вв., вещевой инвентарь и обрядность которых полностью сопоставимы с могильными древностями Литовского поморья. В Жемайтии известны и другие могильники такого же облика. Все это дало основание утверждать, что ареал куршей в дофеодалную эпоху на востоке достигал р. Дубиса. Л. Вайткунскене присоединилась к тем языковедам, которые полагают, что жемайтский диалект литовского языка ведет свое начало не от племенного диалекта жемайтов, а является продуктом ассимиляции куршского языка.

В докладе «К вопросу о распространении обряда трупосожжения в V—VIII вв. в Жемайтии» А. Таутавичюс (Вильнюс) возражал против существующей в археологической литературе точке зрения о миграции жемайтов в западном направлении. Появление трупосожжений в западной Жемайтии, по мнению докладчика, было результатом взаимодействия местного населения с западнобалтскими племенами Самбии, Надровии и Скалвии.

Хронологии древностей раннесредневековых пруссов было уделено внимание в докладе В. И. Кулакова (Москва) «Этапы истории пруссов V—XII вв.» Докладчик рассмотрел эволюцию материальной культуры этого племени и выявил «разрывы» в ее развитии. Один из последних «разрывов», датировемый началом VIII в., он объясняет вторжением в земли пруссов дружины из восточномазурской культурной области. В первой половине IX в. заметные изменения в культуре пруссов вызвало внедрение скандинавов.

С интересом был заслушан доклад В. Шименаса (Вильнюс) «Видявучо — легенда или действительность». На конкретных археологических материалах было показано, что в конце V — начале VI в. на Самбийском полуострове и в низовьях Немана появились переселенцы, отдельные элементы культуры которых сопоставимы с древностями Среднего Подунавья и причерноморских степей. В. Шименас полагает, что в низовьях Немана поселились воины, участвовавшие в походах эпохи великого переселения народов. Делается вывод, что изложенная в хронике XVI в. Симона Грунау легенда о Видявуче, о его изгнании готами и переселении в землю пруссов, имеет реальную основу.

Большой интерес вызвал доклад В. Жулкуса (Клайпеда) «Межплеменные пространства и мир умерших в мировоззрении балтов». Докладчик исследовал пограничные, необжитые земли, разграничивавшие отдельные племена куршей и пруссов. На таких межевых полосах сосредоточивались культовые камни, ставились каменные идолы. Здесь выявлено множество гидронимов, связанных с языческой терминологией, и т. п. В отличие от основных территорий племен, где ориентировка погребенных определялась положением небесных светил, в землях, примыкающих к пограничным полосам, прослежены отклонения от этого обычая. Погребенные здесь ориентировались в сторону межевых пространств, т. е. в направлении мифического «мира умерших» (леса, камни и пр.).

Проблема истории и культуры ятвягов остается наиболее дискуссионной в западнобалтской археологии. Этой теме на конференции было посвящено четыре доклада. В. В. Седов (Москва) в докладе «Земля ятвягов: Племенная дифференциация» обратил внимание на неравномерность территориального распространения основных памятников ятвягов — могильников с каменными курганами. Они образуют несколько регионов, разделенных лесными и болотистыми пространствами. В этих регионах сформировались отдельные ятвяжские племена — собственно ятвяги (судава), проживавшие в бассейне Черной Ганчи, полексяне, дейнова, элинцы, зельвяне.

В докладе А. Астраускаса (Вильнюс) «Погребальные памятники Ят-

вяжской земли» получили обстоятельную характеристику курганные могильники Сувалкии и Литовского Понеманья. Выделены три хронологических периода (I—IV, V—VIII и IX—XIII вв.), показано их территориальное распределение, приведены статистические данные. А. М. Медведев (Минск) в докладе «К вопросу об участии ятвягов в формировании культуры восточнолитовских курганов» утверждал возможность миграции ятвягов в V—VI вв. в земли восточной Литвы. Докладчик полагает, что культура восточнолитовских курганов сложилась при участии ятвягов, а следовательно, они были одним из компонентов в этногенезе племени литвы.

Многочисленными работами Польской ятвяжской экспедиции в Сувалкии сравнительно хорошо изучены каменные курганы первой половины I тысячелетия н. э. Польский археолог М. Качинский собрал и систематизировал также материалы по грунтовым могильникам северо-восточной Польши. Об этих исследованиях шла речь в выступлении Г. Н. Пронина (Москва) «Два типа погребений в земле ятвягов». Докладчик полагает, что связывать названные памятники с какими-либо этноплеменными общностями преждевременно.

Проблема происхождения города в западнобалтском мире слабо изучена. В этой связи большое внимание привлек доклад И. Гениса (Клайпеда) «К вопросу об образовании западнолитовских городов». Исследователь показал, что на побережье Балтийского моря раннесредневековые города выросли из торговых факторий. Таким было раннесредневековое поселение в Паланге. Большинство же городов западной Литвы образовалось в местах концентрации населения, там, где были наиболее плодородные почвы. Такими зарождающимися городами были известные городища Экете, Скомантай, Имбаре — торговые, ремесленные и административные центры отдельных земель.

В выступлении А. Жальнерюса (Каунас) «Истоки и раннее развитие Каунаса: Проблемы археологических исследований» были подведены итоги раскопок этого города. Установлено, что предшественником города было поселение, расположенное при слиянии Немана и Нериса и существовавшее со второй половины I тысячелетия н. э. Здесь, на первой террасе, и возник ранний город с посадом, который в середине XV в. был перенесен на новое место. Докладчик обратил внимание на орнаментику глиняной посуды X—XIV вв. из Каунаса, которая не имеет аналогий в Литве и сопоставима с материалами Пруссии и Скандинавии.

Два доклада — И. Осе (Рига) «Возникновение изразцовых печей в Латвии» и Р. Спрайнайтиса (Клайпеда) «Курительные трубки голландского типа в культурных слоях г. Клайпеда» — были посвящены культуре Литвы и Латвии периода позднего средневековья. Оба докладчика анализировали соответствующие материалы на широком европейском фоне, демонстрируя широкие связи Прибалтики со странами и городами Средней Европы.

Оживленная дискуссия на конференции показала, что археологические изыскания по западнобалтской проблематике ведутся успешно, но имеется еще немало слабо разработанных тем. Наиболее трудоемка археология ятвягов, и здесь очень нужна координация с польскими коллегами. Спорные моменты были подмечены в докладе В. Жулкаса, в целом получившем высокую оценку. Существенным в работе конференции было освещение миграционных процессов в истории западных балтов, которые недооценивались в прежних исследованиях. Конференция обсудила вопросы, имеющие большое значение для всей археологии Прибалтики и соседних земель, что послужит импульсом для дальнейших исследований древней истории этого региона.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АИЗ — Археологические известия и заметки
АО — Археологические открытия
АС — Археологический съезд
АСГЭ — Археологический сборник Государственного Эрмитажа
ВООПИК — Всесоюзное общество охраны памятников истории и культуры
ГАИМК — Государственная академия истории материальной культуры
ГИМ — Государственный Исторический музей
ГЭ — Государственный Эрмитаж
ЗРАО — Записки Русского археологического общества
ИА — Институт археологии Академии наук СССР
ИАК — Известия Археологической комиссии
ИГАИМК — Известия Государственной академии истории материальной культуры
ИИМК — Институт истории материальной культуры Академии наук СССР
ИКП — Институт консервации памятников Министерства культуры Литовской ССР
КСИА — Краткие сообщения Института археологии Академии наук СССР
КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры Академии наук СССР
ЛОИКФУН — Ленинградское общество исследователей культуры финно-угорских народностей
ЛОИА — Ленинградское отделение Института археологии Академии наук СССР
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
НАРМ — Научный архив Рязанского музея
ПИДО — Проблемы истории докапиталистических обществ
ПКНО — Памятники культуры: Новые открытия
ПЭЭИБ — Проблемы этногенеза и этнической истории балтов
РАНИОН — Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук
СА — Советская археология
САИ — Свод археологических источников
СЭ — Советская этнография
ЧКМ — Череповецкий краеведческий музей
ESA — Eurasia Septentrionalis Antiqua
LAA — Lietuvos archeologijos atlasas
MADA — LTSR Mokslu akademijos darbai

СОДЕРЖАНИЕ

И. Т. Кругликова. К семидесятилетию Института археологии АН СССР 3

Статьи

- В. В. Седов.* Формирование восточнославянской народности 10
А. М. Спиридонов. Локализация пунктов Устава Святослава Ольговича 1136/37 г. и становление погостов в Прионежье и Заволочье 16
В. В. Жулкус. Территория и особенности социальной структуры южно-куршских земель в IX—XII вв. 21
И. А. Бажан, С. Ю. Каргапольцев. В-образные рифленые пряжки как хронологический индикатор синхронизации 28
В. И. Кулаков. Погребения военачальников прусской дружины 35

Публикации

- С. Г. Попов.* Городище Сторожинец 45
В. В. Судakov. Сельские поселения IX—XV вв. в округе Переяславля Рязанского 57
А. В. Шекун. Производственный комплекс конца XII в. в Чернигове 64
О. В. Овсянников, Н. В. Мальцев. Вотложемский городок 71
Н. А. Макаров, А. С. Беляков. Кемский некрополь в северном Белозерье 75
И. В. Исланова. Субстратные традиции в элементах погребального обряда Федовского могильника 84
А. В. Квятковская. Исследования каменного могильника у д. Вензовщина 90
В. Г. Пуцко. Створка креста-энколпиона из Грабцева 95
В. П. Челяпов. Береста с рисунком из кремля Переяславля Рязанского 100
Е. Н. Носов, Л. С. Розанова. Технология обработки железа на поселениях Прильменья в IX—X вв. 102
М. М. Толмачева. Кузнечные изделия салтово-маяцкой культуры по материалам Ютановского могильника 107
Н. Н. Демичева. О датировке памятников домонгольского зодчества в Пскове 112

Хроника

- О. А. Щеглова.* Отдел славяно-финской археологии в 1985—1987 гг. 118
В. В. Седов. Конференция «Археология и история западных балтов» 123
Список сокращений 127
-

Научное издание

Средневековая археология Восточной Европы
КСИА. Вып. 198

Утверждено к печати Институтом археологии АН СССР

Редактор издательства Н. И. Сергиевская. Художественный редактор И. Д. Богачев.
Технические редакторы М. И. Джиева, А. С. Бархина. Корректор В. Г. Петрова

ИБ № 39049

Сдано в набор 22.03.89. Подписано к печати 15.05.89. Формат 70×100^{1/8}. Бумага книжно-журнальная.
Импортная. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. печ. л. 10,32. Усл. кр. отт. 10,65.
Уч.-изд. л. 11,3. Тираж 1700 экз. Тип. зак. 2765. Цена 2 руб.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Наука» 117864 ГСП-7, Москва В-485
Профсоюзная ул., 90.

2-я типография издательства «Наука», 121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 6.